

АЛЕКСАНДР
СТРУЧЕВ

Ц РСТВО

1955-1957

Александр Струев
Царство. 1955–1957

«Алгоритм»

2015

УДК 327.8
ББК 66.2

Струев А. Л.

Царство. 1955–1957 / А. Л. Струев — «Алгоритм», 2015

Роман «Царство» рассказывает о времени правления Н.С. Хрущева. Умирает Сталин, начинается умопомрачительная, не знающая передышки, борьба за власть. Одним за другим сбрасывает с Олимпа хитрый и расчетливый Никита Сергеевич Хрущев. Сначала низвергнут и лишен жизни Лаврентий Берия, потом потеснен Георгий Маленков, через два года разоблачена «антипартийная группа» во главе с Молотовым. Лишился постов и званий героический маршал Жуков, отстранен от работы премьер Булганин. Что же будет дальше, кому достанется трон? Ему, Хрущеву. Теперь он будет вести Армию Социализма вперед, теперь Хрущев ответственен за счастье будущих поколений. А страна живет обычной размеренной жизнью – школьники учатся, девушки модничают, золотая молодежь веселится, влюбляется, рождаются дети, старики ворчат, но по всюду кипит работа – ничто не стоит на месте: строятся дома, заводы, электростанции, дороги, добываются в недрах земли полезные ископаемые, ракеты стартуют к звездам, время спешит вперед, да так, что не замечаешь, как меняются времена года за окном. Страшно жить? И да, и нет, но так интересно жить, и, главное – весело! На дворе стояли 1955–1957 годы...

УДК 327.8
ББК 66.2

© Струев А. Л., 2015
© Алгоритм, 2015

Александр Струев

Царство

При создании романа автор опирался на воспоминания Н.С. Хрущева, Л.М. Кагановича, А.И. Микояна, книги Светланы Аллилуевой, Уильяма Таубмана, Юн Чжан и Джона Холлидея, на документальные издания «Международного фонда «Демократия»» (Фонд Александра Яковлева), на сборник документов «Политбюро и дело Берия», на изданные в серии «Архивы Кремля» «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний» под общей редакцией академика А.А. Фрусенко, на его работы и архивные материалы, и, безусловно, на личные воспоминания.

2 января 1955 года, воскресенье

Новогодние праздники самые долгожданные. Кто не любит Новый год? Вряд ли отыщется такой. Площади столицы украсили нарядные елки, кое-где зажгли разноцветные фонари. Настроение отличное, даже дышится в Новый год по-иному, легко и непринужденно.

Хрущевы всей семьей отправились в Парк Горького, папа давно обещал свозить детей на большой каток, купить цветных петушков-сосалок, покатать на каруселях.

– Пап, мы с горы поедem? – спросил маленький Илюша.

– Обязательно! – пообещал отец.

Ох, и крутые горы в парке отдыха! Неимоверно быстрые, на самый берег Москвы-реки санки выносит! Главное – ненароком шею не свернуть, а катается здесь пол-Москвы. Оседлаешь саночки и мчишь стремглав: «О-го-го-го-го!» Нина Петровна с девочками три раза с хохотом вниз скатилась. Напроказничались, так уж напроказничались!

Народу в парке – видимо-невидимо! Снег мягкий, податливый. Всякий, кому не лень, может сделаться скульптором. Тут и там детвора и взрослые катают снеговиков. Теперь они стоят повсюду: на центральной площади, на аллеях, вдоль набережной, даже у центральных ворот, где крутится веселая карусель, помигивающая разноцветной иллюминацией, выстроилась армия забавных снежных фигур. Сколько их здесь? Пятсот, тысяча? Повсюду снеговики и снежные бабы: высокие и поменьше, толстенные, в три обхвата, и худышки – добродушные, улыбочивые, новогодние! А какая нарядная елка при входе! Никита Сергеевич с детишками слепил целую семью снеговиков: маму, папу и сыночка.

Два часа, без передышки, под лирические песни репродукторов хрущевские дети носились на коньках. Илюшу поставили на салазки, и папа, как лошадка, с громким криком возил его по ледяному полю, пытаясь догнать шуструю Иришку или угнаться за быстроходным Сергеем. Одним словом, накатались, накричались, нагулялись! Еле увели разгоряченную компанию домой. Нина Петровна нервничала: как бы Илюша простуду не подхватил. Вернулись домой уставшие, но такие счастливые! Приятная истома растекалась по телу, ноги гудели. Нина Петровна с Иришей устроились на диване перед телевизором, усовершенствованная модель которого, с увеличенным вдвое экраном, была установлена в гостиной.

– Научились телевизоры делать! – радовался Никита Сергеевич. Он прилег рядом, пытаясь смотреть передачу, но сон сморил – отец со свистом похрапывал.

В кабинете зазвонил телефон.

– Будь ты неладен! – вздрогнул первый секретарь и неуклюже поспешил в соседнюю комнату.

– Хрущев! – рявкнул он в трубку.

– Извините, что беспокою, это Серов.

– Чего тебе?

- Хочу о Василии Сталине доложить.
- Никита Сергеевич понял, что ничего хорошего не услышит.
- Тут такое дело, не хочу вас расстраивать...
- Да говори, в самом деле!
- Василий четвертый день в загуле, – доложил председатель КГБ.
- Он в Барвихе?
- Да, в санатории «Барвиха». К нему друзья понаехали, спортсмены и бывшие сослуживцы, потом грузины какие-то появились. Пьют, медицинский персонал посылают. Вчера пьяной гурьбой гуляли, отдыхающих перепугали, на катке гвалт устроили, мат-перемат!
- Никто безобразия пресечь не может?! Главврач в санатории на что?!
- Пытались, а он в ответ: я – сын Сталина!
- Сын Сталина... – протянул Хрущев.
- В даче сидят, пируют. Девушек привезли, – докладывал генерал. – На ночь оставили, одна под утро сбежала, плачет, еле, говорит, вырвалась. Изнасиловали ее.
- Кто, Васька?! – вскипел Хрущев.
- Точно не скажу, мы без вашей команды не вмешиваемся.
- Так вмешайтесь, мать вашу! – не удержался Никита Сергеевич. Хорошо, разговаривал при закрытых дверях, дети брани не слышали.
- Есть! – отрапортовал Серов. – По этому поводу мне уже Молотов звонил.
- А этому что надо?
- Требуется Василия немедленно в тюрьму.
- Пронюхал, шакал!
- В Барвиху Полина Семеновна на лечение приехала, вот ведь как совпало.
- Наводи порядок, – проговорил Хрущев. – Всех гостей за дверь, хулигана запереть, установить пост! Докторов ему дай своих, чтобы язык был на замке.
- Слушаюсь! – отчеканил генерал-полковник.
- Ты зачем, Ваня, мне праздник портишь? – устало вымолвил Никита Сергеевич. – Почему не бережешь меня?
- Извините, что огорчил, – оправдывался Серов, – не хотел до утра беспокоить, но без вас никак не обойтись, Молотов телефон оборвал.
- В этот момент на столе тяжелым утробным звуком зазвонил белый аппарат правительственной связи.
- Молотов наяривает! – сообщил Никита Сергеевич. – Сейчас будет кровь пить!
- Ну, я вас предупредил, – отозвался Иван Александрович.
- Ладно, давай! – и Первый Секретарь положил трубку.

В правительственной санатории «Барвиха», на затерянной в дремучем лесу даче, шло шумное веселье. Прямо на крыльце два немолодых грузина развели между поставленными на ребро кирпичами огонь, и ловко жарили шашлыки. Рядом стоял полупустой ящик коньяка, это был уже третий ящик «Энисели».

- Автандил, что, готово?
- Сделал, сделал! – отозвался лысоватый Автандил. – Через минуту снимаю.

Напарник подал блюдо и Автандил водрузил на него шампуры с дымящимся мясом. Повара поспешили в дом. В столовой находилось пятеро мужчин и женщина. Все были мертвецки пьяны. Мужчины держались лучше, самыми трезвыми оказались два грузина, те, что готовили шашлыки. Один из них долгое время работал администратором ресторана «Арагви», где еще при жизни товарища Сталина часто пировал Василий Иосифович. Блюдо с шашлыками установили по центру стола, рядом выложили зелень, сыр и обжигающую дыхание аджику.

- Где Василий Иосифович?

Один из гостей, здоровяк в морской форме капитана третьего ранга, кивнул на закрытую дверь. Из-за двери слышалась возня и голоса.

– Не уходи! Куда ты? Постой! Я же тебя люблю!

– Отпусти!

– Стой, дура!

Из спальни выскочила совершенно голая женщина и, пробежав через комнату, скрылась в соседнем помещении. Через минуту она появилась уже в одежде, надетой кое-как, видно, одевалась наспех. Не говоря ни слова, беглянка схватила с вешалки пальто и выскользнула на улицу.

– Пусть уё...ывает! – провожая ее мутным взглядом, выдавил Василий Сталин.

Он появился вслед по пояс голый с жутко всклокоченными волосами.

– Где рубашка моя?

– Вот, товарищ генерал! – протянул скомканную рубаху коренастый капитан третьего ранга.

Василий Иосифович взял рубашку и стал натягивать на себя.

– Сбежала, дрянь!

– Не расстраивайтесь, – уважительно проговорил Автандил. – Вам разве проשמандовки нужны? Вам нужны красавицы, королевы! – закатил глаза солидный грузин.

Его щуплый товарищ начал раздавать мясо:

– Кюшайте, пака горячее!

В одну руку Василия сунули шампур с шашлыком, в другую рюмку с коньяком.

– За вашего великого отца, Иосифа Виссарионовича Сталина! – провозгласил Автандил.

Все мужчины, кроме Василия, который завалился в кресло, встали со своих мест.

– До дна! – гаркнул капитан третьего ранга.

– Забыли отца! – выдавил пьяный Василий. – Забыли! – и залпом опрокинул рюмку.

– Никто не забыл! Только вот эти, – показав глазами наверх, отозвался администратор «Арагви», – хотят, чтобы великого Сталина забыли, а забыть его невозможно!

– Невозможно! – хмуро подтвердил Василий.

Второй грузин долил всем коньяк.

– За вас, товарищ генерал! – продолжал администратор «Арагви». – Вы, Василий Иосифович, надежда и опора русского народа. Теперь вы за собой должны государство вести!

– Поведу! – икнул Сталин-младший.

– Таких людей как мы – вся страна, а страна – с вами! А те, – и он снова показал глазами наверх, – сраная кучка!

– Сраная кучка! – повторил Сталин-младший. – Убили отца, отравили! – блеснул мокрыми глазами Василий. – Изжили со света!

– В Грузии вас ждут, Василий Иосифович! С нетерпением ждут, с любовью!

– И американцы за вас, – поддакнул второй грузин. – Они вас обязательно поддержат, товарищ Сталин!

– Хватит мне здесь сидеть! – вставая и пытаясь надеть пиджак, прохрипел Василий. – Везите меня в Кремль, морды бить буду! Я им, сукам, задам! – оступившись, он чуть не упал, в последний момент его удержал капитан третьего ранга, бывший хозяйственник футбольной команды авиации Московского военного округа.

– Вы сначала шашлычка покушайте, а тогда поедем! – отозвался плечистый футболист, что сидел за капитаном третьего ранга. – Как вас не стало, так всю нашу команду разогнали.

– Где мой друг, Автандил? Почему не вижу? – потеряв администратора «Арагви» из виду, вымолвил Василий Иосифович.

– Блюет, – объяснил капитан.

Маленький грузин, который помогал жарить шашлыки, глупо хихикнул, и обернувшись к Василию Сталину, с чувством проговорил: – Я вашего папу вот где ношу, – он полез за пазуху и извлек на обозрение фото генералиссимуса. – У сердца ношу! Я за Иосифа Виссарионовича, за его сына умереть готов!

– Не умирай, друг! – простонал очнувшийся от спиртного тренер военной футбольной команды. – Вася, иди, я тебя поцелую!

Василий, шатаясь, побрел на зов, пожилой тренер распростер объятия и стиснул обожаемого генерала. Они долго обнимались и целовались в засос.

– Ну, хватит, хватит! – оторвал Василия капитан. – Чаю не желаете?

– Давай, – выдавил Сталин и, завалившись на соседний стул, оказался за столом. Голова у него гудела, он с трудом различал собеседников, стараясь сосредоточиться на девушке напротив. Она спала, облокотившись на стол и положив голову на руки.

– Как звать ее, Тая, Майя? Забыл!

– Марина, – подсказал капитан третьего ранга.

– Мариночка! – заулыбался Сталин-младший.

Капитан слегка потряс девушку:

– Маринка, вставай!

Она не реагировала.

– Хочу ее! – простонал Василий Иосифович.

– Так кто мешает! – отозвался щуплый грузин.

– Не здесь же!

– Сейчас отнесем ее в вашу спальню.

– И разденьте, ладно?

– Разденем! – хмыкнул грузин. – С таким человеком общаться будет!

Грузин с моряком подхватили спящую и понесли в комнату.

– А может, и мы ее тоже – того? – ухмыляясь, сощурился капитан.

– Офонарел?! Она сталинская! – грозно выдавил подручный.

Мужчины уложили Марину на постель и принялись раздевать. Последние несколько лет Василия Сталина совершенно не смущало, есть ли у понравившейся ему женщины муж или любимый человек. Без разговоров уводил с собой, если надо, то и силой, и держал взаперти до тех пор, пока пленница на все не соглашалась, правда, никогда женщин не бил, не обижал. Вернувшись из заключения, Василий вообразил себя снова тем же властным, способным управлять миром командиром. Казалось, ему снова все дозволено, его снова боятся, любят, обожествляют. Сколько их было, обожающих его женщин – сто, двести? Неважно. Сейчас ему хотелось эту, а потом – в Кремль, учинить разнос папиным холуям, поднять на дыбы страну!

У телефона был Молотов.

– С Новым годом, Никита Сергеевич!

– С Новым годом, Вячеслав Михайлович!

– Ты в курсе, что в «Барвихе» творится?

– Знаю, – отозвался Хрущев. – Васька нажрался.

– Нажрался?! – взвизгнул Молотов. – Он ведет антисоветские разговоры! Призывает к мятежу! Ты, Никита Сергеевич, на себя ответственность брал, а дело чем обернулось? Вопиющее предательство! Я тебя поддержал, а теперь – уволь, отправляй Ваську назад. Сажай его, Никита Сергеевич, иначе мы с тобой поссоримся!

Решение о смещении Маленкова с поста председателя Совета министров еще не было опубликовано, и хотя вопрос этот, казалось, был решен, однако все могло поменяться с точностью до наоборот, особенно теперь.

– Я виноват, Вячеслав Михайлович! – уступил Хрущев. – Думал, исправился парень, осознал.

– Горбатого могила исправит! – желчно выговорил министр иностранных дел и, не прощаясь, кинул трубку.

Никита Сергеевич с минуту сидел, не шевелясь, потом взял телефон и соединился с Серовым.

– Грузин, баб и гостей выпроводили. Василию делают капельницу, он притих, испугался, – доложил председатель Комитета государственной безопасности. – Девушка заявление об изнасиловании писать не стала. С каждого участника застолья взяли объяснение.

– Вот что, – перебил Хрущев, – вези, Ваня, Ваську назад.

– Куда назад? – не понял Серов.

– Куда-куда, в тюрьму!

9 января 1955 года, воскресенье

– Подайте-ка мне иконки! – протянула ладошки Марфа.

– Все, матушка?

– Все.

Иконки были простенькие, бумажные, одна лишь старенькая, в затертом медном окладе – Николай Угодник. Марфа раскладывала их на постели, перебирала, так и засыпала среди икон. Утром иконы оказывались на прежнем месте, в уголке, где горела лампадка.

– Кто их туда ставит? – удивлялась помощница.

– Живые они! – объясняла Марфа.

Целовала ей руку Надя.

– Храни тебя Бог, матушка!

– Храни всех нас!

Марфа молилась неустанно, могла забыть покушать, про все забыть, так велика была ее молитва. Очень радовалась она, когда на подоконник садились птицы, сразу поворачивала в их сторону свою незрячую голову.

– Голубушки разгуливают! – улыбалась Марфуша, словно видела их.

Поест, а крошки соберет для пернатых, потому на узеньком подоконнике постоянно ворковали сизые голуби.

Ходила Марфа плохо, шажок, другой и садилась – ноги не держали. Слабые ножки, маленькие, тоненькие, словно детские, такие же ручки и уже ничего не видящие, всегда закрытые глаза. Зато когда молилась – словно расцветала, преображалась, становилась как будто больше – все вокруг накрывала идущая из самого ее сердца молитва. Великая сила жила в этом плохоньком недоразвитом теле.

Отец Василий смотрел на Марфу и не понимал: как женщина-инвалид может так усердно молиться? Глядя на нее, и он, священник со стажем, начал молиться прилежней. Теперь Василий не скороговоркой выплескивал перед прихожанами проповеди, а каждое слово произносил отчетливо, емко, точно переживая его, и говорить он стал тише, как Марфа, но слова сделались доходчивыми, осмысленными, нужными людям, – а все ведь, глядя на нее, несчастную!

Не уставала Марфа беспрестанно осенять себя крестным знамением, отбивать Господу земные поклоны и просить, не переставая просить помощи для всех, кто нуждался, для хороших людей и для плохих, ведь плохим жить куда тягостнее.

Вчера зашла в ее каморку женщина тридцати пяти лет, ревет навзрыд: «Нет детишек, не дает Господь!» Два мужика по этой причине хлопнули дверь: «Бездетная ты, чего с тобой жить!» А она на ткацкой фабрике с пятнадцати лет, вроде и видная, чернобровая, а не нужна никому. Рыдает, жалуется подруге: «Вчера Боречка накричал, а все из-за того, что деток нет. И

этот уйдет, что я буду делать, ведь старею?» Вешаться хотела. Вот Надя и привела ее к матушке. Женщина эта несчастная, как взглянула на молитвенницу, сразу успокоилась, так хорошо ей на душе сделалось, и о горе своем позабыла. А Марфа сидит на сундучке, сложив ручки, головку свою детскую в сторону гостыи повернула и говорит:

– Что-то ты, милая, мне не то рассказываешь. Вижу я твоего мальчика.

Та прямо запнулась, смотрит во все глаза:

– Как же это?

– Беременная ты, – Марфушка ответила и по голове женщину ручонкой погладила.

Та, не попрощавшись, убежала.

– Мальчика Сашенькой назовет, – вослед изрекла Марфа.

И правда, беременной оказалась.

14 января, пятница

– Куда это ты собрался таким щеголем? – глядя на принарядившегося сына, спросила Нина Петровна.

– В гости пригласили, – делая перед зеркалом идеально ровный пробор, ответил Сергей. Вчера он выпросил у отца флакон одеколona с тонким ароматом и нарядный, с цветными разводами, галстук. – К Ладе Кругловой иду, будем Старый Новый год справлять.

– Придумали же, Старый Новый год! – всплеснула руками Нина Петровна. – Что за праздник такой?!

– Ты не понимаешь, мама! – недовольно отозвался сын. – Сейчас все его справляют.

– Кто это все? – не унималась Нина Петровна. – Мы с отцом про такое слыхом не слыхали.

– Теперь знайте! – придиричиво осматривая себя в зеркале, заявил Сережа. Он, наконец, закончил с пробором: – Мам, как я выгляжу?

– Хорошо выглядишь, – вздохнув, оценила мать. – А кто еще будет?

– Лада будет, – с придыханием ответил отличник.

– Про Ладу я поняла, еще кто?

– Наверное, Коля Псурцев придет, сын министра связи. Денис, возможно, внук академика Петрова. Валентин Полонский всегда с нами и Славик Смиртюков. Я, мам, специально не интересовался.

– А из девушек кто? – выпытывала мать.

– Катя Судец, Леля Лобанова, эти обязательно, Ира Брусницына обещала приехать. После расскажу.

– Прямо знать собирается, одни громкие фамилии! – с неудовольствием выговорила Нина Петровна. – Почему ты в нормальное общество не стремишься, к своим однокурсникам, к ребятам, с кем в школе учился? Все тебя к золотой молодежи тянет!

– Что ты придумываешь, мам, мы давно с Денисом дружим и с Валентином давно! Ребята как ребята, все учатся, студенты, никакие не шалопаи. Лично я к Ладе иду, мне все равно, кто там будет! – отрезал студент.

– Ох уж эти мне праздные вечеринки! – не унималась Нина Петровна. – Не расстраивай отца! – с укором проговорила она.

– Ты не забыла, что я сессию сдал досрочно, и все предметы у меня на отлично?! – возмутился Сергей.

– Молодец!

– Так зачем ругаешься?

– Переживаю за тебя. Боюсь, чтобы с никчемными приятелями не связался, с пути не сбился, ведь молод совсем! – вздохнула Нина Петровна. – Мы с отцом знаешь, как жили?

– Да знаю, мама, знаю! Только не забывай – сейчас время другое! – еле сдерживаясь, чтобы не сказать резкость, выговорил Сергей. Как трудно было объяснять что-либо родителям!

– Иди, жених! – смилостивилась Нина Петровна, мальчик и в самом деле был в институте лучшим.

– Никакой я не жених! – воскликнул Сережа.

– Ступай, ступай!

На даче Кругловых гостей собралось больше обычного. Родители Лады, как всегда, в подобных случаях находились в Москве. На этот раз они гостили у товарища Маленкова, и дача министра внутренних дел оказалась в полном распоряжении молодежи, правда, бдительный персонал из всех сил приглядывал за весельем, в особенности за девятнадцатилетней красавицей Ладой. Говорили, что на вечеринку может приехать ослепительная Майя, дочь Лазаря Моисеевича Кагановича, с молодым женихом, военно-морским офицером. К счастью, в последний момент Каганович объявила, что ее не будет, чему Лада несказанно обрадовалась – не хотела видеть у себя жеманную кривляку. Майя Каганович могла стать на вечеринке центром притяжения, а Лада ни с кем не хотела делить первенство. Язвительная, высокомерная, себялюбивая Майя могла весь праздник испортить. Валентин грозился принести новые пластинки и танцевать до умопомрачения. Он вообще был первоклассный танцор, невозможное вытворял: повсякому извивался, подпрыгивал, иногда точно заводная игрушка пойдет, движения резкие, короткие, а иногда плавно, точно его за веревочку тянут – не ходит, а плывет! Волосы танцора, круто зачесанные назад, блестят, набриолинил, видать, прическу. Забавный, симпатичный парень.

В гостиной накрыли стол. Лада выпроводила службу за двери, и пошло веселье! Музыку врубили на полную. Лишь Игорь Золотухин не веселился, бесхитростно налегая на водку. Через полчаса он был уже абсолютно никакой и дремал на диване, нелепо раскинув руки. Антон делал коктейли, мечтая подпоить недотрог-девчонок, чтобы стало веселей и чтобы заткнуть неприступную Катю Судец целоваться. Новым в этой шумной компании был Александр, сын советского посла в Нидерландах, он сразу стал приударять за Ладой, что деморализовало впечатлительного Хрущева, ведь Сергей рассчитывал на Ладину взаимность и именно сегодня, в канун Старого Нового года, решил признаться девушке в любви. Лада сначала строила Сереже глазки, даже два раза подходила с бокалом и чокалась, но потом ускользнула и все чаще оказывалась в компании высокого атлета в приталенном сером костюме. К тому же Александр разгуливал в модных английских ботинках на высокой, белого каучука, подошве. Невиданные ботинки еще больше привлекали к нему всеобщее внимание. Глядя на скромного Сергея, Лада почему-то вспомнила случайно услышанный разговор между отцом и товарищем Маленковым: взрослые осуждали Никиту Сергеевича, называли его недалеким, пустым и предрекали скорый политический крах его стремительной карьеры, высказывали предположения, кто станет во главе партии – либо Молотов, либо Ворошилов. Лада была целиком согласна со взрослыми, что Климент Ефремович больше подходил для руководителя Коммунистической партии, чем примитивный, лопоухий шутник и мужлан Хрущев. Из разговора было ясно, что у Хрущева с каждым днем уменьшались шансы сохранить пост Первого Секретаря. Лада краем глаза взглянула на хрущевского сына. Сережа, безусловно, был хороший, но очень серенький мальчик, он не конкурировал с высоким, хорошо сложенным Александром, который мог властно притянуть девушку к себе и томным, срывающимся от переполнявших чувств голосом, проговорить: «Хочу тебя целовать!» Сергей не мог на такое решиться. А ей так хотелось романтики, подвига в ее честь, хотелось принять в объятья красавца-завоевателя!

Этим красавцем, несомненно, оказался Александр, тем более что он был на целых четыре года старше, а хрущевский сынок – ровесник. Четыре года в юности – умопомрачительная дистанция. Разница в возрасте еще больше притягивала Ладу к Александру. И семья у Саши была заметная, хорошо образованная, интеллигентная. Папа – потомственный дипломат, в

совершенстве владел английским и французским языками. Многие девушки на Сашу заглядывались, особенно лобановская Леля, которая, собственно, и познакомила красавца с лучшей подругой. Но ведь кто такая Лада Круглова, а кто – Леля Лобанова? И сравнивать смешно! Папа Лады работал министром внутренних дел, до этого долгое время возглавлял Главное Управление ЛагереЙ. Леля же всего-навсего приемная дочь сельскохозяйственного руководителя, у которого не было детей и который удочерил двухлетнюю испанскую девочку. Поговаривали, что Лобанов плохой министр, волею случая проникший в Сельхозакадемию, как и Лысенко, ничего нового не придумал, а лишь передирал научные открытия других ученых, ни в чем толком не разбирался, неустанно сажая с Трофимом Денисовичем свеклу, картошку и морковь, умея лишь угождать и поддакивать начальству, а начальством у аграриев был все тот же губошлеп Хрущев. Так что в отношении Лели Лада была совершенно спокойна: она не отобьет широкоплечего красавца Александра! До этого дня Лада обожала Лелю. В институте они сидели рядом, вместе ездили по гостям, посещали выставки, ходили в театры, сплетничали, вместе учили немецкий. Теперь Лада смотрела на Лобанову как на врага.

– Ну и пусть, пусть! – вскинула бровки Круглова. – Сашенька будет мой!

Начались танцы, а Антон все мешал гремучие коктейли, обещая:

– Будет хорошо!

Чудо-напитки он готовил в обыкновенном граненом стакане, который обязательно приносил с собой. Полученный эликсир разливал по изящным рюмочкам и угощал друзей. Методика изготовления коктейлей была самая примитивная. Антон выкладывал рядом со стаканом спичечный коробок и на его высоту наливал коньяк. Затем коробок устанавливался на узкое длинное ребро – отметка долива становилась выше, по ней к коньяку присоединялся тягучий ликер, а иногда – шипучее шампанское. Когда коробок устанавливался в самом высоком положении, в стакан добавлялся сок или лимонад, правда, с соками Антон не любил возиться, давить фрукты было слишком хлопотно, для девушек лимонад заливался по края граненого стакана, они не одобряли в коктейлях повышенной крепости. Смесь коньяка с шампанским в пропорции один к одному именовалась «Огни Москвы», а если вместо коньяка за основу бралась водка – «Северное сияние». Этим «чудом» иногда до умопомрачения упивались.

– Может, вместо лимонада сюда пиво забубухать? – размышлял над компонентами естествоиспытатель.

– Ты всех уморишь! – протестовали друзья.

– От такой дозы даже воробей пьяный не будет! – уверял Антон, проглатывая очередную порцию горячительного напитка.

Смеси с добавлением рома получили название «Привет!» Скоро бармен сделался бесконечно разговорчивым и веселым. Смешав полусухое «Абрау-Дюрсо» с зеленым «Шартрезом», алхимик пошел соблазнять ослепительную блонду Катю Судец, о которой вздыхали все ребята.

Испанка с замиранием сердца наблюдала за обходительным Сашей, который крепче и крепче привлекал к себе кокетливую Ладу, и бесилась. Сережа Хрущев тоже во все глаза смотрел на их бесцеремонные милования, не понимая, что происходит, почему вдруг он оказался лишним и вообще, как такое могло произойти?! Улучив момент, когда Александр отошел, он набрался смелости и подошел к Ладе:

– Лада, Ладочка, я же к тебе пришел! Я здесь ради тебя!

– И хорошо, – снисходительно взглянула красотка. – Если б ты не пришел, я бы рассердилась!

– Я пришел... – еле слышно причитал Сергей не своим, а каким-то чужим, упавшим голосом.

В этот момент вернулся Александр.

– Лада, мне надо с тобой поговорить! – и, не обращая внимания на Хрущева, потянул девушку за собой.

Серезино сердце страдальчески сжалось. Юноша прислонился к стене, в глазах потемнело, слезы душили. Чтобы не расплакаться, он выскочил в прихожую и в полумраке, не решаясь зажечь свет, чтобы никто не обнаружил его душевного смятения, стал шарить по вешалкам, отыскивая одежду. Обнаружив пальто, молодой человек резко сдернул его и только тут услышал сдавленные рыдания. Уткнувшись в шубу, навзрыд ревела Леля Лобанова. Сережа робко прикоснулся к ней:

– Лелечка, что с тобой?

Несчастливая подняла заплаканное лицо.

– Он со мной сюда пришел, этот мерзкий Сашка! Со мной!

– Не плачь, все обойдется!

– Предали они нас, предали! – всхлипывала Леля. – Ненавижу!

– Я уйду, – процедил Сергей, ему было страшно разрыдаться на глазах у знакомой, страшно было обнажить свою безумную боль, признаться, что он безответно влюблен, отвергнут!

Несчастный взял шапку.

– Я пошел! – выдавил он.

– И я с тобой! – пискнула Леля.

Сергей помог ей надеть шубу и, придерживая, вывел расстроенную знакомую на крыльцо. Увидев дочь Лобанова, которую сложно было не узнать в ярко-рыжей лисьей шубе и такой же броской пушистой шапке, водитель министра сельского хозяйства завел огромный «ЗИМ» и подал к подъезду. Леля старалась себя сдерживать, но непокорные слезы упрямо текли по щекам. Сергей поспешил открыть дверь, девушка забралась вглубь салона.

– До свидания! – прошептал отвергнутый парень, и хотел было захлопнуть дверь, чтобы, наконец, остаться одному, дав волю бушевавшим в груди страстям. На душе у него скребли не кошки, а леопарды! Голова гудела.

– А ты? – спросила дочка Лобанова.

– Про машину своим не сказал, пешком дойду, здесь близко, – удрученно ответил Хрущев и принялся повязывать шарф.

– Так нельзя! – запротестовала Леля. – Садись, мы тебя подвезем.

– Неудобно, не хочу тебе мешать, – отказывался Сергей.

– Не спорь! – приказала девушка, и тут же, как-то совсем жалобно добавила: – Ну, сядь, пожалуйста!

Несчастный кавалер забрался в машину. Заурчав мотором, «ЗИМ» двинулся к воротам. Внезапно Леля положила свою руку на его ладонь и сжала, потом уткнулась лицом Сереже в грудь, в его шерстяное кашне, и разревелась. Молодой человек замер, он был совершенно ошарашен, но не отталкивал девушку, а наоборот, обнял, утешая.

– Хрущев-то с Лобановской Лелькой уехал, – проводив «ЗИМ» взглядом, подметил дежурный по даче.

– Сделали рокировку! – подмигнул стоящий рядом порученец министра, которому было наказано: «глаз не сводить с Ладочки!» – Сейчас прямо в машине испанку зацелует!

Дежурный и порученец довольно переглянулись.

Леля уже не плакала, она желала любой ценой отомстить своей лучшей подруге, бывшей лучшей подруге и этому жалкому долговязому смазливому придурку!

В окнах мелькали силуэты веселящейся молодежи. В гостиной отплясывали заводные буги-вуги, – жгли как в последний раз! Изображая барабанщика, Антон энергично отбивал такт на перевернутых фаянсовых тарелках, эмалированном тазу и кастрюле, а в уютном министерском кабинете обаятельный Александр без стеснения целовал министерскую дочь, упрямо расстегивая на ее груди кофточку.

17 января, понедельник

Расположившись у окна, где больше света, Булганин разглядывал фотографии обнаженных женщин. Откровенные фото презентовал ему маршал Малиновский.

«Польки?» – потрясал стопкой Николай Александрович.

«Они самые!» – закивал Родион Яковлевич.

«В одном Бог прав, что создал для мужчины женщину!» – высказался Булганин.

«А не кошку!» – хмыкнул Малиновский. Он был доволен – угодил руководству.

Николай Александрович с нескрываемым удовольствием перебирал сейчас эти фотографии. Из кармана он извлек еще два снимка, размером больше предыдущих. С первого, стоя на коленях и прикрыв грудь руками, смотрела жгучая брюнетка. На втором она же стояла развернувшись к объективу спиной. Волосы у нее были распущены.

– Белла! – залюбовался маршал.

– А мне посмотреть? – раздался голос. Маршал вздрогнул. Прямо за спиной лыбился Хрущев. Николай Александрович не заметил, как он подошел.

– Хороша! – через плечо оценил Никита Сергеевич. – Папа, значит, профессор, а она в neglige разгуливает?

– Подарок, на память, – смутился Булганин. – Еле уговорил сфотографироваться.

– А если балеринка найдет? – грозил пальцем Хрущев.

– Машка по карманам не лазит, – покачал головой Николай Александрович и, показав на сердце, добавил: – не отпускает Беллочка, моя козочка! Завтра с ней на Валдай едем. – Он бережно спрятал фотографии.

– Раньше ты, как Сталин, от евреев бежал, – подметил Хрущев, – а теперь милуешься.

– Не бежал я ни от кого, что за вздор!

– Ладно, ладно! – примирительно сказал Никита Сергеевич.

– Хочешь, анекдот расскажу?

– Валяй.

Николай Александрович тряхнул седой головой:

– Пришел еврей в синагогу и говорит: «Ребе, я на курорт еду. Это не опасно?» – «Не опасно», – отвечает ребе. «Но там много симпатичных девушек, мне можно будет на них смотреть?» – «Можно», – говорит раввин. «На пляже девушки ходят в купальниках. Мне позволительно на них смотреть?» – «Смотри!» – «Но есть места, где они загорают голышом. Мне можно смотреть на голых девушек?» – «Да!» – ответил раввин. «Ребе, а есть такие вещи, на которые еврей смотреть не может?» – «Есть, например, на электросварку!» – загоготал Булганин.

Хрущев тоже смеялся.

Николай Александрович часто заезжал к нему вот так, без предупреждения, по-товарищески.

– Хватит, Коля, прохлаждаться! Пришло время государственные вопросы решать. Евреи – это, конечно, хорошо, но кроме евреев, и китайцы есть, и индусы, и англичане с американцами, и турки попадаются, и кого только нет. Теперь мы с тобой у руля, надо за внешнюю политику браться!

– Надо чтобы Сессия поскорей мое премьерство утвердила! – с беспокойством ответил Булганин.

– Утвердит, три дня ждать осталось.

– Кажется, вечность! – вздохнул Николай Александрович. – А в мире, ты прав, не просто.

– Американцы Израиль окрутили, значит, нам следует арабов ближе подтянуть. В Египте полковник Насер власть прибрал, тут надо моментом пользоваться. Египет – это, прежде всего, Суэцкий канал! – Хрущев принялся расхаживать по кабинету: – И хорошо бы с Сирией завя-

заться, и Индию приручить. Как-то вяло Советский Союз на международной арене выглядит, сидим скромнее невесты!

– И по Австрии тягомотина не заканчивается: или выводим войска, или нет! – чесал голову маршал.

– Будем выводить! – заключил Хрущев. – Позиция Советского Союза от этого многократно усилится.

– Как я председателем правительства стану, так это дело толкну!

– Мы толкнем! – поправил Хрущев.

– Ну да, ну да! – закивал Булганин.

Первый Секретарь устроился рядом с другом на диване.

– С ракетами буксуем! – проговорил маршал. – Не летят ракеты!

– Зачем говоришь! – всплеснул руками Никита Сергеевич. – Королев с Челомеем разными путями идут. Не один, так другой ракету в воздух подымет! У нас мощнейшие кадры: Янгель, Келдыш, Пилюгин!

– Тихонравова прибавь и Глушко, – подсказал Николай Александрович.

– Точно. Все в один голос твердят: полетит! В Казахстане ракетный полигон Тюра-Там заканчиваем!

– Название дурное Тюра-Там. Тюра-мура! Там-здесь! Мура, одним словом, надо переименовывать! – высказался Николай Александрович.

– Может, Байконур?

– Почему Байконур?

– Название такое у казахов мелькало, означает «богатая земля».

– Байконур лучше, героические нотки проскакивают.

– Вот и переименовали. Ты, Коля, не переживай – бомбу сделали и ракету смастерим!

– С топливом жопа! Бьемся, бьемся, а топлива, чтоб крупный объект поднять, не придумали.

– Здесь затык! – подтвердил Никита Сергеевич. – Но нет таких высот, каких бы не смогли взять большевики! Придумаем топливо! Я тебе говорил, мой Сережка к Челомею нацелился.

– Это хорошо. Твой Сережка смысленный, – подтвердил Николай Александрович.

– Смысленный, Коля, смысленный! – тяжело вздохнул отец, – Только личная жизнь у него не ладится.

– У меня тоже не ладится, разрываюсь между бабами!

– Ты его с собой не равняй! – отрезал Хрущев.

– Не обижайся! – извиняющимся тоном пробасил Булганин. – Это я так, к слову.

– Обидно за него, втюрился в кругловскую дочку.

– Да ну?

– А она на него плюет!

– Выгоним Круглова к е...ней матери, если плюет! – возмутился Николай Александрович. – Где она парня лучше найдет? Дура! Она работает, учится?

– В МГУ иностранными языками овладевает.

– С иностранными языками мозги набекрень! – подытожил маршал. – Я свою Верку в медицинский определил, а иностранщина, гори она огнем, от нее одно разложение!

– Согласен. С женой-то у тебя как?

– Живем отдельно, она в Жуковке, в новой даче, я в казенной, в Барвихе. Заезжаю, конечно, даже на ночь остаюсь для приличия, чтобы детей не травмировать.

– Ты без минуты председатель Совета министров, будь внимательней!

– Внимательный я, внимательный! – отмахнулся маршал. – Белла мне всю душу перевернула! – горестно продолжал он. – Как я ее детям покажу, если она им ровесница?!

– За твоими бабами не угонишься! То Машка-балерина, то Белла, юное медицинское дарование!

– Ну, ты Беллу видел! – самодовольно заулыбался Николай Александрович. – Я свои чувства скрывать не умею! Она, кстати, пианистка, а не медработник, ты, видать, с Жуковым меня перепутал, у него пассия врач. А как Беллочка играет, как играет! Душа в небо рвется!

– Смотри, на луну не улети!

– Такая ласковая!

– По фотографии видно! Снимал-то сам?

– Ребята, разведчики, – с серьезным видом ответил Николай Александрович. – А кому такое доверишь?

– Тебя бы рядом с голой задницей заснять и в печать! – сощурил глаза Хрущев.

– Иди на х...! Сердца у тебя нет!

– Про сердце вспомнил! Если бы Молотов с Кагановичем подобную фотку заполучили, хана б тебе! И так разговоры кругом про твое рыцарство.

– Во завелся, угомонись!

– Я по делу говорю!

– Чего долдонишь, не глухой, слышу!

– Ты, Коля, с ума не сходи! Ты, считай, первое лицо в государстве! Я тебе добра желаю.

– Переделать себя не могу! Из-за любимой женщины английский король Эдуард VIII от престола отрекся, – с выражением выговорил Булганин.

– Зачем я тебя на председателя Совета министров тащу, если выгонят завтра?! – топнул ногой Хрущев.

– Поработаем, Никита, поработаем! – поднимаясь и одергивая мундир, проговорил военный. – Подумаешь, девку прижал, что тут, мировая революция совершилась? Я и при Сталине грешил, это всем известно, а ты как собака цепная набросился, все настроение испортил!

– Ладно, езжай на Валдай, но потом я тебе передышки не дам.

Николай Александрович понимающе кивнул, снова достал фотографии и стал их заново рассовывать по карманам.

– Ты прям как маньяк, из каждого кармана у тебя голые бабы сыплются!

– Спрячу получше. К дочери заехать хочу, – объяснил министр. – Что там твоя целина?

– Не представляешь, какую дыру целиной заткнем! В сорок восьмом году Маленков додумался сельскохозяйственный налог увеличить, смог Сталина убедить. И что из того вышло? – уставился на друга Никита Сергеевич. – Катастрофа! Фининспектор ходил по дворам и пересчитывал, сколько на приусадебном участке каких культур посажено. Что может быть глупее? Обмерял, сколько ржи растет, сколько пшеницы, картофеля, считал садовые деревья, плодово-ягодные насаждения, все учитывал, чтобы неподъемным налогом колхозника обложить. И обложили-таки! А потом запретили крестьянину на его собственном участке новые виды растений высаживать, так, видите ли, проще налоги взимать! Зачем это делали?! – возмущался Хрущев. – Труженика задушили и армию фининспекторов расплодили! А если колхозник по своему разумению возьмет и изменит посадки, что случится? Что это, потрясение колхозного строя? Ничего подобного! А финансисты до последнего по дворам лазали и собак дразнили. Вот и получилось, что человек на селе был поставлен в дикие условия, и итог поэтому один-единственный – резко сократились посадки! Многолетние сады стали вырубать, и они под налог пошли! – возмущался Никита Сергеевич. – Орава учетчиков, с карандашом в руках, бегала, каждый куст считала. Крестьяне стали сажать столько, чтобы можно было семью прокормить. А скот? Скот тоже сосчитали. Поросят резали перед приходом фининспектора, чтобы не начислил на них налог. А поросенок еще веса не нагулял, в нем еще и кушать нечего! Все равно люди его под нож, чтобы лишний рубль сэкономить. И до куриц, и до уток добрались. И кто от этого выиграл? Никто. Крестьянин, ясно, потерял, а государство так в первую очередь!

После принятия этого варварского закона с индивидуальных хозяйств в 1948 году в бюджет поступило десять миллиардов рублей, а уже в 1951, когда ставки налога повысили, собрали меньше девяти миллиардов, а в следующем году еще полмиллиарда не досчитались. Поголовье скота в личном пользовании за это время уменьшилось на шесть с половиной миллионов голов! Вдумайся, на шесть с половиной миллионов коров в стране стало меньше! – простонал Никита Сергеевич. – Сегодня крестьянин разлеился, уже сажать не хочет, и нет у него кормов собственную скотину прокормить. Это, конечно, не везде, не повсеместно происходит, но процесс негативный широко пошел. А ведь, сколько продукции крестьянин на рынок привозил? Какой дефицит продовольствия покрывал? Я сам по колхозным рынкам ходил, все видел. Если сравнить сегодняшнюю ситуацию с 1928 годом, ясно, что сейчас мы имеем коров на девять миллионов голов меньше. А за двадцать пять лет города выросли, городское население увеличилось, потребление стало другим, а мы, как ни стараемся, все равно отстаем от растущих запросов, и покрывать эти все возрастающие потребности нет источников.

– С прошлого года налог с сотки взимаем, и совсем не значительный, – высказался Николай Александрович.

– Сделали, слава Богу! Я голос сорвал, пока докричался. А виноградники с садами вырубili, сколько лет пройдет, чтобы их восстановить? Эта культура, сад, требует постоянного ухода. Не будешь ухаживать, урожая сад не даст! Сегодня надо все сызнова начинать, – горестно заключил Хрущев. – Одна надежда – целина. С целиной дело должно по-новому пойти, побежать должно!

– Дай-то Бог! – закивал Булганин и перекинул ногу за ногу. Он не шибко разбирался в сельском хозяйстве. – Про Сережку мне рассказал, а что твоя Рада?

– Рада родит скоро. Нина с нее пылинки сдувает.

– А зятек?

– Вроде нормальный, пишет.

– Важничает сильно.

– Да ну?

– Может, кажется, не знаю. Вот Серега, тот труженик, а этот – прямо бубновый валет.

– Не замечал за ним.

– Присмотрись. Хотя вроде он и ничего, твой писака. Главное, чтобы у них между собой ладилось.

– Кажись, ладится.

– Тогда хорошо.

– А Вера твоя все за сыном адмирала Кузнецова, как у них-то?

– Живут, не жалуются.

– А что адмирал?

– Я с ним не общаюсь, так, здрасте – до свидания!

– Росли детишки, росли, и вот – самостоятельные! – с сожалением проговорил Хрущев.

– То – жизнь! – развел руками маршал.

– Жизнь! – кисло согласился Никита Сергеевич.

– Скажи, Никита, а что в авиации нового, в гражданской авиации, я имею в виду?

– Туполев отличный пассажирский самолет сделал – Ту-104. Мы на нем с тобой по миру полетим. И Илюшин старается, и Микоян, брат Анастаса, и Яковлев, правда Яковлева я не люблю, двуличный он, друг шнурика Голованова.

– Зато крупный конструктор.

– Польза есть, пусть работает, – отозвался Хрущев. – Гражданскую авиацию скоро до мирового уровня подыдем. Посмотришь, самолеты у нас нарасхват пойдут! С истребителями мы уже первые. В Китай два железнодорожных состава МИГов отправили. Когда я в Пекин ездил, Мао вместо семидесяти сто самолетов выпросил!

- Наши МИГи точно ястребы!
- Китаец завод авиационный кланчит, плачется, что от врагов-империалистов защищаться нечем.
- Старые модели можно отдать, – не возражал Булганин. – Это лучше, чем бомбу.
- И бомбу дадим, тут делать нечего.
- Имея бомбу, китаец сразу с ума сойдет!
- Нет, Мао взвешенный.
- Твой Мао такой же деятель, как товарищ Сталин, алчный до власти.
- Это есть.
- Устроил охоту на шпионов – всех ловят, сажают, – говорил Николай Александрович. – А охота фальшивая!
- Понятно, фальшивая. Охота на шпионов – оправдание для пыток. Пытками и добился, чтоб люди друг на друга стучали, и власть свою бесконечно усилил.
- Ничем он от Сталина не отстал.
- Ничем. В Китае широко применяются излюбленные чекистские методы, например, метод лишения сна. Иногда до двух недель мучают без сна человека.
- Все под копирку! – вздохнул Булганин.
- Посол в Китае рассказывал, что людей часто пороли, подвешивали за кисти рук, устранивали вывих коленей и еще любили ядовитыми змеями пугать, тюремщики в камеру их запустить обещали. Змей китайцы больше всего на свете боятся.
- Жуть! – передернул плечами военный министр.
- Мао лично давал указания по пыткам: не следует, говорил, прекращать пытки слишком рано или слишком поздно. Если слишком рано прекращать, допрос не успеет развернуться, если же слишком поздно, ущерб, нанесенный жертве, окажется чересчур велик, надо делать все в свое время, и еще надо, чтобы жертвы оставались в хорошей форме, чтобы могли физически трудиться.
- Я бы давать в Китай современное оружие поостерегся, непонятно, чем эта дружба обернется! – высказался Николай Александрович. – Под руководством Мао Цзэдуна китайцы в фанатиков превратились. И с самолетами я б не спешил, и пушки со снарядами попридержал.
- Китай наш первый союзник, и какой бы товарищ Мао Цзэдун непредсказуемый ни был, он коммунист, а значит, нам вместе быть! С Китаем мы – стальной кулак!
- Согласен, согласен! – вздохнул Николай Александрович. – Но наш Егор, кажется, к Западу тяготел?
- От того и слетел! – насупился Хрущев.
- Одно пугает – китайцев-то чертова гибель!
- Коммунистов чертова гибель! – строго поправил Никита Сергеевич.
- И с бомбардировщиками творится херня, – возвращаясь к авиации, заметил Булганин. – Стратегического бомбардировщика нет. До Америки самолет долетит, бомбу сбросит, а назад как? Возвратиться домой не сможет, выходит, летчикам верная смерть. Пять лет бомбардировщик делали, а пока сделали, он уже устарел и дальность полета – говно!
- Ну как не можем сделать, не понимаю! – подскочил с места Хрущев. – Тогда красть надо!
- Ишь какой быстрый! Пойди, укради! Самолет не шапка. В прошлом году в районе Северной Монголии американец ё... нулся, так мы его по кусочкам собрали и Туполеву отдали.
- Туполев головастый, с лету схватывает. Когда он под арестом сидел, взглянув на модель, мог сказать, полетит самолет или нет!
- Ученых Сталин выдрессировал.
- Ученых! Он и нас, Коля, выдрессировал!
- А Васька там как?

- Снова закрыли. Нажрался в Барвихе и на чем свет стоит власть ругал.
- Я б за это не сажал.
- А что, по головке гладить? Сколько просидел, а ума не прибавилось! Я к нему и Светлану посылал – все пустое!
- Жалко парня.
- Полина Семеновна мужу нажаловалась. Вячеслав взбеленился – в тюрьму, в тюрьму! Пока тебя председателем правительства не назначили, я смолчал. А взбунтовался бы, и тебя, Коля, могли в последний момент не утвердить, все б переиграли. Маленков сейчас каждый день возле Молотова круги выписывает. Ручной стал.
- Жалко Ваську. Дурак несмышленный!
- Девку какую-то изнасиловал.
- Хоть до девки добрался!

8 февраля, вторник

Газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета о назначении на должность председателя Совета министров СССР, Маршала Советского Союза Николая Александровича Булганина. В Указе говорилось, что Георгий Максимилианович Маленков ушел с поста председателя правительства по собственному желанию, в связи с резким ухудшением здоровья. Именно из-за слабого здоровья он должным образом не справлялся с возложенными на него обязанностями. Другим Указом товарища Маленкова назначили заместителем председателя Совмина и министром строительства электростанций. Георгий Максимилианович по-прежнему оставался в высшем органе управления страной – Президиуме Центрального Комитета. Газеты пестрели портретами Булганина и приводили его биографию.

– Какой все-таки товарищ Булганин красивый! – разложив на столе «Известия», любовалась буфетчица Нюра. – Как он мне нравится!

Лида исподлобья взглянула на подругу, она мыла посуду.

– Маленков – тот умный был.

– А Булганин какой?

– Не знаю, он военный.

– И что?! – с неудовольствием нахмурилась Нюра.

– Маленков зарплату поднял, налоги с крестьян снял, за что его турнули? – продолжала подавальщица.

– Потому что не справлялся, газеты читай!

Лида домыла посуду и, обтерев вафельным полотенцем руки, с долгим вздохом опустилась на стул.

– Мне, Нюрка, что твой Булганин, что Маленков – оба по барабану, лишь бы не трогали. Давай чай пить!

Нюра достала варенье, Лида расставила чашки, порезала хлеб и колбасу. За два года горкомовский спецбуфет стал жить богаче.

Подруги поели и теперь лениво сидели, глядя друг на друга. Нюра растолстела.

– Колька, брат, приезжал, – сказала Лида. – Все такой же деревенский, неотесанный.

– У меня братьев не осталось, все на фронте сгинули, – грустно отозвалась Нюра.

Лида подобрала со стола крошки и сунула в рот: не забыла, что такое голод.

– Когда в деревне жила, такие со мной странные вещи творились, аж вспоминать страшно! – неожиданно сказала она.

– Расскажи! – попросила Нюра.

– Слушай!

Жили мы с мужем в доме на самом краю деревни, скоро ребенок родится. Наша комнатка малюсенькая была, решили перейти в комнату побольше, где раньше мать моя жила, уже с полгода, как ее не стало. Всю комнату от старых вещей освободили, потолок побелили, стены покрасили, кровать туда поставили собственную и шкаф занесли, лишь стол старый со светильником из маминой комнаты не убрали. После ремонта хорошая комната получилась. Но мне в этой комнате почему-то неуютно было. И вот как-то ночью проснулась я и не могу заснуть, лежу и тени разглядываю – причудливые тени ночью за окошком прыгают, особенно когда облака на луну наплзают. Смотрела я в окошко, смотрела, пока в дремоту не потянуло. Глаза слипаются, а тут светильник сам по себе вспыхнул, разгорелся, и свет его, как вода из фонтана, стал на пол изливаться, и смотрю я, не светильник это вовсе и не свет водопадом льется, а огромный человек передо мной предстал. И замечаю, что он лишь до половины человек, а другая половина – черт с горящими глазами! Я мужа толкаю – смотри! Мы повскакивали с постели, громкими криками кричим: «Чур! Чур! Пропади пропадом! Пропади!» Пропал, – вздохнула Лида. – Вот какое случилось. Потом батюшку из церкви пригласили, он долго кадилом кадил, водою святой брызгал, молитву читал, пообещал, что всех выгонит.

– Кого – всех?

– Всю нечисть, – округлила глаза Лида.

– А-а-а-а... – передернула плечами Нюра.

– Потом со мной другое случилось, – наклонясь к подруге, продолжала подавальщица.

– Чего? – еле слышно прошептала буфетчица.

– Сплю я как-то в этой самой комнате и почему-то проснуться хочу, глаза приоткрыла, смотрю, кот Мурчик лижет мне руку, пригляделась, а это не кот! Сидит на краю кровати огромный зверь, лохматый-лохматый, и к моей руке противным языком тянется. Месяц светит, а косматый в свете месяца еще страшней! Я вся похолодела. Нализлся, гад, от руки моей, отстал и на моего Сашу уставился, а тот себе храпит! А оборотень за ноги его схватить норовит и через окно в лес утянуть. Я как заору! Саша подскочил, оборотень за дверь. Переполох. Я мужу все как было, рассказала, он взял ружье, положил рядом, а заснули мы лишь под утро в своей старой комнате. На следующий день сколько Мурчика-кота ни искали, не нашли. Пропал ока-янный. Может с этим страшным бесом в чашу убежал? – продолжала женщина.

Нюра слушала и боялась дышать.

– А еще были у нас картины в спальне. Мама вышивкой занималась, крестиком шила, вот и получались картины разные, много после ее смерти их осталось, штук десять, не меньше. Мы, как маму схоронили, почти все родственникам на память раздали, но и себе кое-что оставили. На одной – три розы на черном фоне вышито было, эту картину я напротив нашей кровати повесила, нравилась мне она. Висит картина на стене, я в кровати лежу, люблюсь. Но вот однажды, а это зима была, темнело рано, тоже проснулась среди ночи, тьма кромешная, лишь лампадка под иконкой в углу мерцает. Тут и взглянула я на картину с розами. Смотрю, да только не розы на картине, а женщина лежит с распущенными волосами, строгая, холодная, понимаю, что неживая. Жутко! Наутро я все картины собрала и в сарай снесла.

– Ну и спальня у вас, прямо заколдованная! – содрогнулась Нюра. – Больше ничего с тобой не происходило?

– Ничего, Нюлочка, больше не было, а вот с Сашей, с мужем моим, было.

– А что с ним-то?

– Хочешь послушать?

– Хочу.

– С ним так случилось. Жил у нас в деревне очень старый дед. Он еще с японцами воевал, царя хорошо помнил, лет, может, под восемьдесят деду было, Паньком звали. Мужа мово с пчелами обращаться дед учил, семьи у него не было, никого вообще не было, вот мой Саша Паньку и помогал. Тот нам свое хозяйство после смерти передать обещал – и пчел, и козу с

курами, и дом с барахлом, правда, дом его никому был не нужен, вроде и хороший дом, добротный, так ведь рядом с кладбищем, соседство не лучшее. «А я не боюсь! – смеялся старый дед. – Сколько лет тут живу, и ни разу покойник ко мне не наведлся!» И однажды занемог дед Панек, занедужил крепко, лежит, хуже и хуже ему становится. Мой Саша говорит: «У Панька на ночь останусь». Я возражать не стала. Приходит муж с утра какой-то перепуганный. Спрашиваю: «Что такое?» – «А вот что, – он отвечает и начинает рассказ: – Попоил я деда перед сном чаем с медом, поставил горчичник, дед пропотел, захрапел, а я сижу, книгу с картинками перелистываю, вдруг слышу, ходит у дома кто-то, а может, мне показалось – то есть шаги, то нет. Листаю книгу дальше и тут – в дверь стучат. Я книгу отложил, подошел к двери, спрашиваю: «Кто там?» В ответ – тишина, а выйти на улицу, дверь отворить не решаюсь, чутье мне подсказывает – не открывай! Через занавесочку в окно выглянул – никого. Сел снова за стол, только читать уже не получается, мысли нехорошие голову переполняют, прислушиваюсь, каждый звук во мне, точно колокол, отзывается. Через некоторое время снова шаги – топ, топ, топ! – все отчетливей, все чаще. Я к окну бегу, занавесочку сдвинул, улицу темную разглядываю, и вдруг перед самым моим окном вижу, топают сапоги – одни сапоги, без человека, без ног, по двору разгуливают!» Саша с перепугу шторку задернул, в дверь снова стучат, а голосов никаких нет. Муженек мой похолодел от страха – как это сапоги сами собой, без хозяина идут? Потом Саша вспомнил, что перед сапогами, то есть перед шагами этими проклятыми, собака дворовая истошно выла, а как хождения начались, умолкла. Саша думал, может, зверь дикий из леса за курами пробирался, так ведь нет, хуже!

– Что?!

– Говорит, что это смерть за Паньком приходила. На следующий день дед Панек умер, – почти шепотом закончила Лида. – Хорошо, мой Сашенька на глаза смерти не попался! – перевернула плечами подавальщица.

Нюра в ужасе молчала.

– Никогда больше в деревне ночевать не останусь! – пролепетала она.

– Но на этом история с Паньком не окончилась, – продолжала Лида.

– Так ведь дед умер? – изумилась Нюрка.

– Вот, слушай. Когда Панек умер, принялись мы дом его разбирать, нужные вещи к себе перетаскивать. Я уже на седьмом месяце беременная ходила, мужу особо не помогала, то, что принесет, разложу, а так сидела сложа руки. Приходит в очередной раз мужик мой домой, повечеряли и спать легли.

«Знаешь, – говорит мой Саша, – любопытная история со мною приключилась. Уж неделя, как я в дом Панька хожу. Третьего дня на дороге мне кот размером с собаку повстречался. Дымчатый кошак, глаза желтые, пристальные, я еще удивился – больно здоров для кота. И на другой день его увидел, и сегодня навстречу попался, все дорогу мне этот кошак переходит. С лентой идет, нехотя, не трусит! Знаешь, где? В том месте, где березняк начинается, там еще полянка, на которой летом молодежь с гармошкой песни поет». Как раз за этой березовой рощей – кладбище, а перед кладбищем – дом Панька, – уточнила рассказчица. «Получается, кот третий раз тебе дорогу перебеж?» – спрашиваю. «Так, получается», – отвечает мой Саша.

– Что дальше-то? – торопила Нюра.

– Слушай, слушай! И вот, Нюрка, пропал кот, не попадает больше мужу на пути, мы про него и думать забыли. Дни идут, дом Панька разгребли, на зиму закрыли, осень на исходе, два дня как снег с неба срывался, а к утру повалил так уж повалил! Холодно, дороги оледенели. Приходит в обед мой Сашенька и рассказывает:

«Шел домой и думаю, дай к Паньку загляну, лопата у него в сарае хорошая осталась, надо бы и ее забрать, в хозяйстве пригодится! Решил сходить, пока вконец не замело. Пришел, отыскал лопату, возвращаюсь по сугробам, по бездорожью бреду весь мокрый. Через рощу еле пробрался, столько кругом снега навалило! И тут этот самый жирный кот мне дорогу перехо-

дит и так еще отвратительно мурлычет. Я скатал снежок и как в него запушу, чтоб на глаза больше наглец не попадался. Увернулся кот, на меня своим желтым глазом уставился и говорит человеческим голосом: «Ну, мужик, скоро ты об этом пожалеешь!» – и исчез. Нахмурилась я, – продолжала Лида, – «Нехорошо это, Саша!» – а муж: «Да ладно!»

– И ведь не ладно, Нюра, не ладно! – всплеснула руками подавальщица. – Что же дальше было?

– Прошла неделя, надо дымоход от сажи чистить. Полез Саша на чердак, а ляда, то есть люк, за ним вдруг сам по себе захлопнулся, и кто-то невидимый набросился на моего мужа и стал душить. Саша вырывается, кричит, а вырываться не может, а я внизу как дура, а чем помогу?! Руки от бессилия заламываю, кочергу подхватила, стою, жду, что будет. Сашенька мой бьется, стучит ногами, вскрикивает, извернулся, ляду открыл, свет дневной на чердак хлынул – и исчез враг.

«Чудом я ляду открыл, – заикается Саша. – Чудом спасся!»

Следы на шее от удушения у милого целый год не сходили, и шерсть черно-дымчатая после боя в кулаке обнаружилась. Непростой, видно, был тот кот.

«Что делать теперь будем, Сашенька?» – спрашиваю. Он не отвечает, полдня сам не свой по дому ходил, потом говорит: «Давай тулуп, бутылку и закуску». – «Куда ты собрался?» А он: «Так, Лида, надо. Жди, скоро вернусь».

Ушел. К ночи возвращается. «На кладбище был, – объясняет. – Помянул всех, выпил, закуску на могильных холмиках разложил, бутылку поставил, в ней еще много самогона осталось, пусть побалуются». Я обняла его, плачу от радости, думала, что никогда не вернется. «Мне с прошлого года мать снится, а вчера и твоя привиделась, – признался Саша. – Вот я их и проведаль».

– И что? – спросила перепуганная Нюра.

– Ничего. Больше никто не являлся.

– А еще что с вами было?

– Ничего не было. Как родила я Андрюшу, все как рукой сняло, никаких фокусов.

18 февраля, пятница

В приемной Хрущева толпился народ: одни приходили, другие уходили. Каждый день толчея, самая настоящая очередь, как на рынке. Секретарь Кировоградской области пришел со своим салом, пока ждал, выпросил у Букина нож и принялся нарезать сало и ломать хлеб, до того был голодный. Букин вызвал из буфета подавальщицу, и та организовала все, как положено: подала хлеб, аккуратно нарезала сало, не забыла и про горчицу, а еще принесла целую кастрюльку горячих сосисок. Дух по приемной пошел аппетитный, у посетителей слюнки потекли, даже в коридоре сосисками запахло, потом весь вечер помещение проветривали. Как ни уговаривали, кировоградский секретарь наотрез отказался идти в буфет, хотя буфет находился этажом ниже.

– Очередь пропущу, потом до Никиты Сергеевича не достучишься! – объяснил он.

Благодаря ему настоящий пир в приемной закатили и остальным ожидающим перепало. Костромской предоблисполкома проглатывал сосиски одну за одной, и Самарский второй секретарь не отставал, и из Курска директор колхоза, Герой Социалистического Труда в горчице перемазался, а сало, так то сразу убрали!

Никита Сергеевич проводил прием в порядке живой очереди, но случалось, запускал всех разом.

– Чего как сельди в бочке набились? – выглядывая в приемную, подмигивал он. – А ну, заходи!

– Кто заходи? – переспрашивал Костромской предисполкома.

– Кто, кто?! Все заходи!

Хрущев любил вести разговор целым скопом. Как правило, вопросы возникали похожие, поэтому получалось и деловое, и скоро. Каждый областной секретарь наверняка знал, что Хрущев обязательно его примет, выслушает, поможет, главное – воду не лить, говорить по существу. Никита Сергеевич не выносил болтунов, больше всего возмущался, когда его вводили в заблуждение, таких умников он на дух не переваривал:

– Квакают, квакают, а толку чуть! «Сделаем, учтем, поправим, слово даем!» – а на следующий раз опять кваканье! Олух царя небесного на месте топчется, сам работать не хочет и другим не дает!

Чины для Хрущева мало значили. Если встречи добивался знающий специалист, новатор, изобретатель – примет, выслушает. Из таких не понаслышке знающих людей формировалась его команда.

Только ушел заведующий Транспортным отделом ЦК, вошел секретарь Орловского обкома. Следующим был первый секретарь Компартии Грузии – высокий, полнеющий человек в темном двубортном костюме. Волосы у него были красиво зачесаны назад, нос с горбинкой, казалось, он слегка сутулится.

– Привет, дорогой товарищ Мжаванадзе! Вспомнил про меня?

– Я, как в Москву приезжаю, сразу к вам! – двумя руками пожимая хрущевскую руку, отозвался грузин. Он не позволял себе, как некоторые областные руководители, тыкать Никите Сергеевичу, быть с ним запанибрата, называл исключительно на «вы», высказывая глубокую почтительность. В отличие от европейцев, кавказцы другие, уважительные. К пожилым и к старшим по положению, не говоря о родителях, проявляют подчеркнутое почтение. Уважительное отношение заложено в них с рождения. Недопустимо у горцев с пренебрежением относиться к старшим, и Василий Павлович никогда этому заветному правилу не изменял, хотя человек был при большой власти.

– Сулугуни привез? – улыбнулся Никита Сергеевич.

– А как же! И сулугуни, и коньяк.

– Коньяк Булганину отдашь, я к коньяку спокоен.

– Для товарища Булганина у меня свой имеется. «Энисели» и «Варцixe» – песня! Если Николай Александрович в гости зайдет, вы ему рюмочку предложите!

Никого из членов Президиума Василий Павлович не оставлял без внимания. И не только членам Президиума, и министрам, и их заместителям предназначались гостинцы. В каждый кабинет его суетливый помощник притаскивал завернутые в непрозрачную бумагу ящики. Наборы были не одинаковые: для членов Президиума одни, для министров, управляющего Государственным банком и Генерального прокурора – другие, для заместителей министров и прочих ответственных лиц скромнее коробки собирали, и техническому персоналу перепало. Сладости, фрукты, овощи, колбасы, сыры, коньяки, вина, щедро раздавались и всегда оказывались к месту, ведь совсем небогато жили советские люди. Работники аппарата и обслуживающий персонал искренне радовались такому вниманию, и грузинской делегации во всем был зеленый свет: если вдруг, какая бумага понадобится – она уже есть! Или справка нужна, или копия решения правительства, или какой другой документ – без звука помогали. Нехитрыми, проверенными методами действовал Василий Павлович. Недаром полвагона грузинского секретаря было завалено коробками, свертками и кулками. Его юркий помощник с закрытыми глазами знал, какой куда. Василий Павлович скромно присел на уголке обширного стола.

В этот день у Хрущева перебивало много народа. Заходили Ставропольский, Иркутский, Кировский секретари, предсовмина Эстонии. Последним он принял заместителя главнокомандующего Сухопутными войсками, Главного маршала артиллерии Варенцова. С Сергеем Сергеевичем выпили по рюмочке, помянули фронтовых товарищей. Теплые отношения сложи-

лись у Хрущева со многими военными, особенно с теми, с кем сталкивался в войну, вот и с Варенцовым на фронте пересеклись их пути-дорожки. Выпроводив маршала, Никита Сергеевич плюхнулся на диван, голова раскалывалась, видно, давление шалило. С минуту он сидел неподвижно с закрытыми глазами, потом маханул стопку «Варцихе». Стало легче, но мысли, мысли! – они не отпускали.

Никита Сергеевич решил круче развернуть государство к людям, сделать так, чтобы человек поверил в добро, в радость, в свою великую непобедимую страну, ведь многие годы у народа была не простая жизнь. Революционные события опрокинули старый уклад, распустили правду, перекроили сердца суровой неприглядностью, обнажили низменные страсти и пакостные страстишки; что только не прощупывало, не пробовало на зуб человека – и пуля, и голод, и предательство, и жадность. Сражения тогда шли повсеместно: били друг друга, стреляли, рубили, вешали, и конечно грабили, и, понятно, насиловали, не без этого, и снова, атаковав, лупили по соседу прямой наводкой, а уничтожив, принимались снова набивать карманы. Сначала со штыками наперевес приходили одни, потом, забросав противника гранатами, яростно врывались другие, многократно менялись на улицах флаги, а рубка и бесчинства не прекращались. Стреляли тогда кругом, и кругом лилась кровь, брат вставал на брата, сын поднимал руку на отца. Каким-то чудом, истинно благодаря божественному провидению, ведь все на белом свете происходит по воле Божьей, большевики отобрали власть, железной хваткой установили порядок, но чудо, приведшее их к власти, тоже оказалось замешано на крови, как и многие подвиги, о чем говорилось в Святом писании. Только библия у коммунистов была своя – красная, не сгибаемая.

Никакая война не бывает хорошей, пусть и именуется восторженными определениями. Да, бывают справедливые войны, наверное бывают, но ведь войны! Война – кривое зеркало, мрак, ужас, смерть! А назвать страшное можно по-всякому, историку в уютном кабинете с настольной лампой под зеленым абажуром перед сном в голову приходят удивительные мысли. Вот историк и размышляет о войнах, и мальчишки обожают играть в войну, стреляя друг в друга деревянными ружьями-палками. Но не может человеческое страдание стать благом, и тем более, когда одна часть человечества издевается над другой. Слава Богу, что войны кончаются, никогда бы им не начинаться! И Гражданская эпопея в России закончилась, пожженная, порушенная, разграбленная земля задышала, задвигалась, очнулась, точно человек после лютой болезни. Женщины стали охотней рожать, дети – задорней смеяться, потихоньку устраивалась жизнь. И все бы хорошо: и буржуев из России прогнали, и раскулачили прижимистых куркулей-кулаков, и промышленность мощно зашагала, салютуя пронзительными гудками, и поплыли по морю-океану величественные корабли, и полетели в небо дивные самолеты, да только напал на Родину коварный фашист. И поднялась рать, и заколотилось в груди ошпаренное кровью сердце, и великая битва случилась на земле, великая, суровая!

Разгромив фашизм, прошагав пол-Европы, советский человек воспрял, приосанился. С фронта возвращались крепкие духом люди, грудь многих украшали ордена и медали, но скупа была радость ступивших на родимую землю: перед глазами вставали до неузнаваемости измененные города, до основания порушенные села, сожженные деревни. Из полевых условий войны победители возвращались в такие же полевые условия, к тому же тыловое обеспечение было хуже армейского. Царила кругом нищета, процветала спекуляция, и, разумеется – воровство. Жить было практически негде, на площади из десяти квадратных метров обитали по пятнадцать человек, и этому счастью несказанно радовались – еще как там получалось жить – ведь не улица, а крыша была над головой! Кое-кто приспособился ночевать на работе: поспал в подсобке – и снова к станку.

С рассказами про добротные бюргерские дома под красными черепичными крышами, указывали герои войны на собственные покосившиеся избы, на скудные прилавки магазинов, с ненавистью плевали под ноги, обзывая власть нехорошими словами. Каждый солдат привез на

родину трофеи: кто одежду да обувь; кто позарился на звонкоголосые настенные часы, на велосипед с хромированными спицами; кто-то прихватил надежную кухонную утварь. Везли ткани, ложки-вилки, люстры, швейные машинки, чего только не понабрали у побитого немца. Интеллигенты волокли книги. Бывшие воины наперебой хвастались трофеями, удивлялись ровным, без щербинки, шоссе, дорогам, грандиозной архитектуре. И заставляли задумываться воспоминания: «Все ли в родной стране правильно? Все ли хорошо?» И поползли кривотолки, перешептывания. Кое-кто стал громко высказывать неудовольствие. Припомнили и свергнутого русского царя, стали сравнивать, что было тогда и что – сейчас. «А ведь при царях жилось сытнее!» – подали голос те, кто много лет отмалчивался. И затыкая недовольным рты, показались по городам и деревням аресты. Лагерь стали заполняться узниками, расстраиваться, снова лагерей не хватало.

«Во главу угла надо ставить человека!» – мыслил Хрущев. Но изменения были возможны только при условии бурно развивающейся экономики, меняющей образ жизни советских людей, в первую очередь, затрагивающей социальную сферу. А экономика могла развиваться исключительно в сплоченной, дружной стране, страна же была надломлена, измучена и нещадно бита. Любой человек желал жить лучше, верил в будущее, а за все плохое винил существующий порядок. Небозримые края и маленькие страны бесцеремонно объединили в непомерно большое государство. И хотя Иосиф Виссарионович провозгласил, что национальный вопрос в многоликом советском обществе не стоит, что решен окончательно и бесповоротно, с этим сложно было согласиться – пламя готово было вспыхнуть в любую секунду, и не просто вспыхнуть, а полыхнуть пожаром. Когда над страной был занесен карательный меч НКВД, даже тогда в головах обывателей роились крамольные мысли. Целеустремленная идеология и кулаки вышибли из голов вольнодумие, погасили свободолюбивую искорку. Человека подравняли, подправили, хотя, может, и перестарались: гордостью считалось донести на соседа, рассказать органам о вредительском заговоре, о любом «нехорошем» человеке, и ничего, что знакомых и родственников поубавилось. В небе, как черный коршун, парил страх. Особенно жутко было по ночам. Ведь ночами приходили, забирали и расстреливали. За портретами великих ленинцев, за вызубренными речевками пионерии, за истеричными лозунгами, брошенными пропагандистами в массы, терялся реальный мир, дрожал воздух, и все равно тут и там напарывались партийцы на националистические шипы. Особенно остро национальная тема поднялась во время войны, ведь для некоторых фашисты стали освободителями. В одночасье целые народы выселил на необитаемые островки империи мудрый Учитель. Не позволяя взять самые необходимые вещи, еду, теплую одежду, лекарства, запикивали людей в неотапливаемые железнодорожные телятники и навсегда увозили из родимых мест. «Хорошо не переубивали, не переусердствовали!» – радовались беззубые старики. Они всегда, даже в самом плохом, пытались отыскать хоть крупицу хорошего.

Товарищ Сталин кардинально решил вопрос с этническими немцами, ингушами, калмыками, крымскими татарами, чеченцами, карачаевцами, балкарцами. «Предатели!» – лишь одно слово напутствия произнес он. И никто, ни один человек не спросил: а как же так? Как могло получиться, что целые народы сделались изменниками? Почему с криками «ура!» приветствовали гитлеровский режим? Кто-то, безусловно, негодяем оказался, и может, не один и не сто человек, а гораздо больше, но кто выяснит сегодня, почему такое случилось? А среди русских или украинцев, или белорусов разве не находилось выроdkов? Были. И полиция становилась, и в концлагерях работали, и записывались в нацистские полки, иногда целыми подразделениями сдавались врагу красноармейцы. Каждый пятый солдат вермахта был русского происхождения. Но разве убитым лучше? Разве лучше получить в лоб свинец, остаться без ноги, без глаза, с издырявленным беспомощным телом? Кому такой герой нужен? А над страной гремел суровый сталинский приказ: «Ни шагу назад!» И подкреплялся этот приказ не пламенными призывами в газетах и хмурыми угрозами военных начальников, приказ этот под-

креплялся безжалостными пулями заградотрядов, которые располагались за боевыми позициями Красной Армии, беспощадно уничтожающих своих же бойцов в случае отступления.

«Ни шагу назад! Сражаться до последней капли крови!» – громкоголосо повторяло радио. Теперь с двух сторон поджидала солдата смерть – и с вражеской, и со своей, родимой. Зато сражались, зато выполняли поставленную задачу, ну и погибали, само собою. Мало кто из героев спасся под танками, уцелел под снарядами, выжил под злыми пулями, в том числе и под пулями лютых сограждан в синих энкаведэшных петлицах, которые с упорством охотника били по отступающим, смятым врагом красноармейцам.

Возвратившись из многолетнего похода, истерзанные, но закаленные опасностями победители все чаще вспоминали об утраченной Родине, не огромной – от океана до океана, а о крошечной, своей. Люди готовы были мстить за себя, за потерянное счастье, за загубленные мечты. Хрущева очень беспокоил этот затаившийся, замаскированный внутри людей, глубоко-глубоко, глубже глубокого, протест, бунт. Ведь невозможно отделить человека от его национальной истории, национальной гордости, уничтожить принадлежность к собственному народу. Люди крепко-накрепко связаны корнями с родными, в людях, хочешь – не хочешь, жива память прежних поколений и невозможно эту память насильственно истребить. Поляки, латыши, литовцы, эстонцы всегда считали себя пленниками Москвы.

По секретным соглашениям к Советско-Германскому договору о дружбе и ненападении Европа была разделена между Сталиным и Гитлером. В результате Сталинско-Гитлеровских договоренностей Советская Украина и Советская Белоруссия сделались намного больше, но до царского величия Союз не дотягивал.

На новых территориях карательные войска НКВД начали проводить очистительную работу, и бунтари покорились, и даже скрытые противники переделались, но в недрах человеческих сердец засела кровотокающая заноза, засела такой гнетущей болью, которая не притупляется, не проходит. Не один год понадобился для уничтожения националистов, схоронившихся в Карпатских лесах и на Львовщине. До 1950 года звучали гулкие выстрелы «лесных братьев» в Прибалтике. Получается, находили затаившиеся в лесах вооруженные отряды поддержку у населения. Значит, не были они для односельчан клятыми врагами, получается, верили им люди, сочувствовали, а может, боялись? И расстрел последнего пойманного в лесу несогласного с Советской властью не означал победу над его разумом, над мыслями, над желаниями, и значит, победа эта не являлась бесспорной. Так или иначе, делилось советское общество на своих и чужих, хотя своих было подавляющее большинство. Чтобы породнить, подружить народы, накрепко соединить сердца, требовались неимоверные усилия. Принципиальной задачей стало повышение уровня жизни людей, не формальное, не на скупых цифрах, а осязаемое каждым.

«Достаток семей должен неизменно расти!» – требовали партийные директивы. Хрущев настаивал на строительстве жилья, когда человек полжизни провел в полуподвале или в забитой до отказа коммуналке, своя квартира явилась бы великим счастьем и благодарностью государства за суровое прошлое. Темпы строительства стали рекордными, в каждом городе возводились жилые кварталы. Десятки тысяч семей заселялись в новые дома. Это был грандиозный шаг по восстановлению доверия к правительству, к Коммунистической партии. Хрущевым и Булганиным был поднят вопрос о реабилитации малых народов, все прямолинейнее заговорили о реабилитации и не просто об освобождении из тюрем заключенных, а восстановление их в гражданских правах, про открытое осуждение перегибов сталинского режима. Многие бывшие заключенные, бывшие «враги народа», заняли государственные посты. Государство потребовало увеличения числа детских садов, в том числе в сельской местности, в планах появилось строительство яслей, молочных кухонь, правительство заострило внимание на вопросах здравоохранения. В разных частях СССР открывались медицинские институты, училища. Студентам не зависимо от успеваемости выплачивались стипендии, предоставлялись общежития.

Людей начали лечить, государство отпускало на медицину немалые деньги, что так же меняло облик и содержание страны. В школах поставили вопрос о проведении среди учащихся ежегодной диспансеризации. Стали задумываться о том, чтобы пожилой человек по достижении преклонного возраста или в случае нетрудоспособности, мог получать пенсию, которой бы хватило пусть не на богатую, но уж точно на скромную жизнь. Хрущев добивался постепенного сокращения рабочей недели, настаивал на обязательном втором выходном дне, стремился усилить роль профсоюзов, куда хотел передать существующие в системе Минздрава санатории, многочисленные дома отдыха, оздоровительные детские лагеря, с тем, чтобы профсоюзы не только за свой счет компенсировали трудовому человеку поездку на курорт и лечение, но и полностью содержали их.

Но не только в этом заключалась суть его реформ. Надо было так связать советские республики экономически, чтобы одна не могла обойтись без другой. Во время войны, когда под безудержным наступлением фрицев промышленность эвакуировали вглубь страны, на новых местах разворачивали заводы по производству военной техники, боеприпасов, возникали металлургические, химические, нефтеперерабатывающие предприятия, предприятия легкой и пищевой промышленности. А это означало, что страна во многих своих уголках заполнялась сложнейшими хозяйственными механизмами, связывалась сетью транспортных артерий – железнодорожных, автомобильных, речных, морских, воздушных, а значит, можно было организовать дело так, что градообразующие заводы в разных частях государства не могли бы существовать друг без друга. Авиазаводы по сборке самолетов работали в Воронеже, Ульяновске, в Москве, в Киеве, а комплектующие для них делали в Риге, Харькове, на Урале, в Белоруссии, кое-что производилось в Армении, что-то в Азербайджане, и узбекам досталось. Подобный порядок предполагался и с автомобилями, и с тракторами, с электроникой и промышленностью средств связи.

«Данный подход, – думал Никита Сергеевич, – неизбежно завяжет государство в единый организм, заставит работать сообща, ни при каких условиях не позволит расчленить страну на самостоятельные части, и ни одна республика тогда не сможет обходиться без соседа. В результате получится неделимое хозяйственное пространство, не идеологическое, и не палочное, а экономически целостное, гармоничное. И никакой саблей такой клубок не разрубишь, навеки вместе будем!»

– На перевозках деньги потеряем, – заметил приглашенный к дискуссии Анастас Иванович Микоян.

– Хер с ними, с деньгами! – изрек Хрущев. – Суть не в деньгах, суть заключается в единстве народов. Тут нефть добывают, на другом краю перерабатывают, а потом в самые дальние уголки бензин и мазут везут. В едином экономическом пространстве смысл, понимаешь?!

– Без ликвидной экономики ни одно государство не просуществует, на ослах, что ли, будут бюджет наполнять? – возразил Микоян.

– Денег, конечно, получим меньше, но если подобная модель сложится, любой национальный бунт будет обречен. В каждом народе имеются подстрекатели и подонки, те, кто спойствие, мир и дружбу ни во что не ставят, они-то и сбивают с панталыку. В семье, как говорится, не без уroda. А если будет, как я задумал, этого уroda граждане собственными руками в порошок сотрут, не потребуется ни милицию вызывать, ни госбезопасность беспокоить!

Никита Сергеевич мечтал каждому гражданину привить любовь к Родине, вселить в сердце гордость за свою бескрайнюю многонациональную непобедимую страну.

– Это сейчас тихо, – обращаясь к Микояну, добавил он, – а чуть зажгутся, загордятся, знаешь, какие страсти в башке запрыгают? Но к тому времени страна у нас будет, как розетка со штепселем – вместе работает, а по отдельности – фиг!

3 марта, четверг

Екатерина Алексеевна сняла перчатки и небрежно бросила их на столик у зеркала.

– Валера! – позвала она.

Никто не отвечал. Взглянув в зеркало, женщина поправила непокорный локон, который налезал на лоб, и по застеленной ковром лестнице стала подниматься на второй этаж.

– Валера! – снова повторила она и открыв дверь в спальню, наконец увидела обожаемого Валеру, который лежал в постели.

Мужчина лениво потянулся и проговорил:

– Спал.

Одеяло до пояса прикрывало мускулистое тело. Валерий протянул руку:

– Иди ко мне! – он потянул ее к себе и опрокинул на кровать.

– Задушу тебя! – навалившись на Екатерину Алексеевну, выдавил Кротов и принялся ее целовать.

Через полчаса они ужинали. На Валере был синий спортивный костюм олимпийской сборной. На руке, подчеркивая счастливое благополучие, красовались золотые часы на широком браслете.

– Почему не ешь? – спросила Фурцева, проглотив последний кусочек отварной телятины.

– Неохота.

Валера уже полгода числился заведующим архивным отделом в Правлении Всесоюзного общества «Знание», которое рассылало по стране лекторов, повествующих о достижениях советской науки и техники. Суть лекций сводилась к пропаганде социалистического образа жизни. Попав в здание Политехнического музея, где располагалось общество, Кротов получил просторный кабинет и четырех сотрудников в придачу, но скука на новой работе была смертная. Заваленный горами требующей рассылки литературы, архивный отдел сортировал брошюры, писал отчеты и составлял планы на будущее.

С прошлой недели Кротов пошел на курсы повышения квалификации в Институт Марксизма-Ленинизма, но сидеть на лекциях оказалось еще невыносимей. Повысить квалификацию в столицу приезжали лекторы со всей страны. Командировочные селились в общежитии и моментально разбредались по городу. Приезжие без конца носились по магазинам, скупая всевозможные товары, так как на периферии купить вообще было нечего, а в Москве появлялась возможность хоть что-то ухватить. В Институте Марксизма-Ленинизма порядки были демократичные, присутствия слушателей на учебе никто не проверял, только на общую фотографию курса явка была обязательной. Фотографию эту прикладывали к итоговому отчету. В такой день аудитория набивалась битком. Валера решил вообще не торчать на бессмысленных занятиях, вместо этого он блаженствовал на правительственной даче, ходил на лыжах, парился в бане и, завалившись на диван, пролистывал цветастые зарубежные журналы, прихваченные с работы, вечерами смотрел иностранные фильмы, которые по заявке ежедневно развозились по дачам членов Президиума Центрального Комитета. В Министерстве кинематографии был создан особый фильмофонд. Фонд этот сформировали из многочисленных трофейных лент специально для товарища Сталина, сюда же поступали кинокартины, выходившие во Франции, Италии и Америке, которые втихаря копировали. Кроме товарища Сталина и его гостей фильмы эти никому не показывали. После смерти генералиссимуса кинотека продолжала пополняться, и чтобы в этом деле был порядок, создали Госфильмофонд. Создание такого фонда подразумевало, что советские кинодеятели могли прийти в Министерство кинематографии и посмотреть любой иностранный фильм с целью применения на практике режиссерских приемов иностранных коллег. Но до этого редко доходило, разрешение на просмотр давал министр, а кто к нему по такому пустяковому вопросу пойдет? Отпечатав список име-

ющихся кинокартин, его разослали по домам членов Президиума, они-то кино и отсматривали. В Институте международных отношений Валера неплохо выучил английский и немецкий, поэтому от переводчика-синхрониста отказывался.

Кротов отставил тарелку, перекинул ногу за ногу и устался на белокурую хозяйку дачи:

– Пойдешь со мной кино смотреть? «В джазе только девушки», комедия. Обхохочешься!

– Сегодня на прием толпа народа пришла, – терла виски Екатерина Алексеевна. – Голова раскалывается.

– Посылай подальше этих ходоков! – с напором выговорил Валерий. – Они тебя замучают!

– Нельзя, не положено. Я первый секретарь горкома.

– Пусть другие граждан принимают! Что у тебя, замов нет?

– Смешной ты, Валера, работы партийной не знаешь! Члены Президиума должны пример подавать. А какой я пример подам, если на работу ходить не буду, – разве как с тобой целоваться?

– Значит, не пойдешь фильм смотреть?

Екатерина Алексеевна взяла его за руку:

– Пойдем лучше помилуемся, полежим! А после, если скажешь, и фильм поглядим.

Они снова скрылись в спальне. Кровать отчаянно скрипела, Екатерина Алексеевна вскикивала, потом наступила тишина.

После фильма спать совершенно не хотелось. Настроение было приподнятое. Екатерина Алексеевна нахохоталась до слез.

– Почему у нас смешное кино не делают? – спросил любовник.

– При Сталине выпуск картин сократился до десяти в год, иногда и десять на экран не попадало. Сталин сам решал, что снимать, кто снимает, кто играет, сам вычитывал сценарий. Признавал только идеологически выдержанное кино. Каждую новую картину везли ему на просмотр. В фильме «Поезд идет на Восток» был эпизод, где действие происходит в купе вагона. Сидят люди в купе, общаются, а за окнами лес мелькает. И тут Сталин спрашивает: «Скажите, а в каком месте сейчас находится состав?» Все так и обомлели, – рассказывала Фурцева. – «В районе станции Новомосковская!» – нашелся министр кинематографии. На просмотре обязательно сидел и режиссер картины, вдруг у товарища Сталина вопросы возникнут. «Значит, еще долго ехать, – говорит Сталин. – Я, пожалуй, сойду!» – встал и вышел из кинозала. Режиссер фильма в обморок от испуга грохнулся, – заулыбалась Екатерина Алексеевна. – Это Сталин так шутил, – объяснила она и потрепала Валеру по волосам. – Тогда фильмов делали мало, зато сейчас кинематограф гудит, чего только не снимаем!

Екатерина Алексеевна подошла к окну, приоткрыла фрамугу, и, усевшись в ближайшее кресло, закурила.

– Скоро появится комедия «Карнавальная ночь» режиссера Рязанова. В главной роли там совсем молоденькая актриса Люда Гурченко, Царев играет закоренелого бюрократа – директора дворца культуры. Еще там лектор есть, – засмеялась Фурцева, – видать, из твоего общества «Знание», носит огромный портфель и рассуждает с важным видом: «Есть ли жизнь на Марсе?»

– Может, меня на съемки отправишь? Интересно посмотреть, как делают кино!

– Как-нибудь сходим!

Екатерина Алексеевна сделала глубокую затяжку. Валера поднялся, подошел к возлюбленной, встал за креслом и мягко обнял за шею. Женщина запрокинула голову и спросила:

– Ты скучал?

Он ничего не ответил. Настойчивые руки поползли дальше, нащупали под складками халата желанную грудь. Фурцева развернулась к нему:

– Иди ко мне!

Хлопнули двери, из столовой несли торт. Екатерина Алексеевна любила перед сном съесть сладенькое: или шоколадную конфету, или пирожное. В этот раз взбитые сливки перемешали с консервированными ягодами: малиной, голубикой, обернув хрустящими коржами. Торт исчез за считанные мгновенья.

– Вот мы обжоры! – утерла сладкие губы Екатерина Алексеевна.

– Я б еще съел! – отозвался Кротов.

– Нельзя, будешь толстый и некрасивый.

– Вку-у-сно!

– Я тут, Валерик, такое дело затеяла, – Екатерина Алексеевна придвинулась ближе. – Как тебе мое белье? – и она распахнула халат.

Белье на ней было фисташкового цвета, в лифчик вшиты кружева.

– Без белья ты мне больше нравишься.

– Ничего ты не понимаешь!

Женское нижнее белье привозили в Советский Союз исключительно из-за границы, в продаже его не было. Перед войной, в ГУМе, в спецателье, пытались шить на заказ, но это – слезы!

– Я в Москве фабрику открываю, где будут делать нарядное женское белье! Удобное, красивое и по цене доступное, – воодушевленно рассказывала модница. – Женщин, Валерочка, надо любить! Я с Никитой Сергеевичем и с товарищем Микояном о такой фабрике договорилась.

– Сиськи, что ль, им свои показывала? – откинулся в кресле Кротов.

– Дурак ты! – обиделась Фурцева.

7 марта, понедельник

Постель была разобрана, Нина Петровна сбила подушки и села на кровать. Супруги готовились ко сну.

– Вот, Ниночка, и завертелось, пошло-поехало! – удовлетворенно приговаривал Никита Сергеевич. – Ленья Брежнев первую борозду на целине дал. Побежала, родимая! Надо в Казахстан лететь, своими глазами размах увидеть.

– Рада родит, поедешь! – отрезала мать и достала из тумбочки какую-то склянку.

– Ну да, ну да! – послушно отозвался Хрущев.

Нина Петровна старательно смазывала руки кремом.

– Давай тебе помажу, вон у тебя какие шершавые! – покосилась на мужа она.

– Да не-е-е, не надо.

– Подставляй, подставляй! – велела супруга и, завладев его ладонями, стала втирать крем. – У тебя не кожа, а не поймешь что!

– Потому что я везде бегаю, все трогаю, всем интересуюсь! – разъяснил супруг.

– Потому что ты без перчаток ходишь! Что у тебя, перчаток нет?

– Да есть у меня все!

– Вот и надевай!

Нина Петровна обстоятельно смазала мужу руки и спрятала крем.

– Маленков отставку пережил?

– Зеленый становится, как меня видит. Враг теперь, – вздохнул Никита Сергеевич.

– Напрасно ты его в Президиуме оставил, не простит он свое падение.

– Молотов задвинуть не дал, – приглаживая жалкие остатки волос, отозвался супруг.

– Они против тебя и сговорятся.

– Гнилая кучка! – выпалил Хрущев. – Мы с Булганиным им задницу надерем!

– Смотри, – нахмурилась Нина Петровна. – Пока будешь по казахам разъезжать, они и взбунтуются.

– Ну, с чего ты взяла, Нина, с чего?!

– Взяла! – прищурилась супруга. – Валерию вчера в поликлинике встретила, так она не то что не поздоровалась – в мою сторону даже не посмотрела! А я кто? Никто. Обычная жена. К политическим склокам отношения не имею. А ведь сколько дружили!

– Конечно, ей обидно, недолго Егор в премьерском кресле покомандовал, – тер нос Никита Сергеевич. – Сейчас хоть толк от Совета Министров есть. А раньше: это нельзя, это рано, это подумаем – и резинка тянулась. Стране, Нина, жить надо, не на месте топтаться! Мы уже сейчас рывок по жилью дали. За два месяца сколько новостроек развернули? Очумеешь сколько! А то как получалось – в Москве квартиры строим, а в других городах – кукиш! Опять у нас Москва на особом положении. Люди-то везде одинаковые, советские, и в Минске, и в Улан-Удэ, и в Урюпинске! Так почему, спрашивается, там жилье трудящимся никто не дает?! Им что, в Москву бежать, чтобы квартиру получить? Сейчас, Ниночка, повсеместно строить стали, и народ это сразу оценил, – стоя перед женой, вещал Никита Сергеевич. – Не поверишь, как дело завертелось!

– Косыгин выпуск товаров народного потребления наращивает, – продолжал он. – Обувь приличную делает, одежду добротную шьет. Холодильники в продажу пошли. Бритву, что Лешка из Америки привез, до винтика разобрали, и теперь портативная электробритва в продаже появилась, харьковчане постарались. У меня теперь такая! А телевизоры как раскупают? Только давай! Я радуюсь, когда об этом говорю. А ты про Маленкова вспомнила, да хер бы с ним!

– Ты прямо, как грузчик! В доме бы ругаться постеснялся!

– Извини, не сдержался, – Никита Сергеевич сел на кровать. – Что зять наш?

– За Раду трясется, – улыбнулась Нина Петровна.

– Нравится мне парень, смысленный.

– Слава Богу, а то ворчал!

– Ворчал, а теперь вижу – приличный.

– Рада говорит, отношения у Алексея с главным редактором натянутые. То ли завидует он ему, что молодой, талантливый, то ли боится, что подсидит. Алексей нервничает, а настроение его сразу Радочке передается, а она на сносях. Положение тревожное. Ты подумай, как быть.

– Газета комсомольская, – ответил Никита Сергеевич. – Там Шелепин заправляет.

– Чего вздор несешь? Шелепин от одного твоего взгляда трясется. Я тебе информацию донесла, думай!

– Ну шо я теперь должен сделать? Алексея утешить или шо?

– Делай выводы! А Радочку лучше на сохранение положить, мне за нее боязно, – с глубоким вздохом проговорила супруга.

– Ты, Нин, врачам позвони, разузнай, что к чему, может, ее и правда в больницу надо? – забеспокоился Никита Сергеевич. С утра же решил пригласить к себе главного акушера и министра здравоохранения, потолковать о здоровье дочери.

Хрущев встряхнул одеяло, торопясь залечь в кровать.

– Про душ забыл! – спохватился он. Не приняв душ, Никита Сергеевич в постель не ложился.

– Так иди! – махнула Нина Петровна. Все мысли ее были заняты беременной дочкой.

Никита Сергеевич вернулся замотанный в махровую простынь.

– Пижаму потерял, не знаешь, где?

– Да вот же, на стуле!

Супруг сбросил полотенце и стал натягивать пижаму.

– Знаешь, какая мысль, Нина, мне в голову пришла?

- Скажи.
- Страна наша социалистическая, за мир борется. Нам самое главное, чтобы харчи были и крыша над головой, и еще – чтобы мир на планете торжествовал!
- Дальше-то что?
- А министерство, отвечающее за нашу обороноспособность, Министерством Вооруженных Сил называется.
- Так! – кивнула Нина Петровна.
- Что – так?! Мы Вооруженные Силы взялись сокращать, армию в два раза режем! Какое к черту Министерство Вооруженных Сил, если коммунисты всем сердцем за мир выступают?! – горячился Никита Сергеевич. – Хочу переименовать Министерство Вооруженных Сил в Министерство обороны, чтоб даже дурак знал, что мы обороняемся и нападать ни на кого не желаем! Понятно?!
- Теперь понятно, – отозвалась жена.
- Что скажешь?
- Правильно задумал.
- А ведь никто до этого не додумался, ни Молотов, ни Ворошилов!
- Очень осмысленно – Министерство обороны! – еще раз одобрила супруга.
- Никита Сергеевич придвинулся к ней и чмокнул в щеку. Нина Петровна довольно зажмурилась.
- С Шепиловым вчера общался, такой, знаешь, парень понятливый. Молодой, а уже профессор, лекции читает.
- Это главный редактор «Правды»?
- Он. Я его Секретарем ЦК выдвигаю, международные вопросы на него замкну.
- Симпатичный человек.
- И не зазнайка. Вот каким ребятам страной управлять, а не индюкам вроде Молотова. Хочу в выходные его в гости позвать?
- Если с Радочкой все обойдется! – назидательно отозвалась Нина Петровна.
- Это само собой!

15 марта, вторник

К маршалу Жукову в Сосновку приехали Серовы. Его Галина с утра суежилась, давала наставления по предстоящему обеду и самолично взялась за кулебяку. Повар сделал салат из краба, доставленного военными с Дальнего Востока, традиционный русский винегрет, из селедочки приготовил нежнейший форшмак, два вида жульена, в духовку поставил гуся с яблоками. Для себя супруга маршала заказала совершенно легкий салат из тертой свеклы, взбрызнутой лимонным соком с чуточкой оливкового масла. Галина берегла фигуру, не хотела полнеть, ведь мама ее, мягко говоря, была в теле, а значит, и у дочери имелась предрасположенность к полноте. За обедом она все-таки не удержалась и съела тостик с паштетом из печени лося. Накануне под Ржевом Георгий Константинович и Иван Александрович подстрелили лося. Повар Георгия Константиновича, привезенный из Германии, в обязательном порядке добавлял в состав паштета всевозможные травы-специи. С брусничным конфитюром пожаренная на решетке лосятина и котлеты – восхитительны!

За обедом мужчины выпили бутылку тридцатилетнего грузинского коньяка, шутили, вспоминали послевоенные будни в Берлине, где с 1945 года Жуков был главнокомандующим и главноначальствующим на оккупированной советскими войсками территории, а генерал-полковник Серов являлся у него заместителем.

- Когда тебе Хрущев очередное звание даст? – спросил маршал.

– Молчит! – грустно отозвался Иван Александрович. – Дело не в Хрущеве. Отдельные личности меня недолюбливают. Маленков из МГБ Министерство внутренних дел выделил, Круглова в министры протащил. А все для чего? Для того чтобы меня схарчить и хрущевскую власть урезать.

– Значит, несладко приходится? – глядя на товарища, прихлопнул по коленкам Георгий Константинович.

– Выживаем! – улыбнулся Серов. – Жду не дожусь, когда Никита Сергеевич с умниками разберется.

– Если не разберется, ему хана! – подметил Жуков. – Хрущев для многих явление неприятное.

– Вы бы послушали, что они про него говорят! – вздохнул председатель КГБ.

– Борьба, Иван, единоборство! А ты как хотел? Старики не успокоятся, будут Хрущева теснить. Он им как кость в горле. Я б Маленкова на высылки заткнул, а лучше – за решетку, на нем кровь не обсохла. Маленков не далеко от Берии ушел, душегуб, бл...! – тихо, чтобы не услышала брань жена, определил Георгий Константинович. – Неясно, кто у кого был подручный. А Никита в Президиуме Егора оставил. Неправильно это, получит по шапке.

– Пока мы рядом – хер им! – отозвался Серов. – Молотов, тот упорно выступает.

– Молотов. Молотов! Все лезет, змей, все шипит!

– Хрущев добьет, – убежденно проговорил генерал-полковник.

– Как бы они его не отоварили, – усомнился маршал. – Никита наивный.

– Не скажи!

– Как ты говоришь – хер им?!

– Георгий! – с укором произнесла Галина, услышав грязное слово.

– Извини, дорогая, не утерпел!

– Подайте-ка мне гитару! – попросил Серов.

Генерал знал, что гитара всегда у Жукова наготове, нет-нет, а кто-то приедет в гости и ударит по струнам. В Германии Серов часто развлекал главнокомандующего. Маршал встал и достал со шкафа инструмент.

– Не хватай, сейчас пыль оботру, а то скажешь, что запачкался! – министр обороны взял со стола салфетку, обстоятельно обтер инструмент и протянул товарищу. – Теперь лапай.

Иван Александрович сел удобнее и, сделав несколько мелодичных аккордов, заиграл. Он пел приятным баритоном. Песни лились рекой, их стали подтягивать, особенно лихо удалась «Гренада». Во весь голос, точно дирижер, помогая себе обеими руками, маршал подпевал:

– Гренада, Гренада, Гренада моя!

«Гренаду» повторили на бис. Спели «Соловьи-соловьи, не тревожьте солдат», «Катюшу», «Эх, дороги!» Потом упростили Анечку сыграть, она села за инструмент и заиграла не что-нибудь, а марш Мендельсона, который обычно встречает новобранцев, потом играла вариации на тему произведений Штрауса. Слушали ее с огромным интересом. Слух у девушки был совершеннейший. Недавно, наверное, с полгода, как пригласили в дом учителя, и теперь она делала выдающиеся успехи. Напоследок Аня исполнила полонез Огинского, играла с чувством, музыка точно жила в ней, плескалась, как море. Все восторженно хлопали. Маршал встал и расцеловал пианистку, Галина обняла юное дарование и предложила за нее тост. Мужчины выпили до дна, а женщины лишь пригубили бокалы. Аня вообще раньше не пила, но в доме Ивана Александровича начала по чуть-чуть пробовать вина, уж очень часто приходилось сидеть за столом, посещая кого-то, либо приглашать гостей к себе. А вот жуковская Галина на дух не переносила спиртное. На фронте без ста граммов не обходилось ни одно застолье, а вдогонку за положенными фронтовыми всегда находился спирт либо самогон. А где выпивка, там, как известно – душа нараспашку, так и тянет на подвиги, какие только фортели после взятия на грудь бойцы ни проделывали, как только ни чудили, а шуточки отпускали не все-

гда безобидные – ничто человеческое на войне не чуждо! Поэтому жена маршала возненавидела спиртное и мужа не поощряла: при ней маршал пил в исключительных случаях, позволяя рюмочку-другую со старыми, проверенными друзьями, которых, впрочем, почти не осталось.

После импровизированного концерта Серов как медведь обхватил жену и расцеловал. В прошлом году, в декабре, они расписались, и Георгий Константинович с Галей были у них на свадьбе свидетелями, а буквально через месяц после этого события Серовы стали свидетелями на свадьбе маршала Жукова и Галины. После того как маршал Жуков официально признал молодую жену Серова, светское окружение стало еще больше шушукаться, перемывать Ане косточки, но и уважения, вернее благолепия, по отношению к ней прибавилось многократно. Поговаривали, что Галина, вторая супруга маршала Жукова, родная Анина сестра, и что раньше Аня работала со старшей сестрой в том самом госпитале, где маршал проходил обследование и повстречался с обеими женщинами.

Утверждали, что Жуков никак не мог решить, на ком остановить свой выбор – на улыбчивой пышечке Гале или на ее высокой, в самом соку сестрице – совсем юной чернобровой красотке, и что когда маршал Жуков избрал в жены докторшу – уж слишком молода была для него Аня, его «лепший кореш» генерал Серов, не мешкая, признался в любви младшей. Еще поговаривали, что Аня только с виду простушка, а на самом деле с малолетства распущенная хитрющая сучка, охотница за видными мужиками и что до Серова она крутила роман с ответработником из Управления делами ЦК. А некоторые доказывали, что до этого романа она соблазнила начальника хрущевской охраны Букина, и тот не женился на ней лишь потому, что Анька бегала на свидания к хрущевскому сыну-студенту, что ей все было мало, и, в конце концов, подцепила вдовца Серова, и что Хрущевы ее на порог не пускают. Словом, много ходило нелепых разговоров. И Серов, и Жуков обрастали легендами.

После пения и игры на фортепьяно Галина предложила покататься на коньках. На месте теннисного корта обычно заливали каток. Сначала каждому подобрали теплую одежду. Ане Галя выдала толстый свитер и куртку, ведь не май месяц. Ивана Александровича обмундировали в военное. Нацепив коньки, на которых никто из женщин не мог ровно стоять, а уж ездить и подавно, компания двинулась на улицу. Галина за всю зиму лишь однажды составила мужу компанию. Вихляя, конвульсивно хватаясь за что придется, женщины ступили на лед. Поддерживая жен, Георгий Константинович и Иван Александрович держались орлами, в Берлине, пристрастившись к катанию, товарищи сделались настоящими мастерами. На закрытом, надежно охраняемом катке, где невозможно было организовать предательскую диверсию, они проводили каждый воскресный день. Так и пошло с Берлина – вместо лыж коньки.

– Держи крепче, уронишь! – смеялся Жуков, подмигивая Ивану Александровичу. Сам он крепко сжимал полненькую Галину, приговаривая: – Никуда от меня не денешься!

На катке веселья стало больше. Женщины, разумеется, по несколько раз с громкими криками падали.

– Лови меня, Ваня, лови! – вопила Аня и неуклюже расставив ноги, неуправляемо ехала вперед.

Как ни старался наставлять жену Георгий Константинович, Галя, визжа, врезалась то в один сугроб, то в другой, так и не научившись поворачивать. Крики, смех! Сколько удовольствия, радости доставило это беспшабашное катанье! Наконец прямо здесь, на скамейке, сменив коньки на привычную человеческую обувь, как оголтелые принялись играть в снежки. Мартовский снег уже подтаивал, все вымокли насквозь, насмеялись. Маршал цвел, чуть что, прижимая к себе ненаглядную Галю, а Иван Александрович не спускал глаз с юной Анечки. Хохоча, Серовы побежали, соревнуясь, кто вперед, завалились в снег и принялись целоваться. Полноватому Серову было нелегко угнаться за шустрой Анютой, правда, она намеренно поддавалась, оказываясь в крепких любящих объятиях. Внезапно девушка побледнела.

– Голова кружится, – пожаловалась она, – мутит!

– Что случилось? – беспокоился муж.

– Не знаю, Ваня, плохо сделалось.

Иван Александрович обхватил ее за плечи и повел в дом. Анечке принесли горячего чая. Галина, как профессиональный доктор, осмотрела девушку, ощупала с ног до головы.

– Руки-ноги целы! – убедилась она. – Головой не ударялась?

– Нет.

Доктор сосчитала пульс, потрогала теплые ладони, оттянув веки, осмотрела глаза и улыбнулась:

– Уж не беременна ли ты?

– Беременна? – поразились Аня.

– Когда месячные были, считаешь?

– Вроде уже должны быть, а нет, – тихо проговорила Анечка.

– Так обычно и начинается, – ласково кивнула супруга маршала.

Когда Иван Александрович услышал это потрясающее известие, он просиял:

– Анюта, моя милая, моя родная! Мое золотце! Мое сердечко! – пританцовывал он и целовал ее и в лоб, и в глаза, и в ладони, и гладил, гладил.

– Устроили телячьи нежности! – погрозил пальцем Жуков. – Нам тоже хочется! – добавил он и притянул к себе Галю. – Мы сейчас тоже целоваться начнем!

31 марта, четверг

С назначением Булганина председателем Совета министров, Жуков возглавил Министерство Вооруженных Сил, переименованное теперь в Министерство обороны. Первое, с чего начал маршал, – кадровые перестановки. Открытым оставался вопрос о первом заместителе министра, главнокомандующем сухопутными войсками, той должности, которую при Булганине занимал сам Жуков.

– Малиновского зачем подсовываешь? – зло спросил Георгий Константинович.

Никита Сергеевич специально приехал просить за Родиона, с которым его сводила судьба на Южном, Юго-Западном и Воронежском фронтах, где во время войны Хрущев был членом Военного Совета, а Малиновский командующим.

– Не подсовываю, а предлагаю, – ответил Никита Сергеевич. – Родион толковый, я его хорошо знаю. И тебе Родион пригодится, он не хитрожопый.

– Ты, Никита Сергеевич, думай, что говоришь! Я армией командую, а не поведение разбираю, мне насрать, кто хитрожопый, а кто нет! Мне страну защищать, не тебе!

– А я, значит, мудака?! – взорвался Хрущев. – Ты, Георгий Константинович, страну защищаешь, а я, выходит, невесть кого к тебе веду, хочу авторитет Вооруженных Сил подорвать?! Ну, брат, ты скажешь!

– Почему за меня решаешь?! – размахивал руками Жуков.

Хрущев встал прямо перед ним.

– Упрямый! – вымолвил он. – Ты, конечно, стратег, ты победитель, Георгий, но и меня послушай. В мире совсем другая война назревает, не та, где ты из пушек палил. Ракеты, атомные бомбы – вот новый Бог войны, вот на чем сосредоточиться надо! А солдафон-Малиновский пусть обыденными делами занимается. Ты же будешь стратегические вопросы решать, главенствующие. Что тут плохого? Где не так говорю? Хорошо, если новой войны не случится! Сам сказал: атомная бомба – ключ к победе. Говорил или нет?

– Говорил, – потупился Жуков. Он уже перестал злиться, перекипел. Маршал терпеть не мог, когда ему указывали.

Никита Сергеевич добродушно улыбнулся:

– Нам, Георгий, скоро из автоматов стрелять не придется. Кто первый бомбу жажнет, тот и жив. Так?

– Так.

– А раз так, то давай к ядерной теме вернемся, нам, ежели что, надо врага опередить и непробиваемым щитом заслониться. Многое предстоит в Вооруженных Силах переиначить. Мыслить надо по-новому, это совсем иная работа! Вот я и предложил Малиновского – вояку, строевика, чтобы повседневную ляжку тянул, мусор разгребал, а мы с тобой, Георгий Константинович, настоящими делами займемся, будем оборону против ядерных бомб выстраивать, а может – и нападение подготовим. В условиях новой войны сильно кумекать надо, а ты пристал – почему Малиновский? Не хочешь, не бери, но он, по крайней мере, не зубоскал, а честный, исполнительный человек, к тебе с пиететом. Чем он не угодил?

Маршал Жуков замялся.

– А тем, что я первый его предложил! – развел руками Никита Сергеевич. – А я ж от чистого сердца, потому как знаю, тебе надежные помощники нужны. А ты сразу в бутылку лезешь?

– Никуда я не лезу!

– Тогда чего кусаешься? Хочешь, чтоб тебе молотовцы Конева навязали, или Костю Рокоссовского из Польши вызвали? Конева, слава Богу, в Варшавский договор определили, теперь он там начальствует, при деле уже товарищ Конев. А вот у Кости с возникновением военного блока стран народной демократии власти поубавилось. Рокоссовский спит и видит в Москву перебраться, уже представляет себя первым заместителем министра обороны, а там, глядишь, и до министерского портфеля дотянется. Он, как и ты – герой, и парадом Победы командовал. Задумайся!

Жуков насупил.

– И кланяется он лучше, и видный, и обходительный, но ведь в Министерстве обороны работать надо, а не поклоны в нарядном мундире бить. Сколько лет Костя в Польше военным министром просидел, десять? Хватит, рассуждает, надо в Москву перебираться. И ведь многие за него, многие! – разогревал ситуацию Никита Сергеевич. – Не веришь, спроси Булганина, сколько к нему за Костю ходочков было! Для мудрых членов Президиума, ты, брат, слишком ершист. Молотов два раза о Рокоссовском упоминал, а у Молотова клещами слова не вытянешь.

Хрущев утер платком вспотевший лоб и, развернувшись от маршала, ушел на диван.

– Я, кстати, тебя в Президиум рекомендовал, – с дивана проговорил он.

Жуков замер. Никита Сергеевич весело смотрел на маршала.

– Ладно, возьму твоего Малиновского, – сдался Георгий Константинович. – Но ты не думай, ты меня не купил! Я решение взвесил, с доводами согласился, – и грустно добавил: – Я Костю Рокоссовского от расстрела спас, Сталина помиловать его упросил. Скажу правду, хотел его из Польши к себе забрать, а после твоих слов уже и не знаю.

– Не торопись, – отозвался Хрущев, похлопывая по кожаным подушкам дивана. – Забрать всегда успеешь. Лучше Малиновского мы с тобой никого не сыщем.

– Не искали, – огрызнулся министр.

Хрущев уже не слушал, Малиновского к Жукову первым замом протасил.

– Кому поручим противоракетную оборону Москвы? – спросил Никита Сергеевич.

– Москаленко.

– Одного пояса хватит?

– Лучше два строить, а верней всего три, – проговорил Жуков, – Тогда ни самолет, ни ракета к нам не подлетит.

– Расходы считать надо.

– Расходы не мое дело! – огрызнулся маршал.

В прошлом месяце с успехом прошли испытания ракетной системы С-25. Зенитно-ракетный комплекс состоял из шестидесяти ракет В-300, которые могли отслеживать двадцать целей одновременно на высоте до тридцати пяти километров. Комплексы эти предполагалась располагать на значительном расстоянии от столицы, расставляя поясами в шахматном порядке, так, чтобы ни одна бомба не могла достичь цели. Защита получалась действенная, ракеты наверняка поражали цель.

Жуков совершенно оттаял, повеселел.

– Слушай, – сказал он и снова нахмурился, – в печенках у меня сидит адмирал Кузнецов, давай его на хер!

– Кузнецов, Кузнецов! – задумчиво проговорил Первый Секретарь. – Сложно сейчас Кузнецову наподдать, молотовские в него зубами вцепятся. Вот ты в Президиум войдешь, тогда нагоним.

– Он им нравится, потому что шапку ломать перед министром не хочет! Чуть что – напрямую в Совмин бежит. Ну как это так: я приказ по министерству отдаю, а пока он свой, аналогичный, не подпишет, мой приказ на флоте не действует?! Почему Кузнецов на особом положении? Раньше существовало Министерство Военно-Морского Флота, он был министром, единолично там правил, но теперь такого министерства нет, его слили с военным, я – министр, он мой заместитель, как такое самоуправство понимать?! – нервничал Жуков.

– Потерпи, брат, выпрем Кузнецова.

– Да как терпеть, когда он даже на совещание зама присылает! Принц, мать его!

– Ты-то Булганину не очень-то подчинялся, – высказался Никита Сергеевич.

– Какой из Булганина министр! – отмахнулся Жуков. – Он не вояка.

– А субординация? – весело поддел Первый Секретарь.

– Иди к черту со своей субординацией!

– Не кипятись, Георгий Константинович, будет и на нашей улице праздник. Войдешь в Президиум Центрального Комитета, и пусть попробует адмирал дернуться, живо приструним, партбилет на стол – и весь разговор! Это я тебе твердо обещаю, а пока терпи.

– Терпи! – выдавил Жуков. – И за что его превозносят? Что он в войну сделал? Первым по немцам с корабля пальнул? Да, имел место такой случай. Нам Сталин категорически приказывал не вмешиваться, огонь не открывать, провокация, говорил, не верил, что Гитлер договор нарушил. Мы и сидели, как мыши! А когда отдал приказ: аэродромов нет, техники нет, паника, все отступают, а теперь Кузнецов – молодец!

– Чего завелся, Георгий, угомонись, сплавим Кузнецова!

– Сплавим! – повторил Жуков. – Вот он у меня где! – и маршал похлопал себя по шее.

– В баню в воскресенье придешь?

– Приду.

Вечером, уже дома, когда ложились спать, Никита Сергеевич поделился новостями с женой:

– Родиона замом к Жукову впихнул!

– Родион Яковлевич наверняка рад.

– Рад! – подтвердил Хрущев. – И я рад. Родион в доску мой. Не упрямец, слушает, что говорю. Надо мне Ване Серову звание дать, авторитет поднять, а то куда ни глянь – одни маршалы! Серов, Нина, это моя безопасность.

– Делай, как знаешь, – зевнула Нина Петровна. – Что-то твоего друга Булганина не слышно?

– Английский язык учит, – усмехнулся Хрущев. – Хочет на иностранных языках говорить.

– Да ну!

– Вот тебе и ну! Мечтал на английском с трибуны Организации Объединенных Наций выступить, чтобы поразить всех. Да только не идут у него языки. Коля себе задачу упростил, на отдельные фразы перешел, так, чтобы поздороваться мог, поинтересоваться, как дела, и все такое.

– Это ж сколько ему учиться?

– Какой из него ученик? Я ему: «А ну, скажи что-нибудь по-английски?» А он в ответ матом! Вот и все знания. Вчера очередного учителя прогнал, видать, скоро охота дурачиться пройдет. Ладно, Нина, давай укладываться, завтра вставать рано.

4 апреля, понедельник

Никита Сергеевич снял трубку. Звонила Нина Петровна.

– Что, родился?! Кто? Мальчик?! Мчусь! – Хрущев выскочил в приемную, крича: – Заводите машины! Едем! Мальчик родился!

Охрана помчалась за Никитой Сергеевичем. Как полоумные прыгали в автомобили шоферы, автоматчики. Кортёж мчался на улицу Веснина, где располагался родильный дом «кремлевки». Хрущеву не терпелось посмотреть на внука.

– Рада с Алешей решили назвать его Никита, в честь тебя! – торжественно произнесла Нина Петровна, она с утра находилась в клинике.

– Внук, Никита! – закатив глаза, чуть не расплакался счастливый дедушка.

Находясь в медицинском учреждении, старались не шуметь. Получив белые халаты и переодев обувь, поспешили в палату. Никита Сергеевич расцеловал дочку и осторожно заглянул в кроватку, где сопел новорожденный. У кроватки застыл довольный отец.

– Иди ко мне! – тихо, чтобы не перепугать малыша, проговорил Никита Сергеевич и заключил Аджубея в объятия.

– Молодчина, молодчина! Так держать! – хлопал зятя тесть. – Напьемся с тобой сегодня, Алексей Иванович, ох, напьемся!

Ребеночек спал, крохотный носик, крохотные ушки, губки, которые даже во сне забавно вытягивались, пытаюсь отыскать материнскую грудь. А пальчики – боже мой! – какие малюсенькие пальчики! А на них ноготки-крохотули.

– Посмотри, и прическа есть! – умилилась Нина Петровна, указывая на темненький чубчик на головке младенца.

– Шатен! – с гордостью прошептал Хрущев.

Ребенок пискнул, потянулся и затих.

– Какой он маленький! – проговорила Рада.

– Не маленький, а нормальный, три двести, – с гордостью ответил отец.

– Пусть спит, – улыбнулся Никита Сергеевич. – Для него мир – диковинка, после маминного живота он еще не освоился. Сейчас для Никитки самое важное – мама! – и Хрущев ласково погладил дочку по голове. – Теперь ты, Рада, для него и любовь, и тепло.

– Полюбовались, и хватит! – не допуская возражений, сказала Нина Петровна. – Пойдемте, нечего мешать. Пусть маленький и его мамочка отдыхают.

– Правильно, правильно! – поддержал дед. – Уходим. И ты давай с нами, – кивнул он Аджубею.

– Иди, Алешенька! – позволила Рада.

Узнав радостное известие, к Хрущевым заторопились близкие. Через два часа гуляние было в полном разгаре. Во главе стола восседал молодцеватый Николай Александрович Булганин. Он привез огромный букет алых роз для Рады, который сразу же отослали в родильный дом, маршал почему-то решил, что ее с ребенком уже выписали. Другой букет, ничуть не меньше первого, из дивных белых лилий, сразу нашел свою хозяйку, так как предназначался

для Нины Петровны. Его определили в огромную синюю вазу и поставили по центру стола. Букет этот очень принарядил незамысловатую, без излишеств, хрущевскую столовую.

– А мне что? – с хитринкой взглянул Никита Сергеевич.

– Что, что?! Тебе бутылка водки, вот что! – отозвался председатель Совета министров.

По сторонам от Булганина расположились маршал Жуков и Анастас Иванович Микоян.

– За новорожденного Хрущева, за Никиту Алексеевича! – поднял рюмку Булганин. – За нового гражданина Союза Советских Социалистических республик!

– Пусть, как дед, растет вершителем судеб! – добавил Анастас Иванович.

Выпили со вкусом, прямо ухнули первую рюмку, такое славное событие справляли.

– Красивый парень, моя точная копия! – хвастался Никита Сергеевич.

– По-другому и быть не могло! – отозвался Булганин. – Ты чего нас голодом моришь?

– Сейчас, ребята, все будет, – пообещал хозяин. – Нина, Нинуля! Давай скорей закусить!

Стол стали заполнять разнообразные закуски. Гости первым делом набросились на картошечку, пожаренную с шампиньонами, которую подали на чугунной шкварчащей сковородке.

– Хороша картошечка! – нахваливал Жуков. – И грибочки что надо.

– Шампиньончики! – любовно проговорил Никита Сергеевич. – Их круглый год выращивать можно и зимой, и летом. Замечательный по качеству гриб, ничем не хуже белого. Лобанов прислал.

Николай Александрович разлил.

– Погодите пить, вон Шепилов идет. Дима, давай к нам, а то водка стынет!

– Бегу!

– Со мной садись!

Дмитрия Трофимовича только-только избрали Секретарем Центрального Комитета, одновременно он стал заведовать Международным отделом ЦК. В компании таких китов Дмитрий Трофимович чувствовал себя неуютно.

– Говори тост! – приказал Хрущев.

Шепилов поднялся с места и, развернувшись к Первому Секретарю, начал:

– Прежде всего, разрешите от всей души поздравить вас со знаменательным событием, которое, несомненно....

– Постой, постой! – перебил Никита Сергеевич. – Вот смешной, говорит так, будто мы здесь по какому-то официальному делу собрались. Ты это брось! Мы рождение моего внука празднуем, не министра иностранных дел Гватемалы!

Шепилов окончательно смутился.

– А еще профессор! Говори от души. Здесь выверты заумные зачем?

– За маленького Никитку, – смущенно улыбаясь, промямлил бывший редактор «Правды».

Осушив рюмку, Жуков зажмурил глаза.

– Давай, Георгий, я тебе фаршированных перцев положу, с утра сготовили. Перцы просто объедение!

– Клади.

Хрущев принялся выкладывать из глиняной миски пузатые дымящиеся перцы.

– К перцам сметанку необходимо!

Фаршированные рисом, морковкой и молочной телятиной перцы томились в духовке, покауда золотисто не запеклись и не пустили обильный сок, который пропитал несказанными ароматами всю их рыхлую внутренность.

– Ну, запах! – закатил глаза Жуков.

У Хрущевых всегда наедались до умопомрачения, и всегда было жутко вкусно.

После фаршированных перцев подали жареных карасей.

– На Москве-реке наловили. В сметане жарили, их можно прямо с косточками есть! – объяснил Никита Сергеевич и первым подал пример.

Гости налегли на карасей.

– Мировой у тебя зять, Никита, и не потому, что умеет детей делать, детей делать у всех с удовольствием получается! – хохотнул Николай Александрович.

– И хочется всем! – весело уточнил Жуков.

– Хочется, это само собой! – продолжал председатель Совета министров. – А Лешка твой – трудоголик, и отзываются о нем хорошо.

– Ты ж на него ругался? – напомнил Хрущев.

– По незнанию, брат, по незнанию!

– Стоящий работник, – поддержал Шепилов. – Я сразу его подметил, еще до того, как он с Никитой Сергеевичем породнился. Одна статья «Плесень» чего стоит! Как он там затхлую жизнь золотой молодежи подсветил!

– Статья стоящая, хотя, ребята, скажу по секрету, мой Сергей под это пагубное влияние чуть не попал, я Николаю Александровичу уже рассказывал, – невесело признался Никита Сергеевич.

– Так что у них с Ладкой, никак? – уставился на друга Булганин.

– Влюбился Сергей в кругловскую дочь, – для остальных разъяснил Хрущев. – А она – вертихвостка! Вокруг нее как раз самая настоящая плесень – модники, модницы, нелепая западная музыка, буржуазные ужимки, ничего стоящего внутри, только танцы, похвальба да выпивка! Какой с такой молодежи толк? А Сережка мой прямо прилип к этой фифочке, бегал в гости, гадостью заражался, – разоткровенничался отец. – Я ничего поделывать не мог!

– Так встречается Сергей с кругловской дочкой или нет? – допытывался Булганин.

– Чего встречаться, замуж Ладка выходит! Нашла себе силача-переводчика, – зло проговорил Первый Секретарь. – И, главное, набралась наглости Сережу на свадьбу пригласить!

– Профура! – выругался Булганин. – Круглова давно гнать надо!

– Сучка! – поддержал Жуков.

– Не сучка, а дрянь, вся в отца! – вспылil Никита Сергеевич. – Влюбился сын крепко. Позавчера мы с Ниной ночь не спали, Нина слышала, как Сергей плакал. Меня прямо разрывало на части! Я б прямо этих Кругловых сгноил! – жажнул по столу оскорбленный отец. – Круглов при Берии ГУЛАГом командовал, сколько людей угробил!

– Он ингушей с чеченцами выселял, – подтвердил подошедший с опозданием Серов.

– Ты давай ешь, опоздавший! – прикрикнул Первый Секретарь и переведя взгляд на Шепилова, продолжил: – У Леши Аджубея какие-то сложности в газете, ты, Дмитрий Трофимович, разузнай, в чем дело, а то мои переживают, особенно Нина Петровна.

– Разузнаю и доложу.

– Ежели чего, меры прими.

– Обязательно! – пообещал Шепилов.

– Я с вашими разговорами рюмку устал держать! – буркнул председатель правительства.

– Давайте за Радочку! – поддержал Булганина маршал Жуков.

– За мамочку! – протягивая к Никите Сергеевичу рюмку, закивал Серов.

Ели уже медленно, насытились, выбирали, что повкуснее.

– Куда, Никита, за границу полетим? – поинтересовался Николай Александрович и макнул хлебный мякиш в соус, оставшийся из-под фаршированных перцев.

– Сукарно в Индонезии форум проводит. Двадцать девять государств Азии и Африки против Америки сговорились, против колониализма, против засилья эксплуататоров! И мы к этому форуму руку приложили, денежек дали, – заговорил Хрущев. – Правда, и товарищ Мао себя любящим другом показал, и финансы прислал и продовольствие.

– Китаец не скупясь раздает, говорит, что всем поможет, надо только его держаться, – высказался Микоян.

– Мао Цзэдун в региональной политике хочет преуспеть, – осмелился вставить Шепилов.

– И не только в Азии, – продолжил Анастас Иванович. – Недавно совершенно безвозмездно отправил голодающим Африки корабль с продуктами. В Судан, кажется.

– В Чад, – уточнил Шепилов.

– Да, в Чад, – поправился Анастас Иванович. – Хочет явить себя миру благодетелем, чтобы его считали первым марксистом.

– На Бандунгской встрече надо громогласно о Советском Союзе заявить! – выкрикнул Хрущев. – Россия, Советский Союз – вот единственный лидер!

– Летим туда, что ли? – уточнил Булганин.

– Нет, Коля, туда мы не поедem. Товарища Шепилова пошлем. Пусть передаст от всего Советского Союза революционный привет. Поедешь, Дима?

– Если партия скажет, поеду.

– А я кто тебе, уже не партия? – ухмыльнулся Хрущев.

– Извините! – смутился Дмитрий Трофимович.

– Шучу, шучу! – миролюбиво отозвался Никита Сергеевич и повернулся к председателю Совета министров. – Сегодня, Коля, у нас на повестке дня Германия. К восточным немцам отправимся, посмотрим им в глаза. Надо понять, готовы друзья-немцы к социализму или притворятся. И с западными немцами пора в диалог вступать.

– Может, стоит военнопленных отпустить? Уже десять лет, как немцы в плену сидят, – проговорил Микоян.

– Канцлер Аденауэр в сентябре приезжает, – снова сказал Шепилов.

– Надо немцев отпускать. Пусть это будет жестом доброй воли, – высказался Николай Александрович. – А не отпустим, так они перемрут.

– Перемрут, не перемрут, а война была! – назидательно ответил Никита Сергеевич. – Съездим, Николай, в Берлин, а там видно будет.

– Я в Германии не был, – пробасил премьер.

– Особо остро стоит югославский вопрос, – добавил Хрущев. – Как Сталин с Тито поссорился, мы с югославами на ножах. Совсем это ни к чему!

– Кровавая собака Тито! – применив сталинское определение, цинично ухмыльнулся Микоян.

– Точно, точно, так Тито называли! – оживился Николай Александрович.

– Югославия на Балканах должна стать надежным плацдармом социализма! – определил Хрущев. – Мириться надо ехать.

– Примет ли Тито? – засомневался Микоян.

– Добьемся встречи! – безапелляционно решил Хрущев. – Может, поначалу в Югославию рванем, а после – в Берлин.

– Можно и так! – не возражал председатель правительства.

– И об Индии помнить надо. С Индией у России целая эра впереди! Так что, Николай Александрович, не простые предполагаются гастроли.

– Молотов подскочит. Как так, скажет, без него решили?! – покачал головой Анастас Иванович.

– Вячеслав, окуклился как гусеница! А время пришло новое, горячее, только успевай поворачиваться! Дождется – попрем с работы! В Англии самого Черчилля на отдых отправили, не постеснялись, а мы все – Молотов! – заикаемся. У Черчилля заслуг больше, чем у Молотова. Молотов в сморчка на посту министра иностранных дел превратился, а все паясничает. У англичан рука не дрогнула Черчилля сменить, и у нас не дрогнет!

– Не помогает, так хоть бы не мешал! – буркнул Булганин.

– С прошлой недели Антони Иден английский кабинет возглавил, – опять дополнил Дмитрий Трофимович.

– И ведь без Черчилля землетрясения не произошло! – уставился на Шепилова Никита Сергеевич. – Все мы не вечные. Придет время, и мы будем места освобождать, даже с удовольствием, пусть молодые, более грамотные работают. В этом основной принцип социализма, а не так, чтобы до ста лет тебя в кабинет приносили. Вот Дима Шепилов, чем не министр иностранных дел?

– Во-во! – поддакнул Булганин. – Значит, и Англия у нас в списке?

– Поездок хватит. Анастас Иванович на хозяйстве останется, товарищ Жуков тыл прикроет. Такой расклад. Можно смело путешествовать.

– Что-то мы отвлеклись от главной темы, позвольте мне сказать? – Микоян поднялся с места.

Невысокий, щупловатый, с жесткими кучерявыми волосами, всегда улыбчивый и располагающий к себе, Анастас Иванович за последний год стал очень близок к Хрущеву.

– Если человек доживает до того времени, когда у него появляются внуки, значит, к нему благосклонна судьба, – начал он. – Ты, Никита, дожил до внуков! Хочу пожелать, чтоб был у тебя не один внук. Чтобы почаще радовали тебя дети внучатами, потому что маленькие детки – это не просто радость, а радость, помноженная на счастье! Как однажды подметил Георгий Константинович, ради детей, мы, в сущности, и живем на белом свете. За тебя, дорогой друг, и за маленького Никитку!

– Ура! – высоко поднимая рюмку, крикнул Жуков.

– У-у-р-р-а-а-а!!! – прокатилось по столовой.

– Дайте слово опоздавшему! – не допуская передышки, потребовал Серов, он появился за столом последним, и, встав перед Первым Секретарем, заговорил: – Я очень рад, что в семье Хрущевых пополнение, рад за Раду, за Алексея и, конечно, рад за вас с Ниной Петровной. Сердечно поздравляю! – чокался Иван Александрович. – Надеюсь, что скоро и мы с Анютой пригласим в гости, мы тоже ждем пополнение, – признался он.

– А уж мы как с Галей стараемся! – заулыбался маршал Жуков.

– Давайте за детишек, за всех детишек без исключения, и будущих и настоящих! – воскликнул Никита Сергеевич. – До дна!

– До дна! До дна! – раздались голоса.

Гости поднялись с мест и с энтузиазмом выпили. Булганин для убедительности потряс перевернутой рюмкой над головой, демонстрируя, что выпил до капельки.

– Мы в тебе не сомневались, Николай Александрович, ты ни в одном деле себя плохо не показал! – обнял его Хрущев. Он тоже махнул полную стопку, пятую по счету, и был уже здорово навеселе.

– Сейчас вам новый анекдот расскажу, – проговорил Булганин, но тут Никиту Сергеевича пригласили к телефону.

Через минуту он вернулся очень довольным.

– Брежнев звонил, наш целинник. И ему донесли!

– Как там дела, на целине?

– Работа разворачивается!

Стол между тем заставили пирогами, но есть уже не хотелось. Гости подхватили бокалы и перебрались на мягкие диваны в гостиную. Смиловитившись, Хрущев разрешил курить. Булганин, Серов и Жуков задымили у окна.

– Вчера у меня Руденко был, – устроившись на диване, проговорил Булганин. – Говорит, в этом году «Бериевское дело» закончим. Более ста человек привлечены к уголовной ответственности. Ты, Никита, материалы читаешь?

– Читаю. Дерьма там хватает.

Генеральный прокурор и у него бывал регулярно, кроме того, каждую неделю в ЦК поступали копии следственных документов.

– Заключенный Богдан Кобулов мне прошение о помиловании написал, – продолжал Николай Александрович. – Пишет он из Бутырской тюрьмы, из камеры смертников.

– Богдана Кобулова Берия взял себе заместителем, – припомнил Жуков.

– Кобулов просит заменить ему высшую меру, смягчить наказание. Пишет, что не являлся участником заговора против Советского государства, что лишь добросовестно выполнял распоряжения руководства.

– Сам и был руководство! – с раздражением проговорил Жуков.

Хрущев подозвал стоящего в стороне Букина.

– Сходи-ка, принеси из кабинета бумаги, на маленьком столе у окошка лежат.

– Кобулов кается, и Влодзимирский кается, и Багиров кается, – продолжал Хрущев. – Все, которых осудили, раскаялись.

– Меркулова, Гоглидзе и Рапаву уже расстреляли, – уточнил Серов.

Букин принес бумаги и передал Первому Секретарю.

– Богдан Кабулов, значит, пишет тебе, что невиновен. Я вам сейчас кое-что прочту. Это из Руденковского расследования.

Никита Сергеевич надел очки и поднес документ ближе.

– Слушайте. Свидетель Петросян на допросе 21 января 1954 года показал: «...в августе 1938 года, в Тбилиси, я был арестован НКВД по обвинению в подготовке теракта против Сталина и Берии. Следствие по моему делу вели Крымян, Савицкий, Повсесов и Пачулия. В период следствия по указанию Кобулова меня систематически избивали Крымян и Савицкий. Они избивали меня кулаками, ногами, били плетью, заставляли меня танцевать и всячески издевались, постоянно истязали так, что я не менее тридцати раз терял сознание и избитый, в синяках и кровоподтеках, доставлялся во внутреннюю тюрьму НКВД. Лично Крымян во время истязаний выбил мне кулаком четыре зуба, он же заставлял меня лизать кровь на полу. Они заставляли меня признаться в том, чего я не совершал».

– А эту гниду, Крымяна, расстреляли? – спросил Булганин.

– Расстреляли.

Хрущев поднял на присутствующих глаза:

– Не просто били, а истязали людей, и братья Кобуловы там в первом ряду. Младший брат Богдана Кобулова, Амаяк, тоже работал на больших должностях в НКВД. Зачитываю показания заместителя личной охраны Берии – Надарии:

«Работая начальником внутренней тюрьмы НКВД на протяжении трех лет, я был свидетелем избиения арестованных. Мне известно, что арестованных избивали систематически и очень жестоко. Их били ремнями, скрученными в жгуты веревками и палками, на которые наматывали материю. При избиении над арестованными издевались. Арестованных ставили на несколько суток в угол. По нескольку суток заставляли стоять с тяжелым грузом, стоять до тех пор, пока арестованный, изнемогая, не падал. Для этих целей к арестованному привязывали стол, на стол укладывали различный груз, и арестованный должен был держать все это на себе. В таком положении арестованный должен был стоять до полного изнеможения. Нередко арестованных избивали до того, что они умирали. Организаторами всех этих издевательств были Богдан Кобулов, Константин Савицкий, Крымян, Хазан и другие. Если посмотреть тюремные медицинские журналы с 1949 по 1952 год, можно встретить ряд записей “жалоб” арестованных на фурункулы и опухоли. Под такими записями в подавляющем большинстве случаев скрывались факты избиений подследственных, когда им после побоев требовалась медицинская помощь. Иногда в журналах вообще не записывались диагнозы, но по фельдшерскому журналу расходования медикаментов можно легко определить, кто из арестованных в связи с побоями подвергался лечению.

О масштабах избиений арестованных только во внутренней тюрьме МВД свидетельствует полученный протокол осмотра амбулаторного журнала и журнала фельдшерских назначений за время с 1 января 1950 года по 7 октября 1951 года, – читал Хрущев. – Из протокола осмотра следует, что за этот период лечение арестованных после применения к ним мер физического воздействия производилось более чем в трехстах пятидесяти случаях».

Шепилов передернул плечами:

– Жуть берет!

– Поэтому и боремся с этой нечистью, – перебирая бумаги, заметил Никита Сергеевич. – «В ночь с 18 на 19 июня находился на допросе у Хазана гражданин Вашакидзе. После возвращения в камеру через несколько минут он умер. В медицинском акте по поводу смерти значится, что Вашакидзе умер от паралича сердца. В деле нет ни протоколов допросов, ни других материалов, подтверждающих обоснованность ареста, за исключением заготовленной в декабре за подписью Кобулова справки о том, что, будучи наркомом соцобеспечения Грузии, Вашакидзе оказывал материальную помощь и давал проездные документы лицам, которые были разоблачены как враги народа.

15 июня 1937 года был арестован Арутюнов Г.К. Никакими материалами, компрометирующими Арутюнова следствие не располагало, а арестовали его лишь с целью получения показаний на его непосредственное начальство. На следующий день после допроса Арутюнов умер. В медицинском заключении указано, что Арутюнов умер от менингита, там же указано, что Арутюнов во время болезни падал с лежанки, и поэтому на трупе отмечено несколько кровоподтеков. Следователь Хазан на допросе в ноябре 1953 года заявил, что Арутюнова не избивал, а вызвал для этой цели двух вахтеров комендатуры. Он не отрицал, что Арутюнов скончался от полученных повреждений в результате избиений его вахтерами. Следователь ссылаясь на указания своего непосредственного начальника Кобулова – допросить арестованного по-настоящему».

А вот что показал на допросе бывший врач внутренней тюрьмы:

«Особенно отличались в избиениях арестованных подчиненные Кобулова – Крымян, Савицкий и Хазан. Проходя по коридору, можно было часто слышать истошные крики заключенных, их душераздирающие вопли, стоны, рыдания. Всех до полусмерти избитых во внутренней тюрьме не держали, а сразу отправляли в городские тюрьмы, где они затем и умирали. Кобулов часто сам присутствовал на подобных «допросах», принимал участие в избиениях и пытках подследственных. По его приказу некоторых держали месяцами в наручниках, с руками, сведенными за спиной, так что даже есть им приходилось лежа, подползая к миске с едой, стоящей на полу. Часто Кобулов приходил и ногой вышибал эту миску, к которой с трудом добирался человек. Как показали свидетели, и признало большинство обвиняемых, массовые аресты граждан производились по сомнительным и непроверенным материалам, а следствие по их делам велось так называемым “упрощенным” методом. Смысл “упрощенного следствия” состоял в том, что для предания обвиняемого суду требовалось лишь его личное признание и наличие одного, а лучше двух агентурных донесений без какой-либо проверки и сбора доказательств. При этом к арестованным, отрицавшим вину, применялись жестокие пытки и истязания в целях получения “нужных” показаний. Кобулов часто повторял: “Кто не бьет арестованных, тот сам враг народа!” Избиение арестованных производилось с применением самых разных орудий: резиновых палок, металлических прутьев, шомполов, плеток, линеек, ремней, кроме того, подследственные подвергались мерам воздействия в виде длительного стояния на ногах с поднятыми вверх или разведенными в сторону руками. Некоторые следователи прибегали к пыткам в виде надавливания на обнаженные пальцы ног каблуками, или затягивания половых органов мужчин специально сделанной петлей».

Никита Сергеевич оглядел гостей.

– И мне Кобулов подобное прощение о помиловании прислал. Пишет, что невиновен, что поступал в соответствии с распоряжениями руководства. Сообщает, что 17 марта 1937 года от товарища Сталина в НКВД поступила директива, в которой говорилось об ужесточении методов дознания, активном применении к подсудимым мер физического воздействия. Это распоряжение было зачитано сотрудникам следственных органов, после чего пытки и избиения в НКВД начали применять с удвоенной силой, а тех, кто отказывался использовать физические методы, отстраняли от работы и самих привлекали к ответственности. После войны, в начале пятидесятых, это распоряжение снова вынули из-под сукна. Так! – перелистывал бумаги Хрущев. – Вот еще.

– Хватит! – попросил Микоян. Лишь Анастас Иванович в то страшное время имел смелость заступаться за обвиняемых. Его стараниями на волю выпустили не один десяток человек.

– Напоследок про Лаврентия зачту! – Никита Сергеевич поправил очки.

– «В приемной Берии, в письменном столе, в правой тумбочке, в нижнем ящике, хранились завернутые в газеты резиновые палки и другие предметы для избиений. Иногда Кобулов и Влодзимирский заводили в кабинет к Берии арестованного и уносили туда принадлежности для избиения. Через некоторое время оттуда были слышны вопли и крики. Окровавленных, полуживых людей часто выносили из кабинета сотрудники медчасти, так как сами идти они уже не могли». – Так «добросовестно» Кобулов выполнял свою работу, – заметил Никита Сергеевич. – Еще за это премии получал.

– Вещи арестованных часто делили, – вспомнил Микоян. – И не только вещи, но и квартиры со всею обстановкой забирали, и автомобили их присваивали.

– Прямо опричники, – отозвался Хрущев.

– И военачальникам досталось, посидели по тюрьмам, помудохали их там, невзирая на ордена и на звания. Мне Мерецков с Рокоссовским рассказывали, – заговорил маршал Жуков.

– Было, было! – виновато кивал Серов. Он как никто другой знал, что творилось в НКВД.

– А это, Коля, тебя касается! – прищурился Никита Сергеевич.

Премьер-министр сделал серьезное лицо.

– Установлены факты морального разложения обвиняемых. Как и Берия, они сожительствова-ли с подчиненными им сотрудниками аппарата Совета министров и МВД. Так, например, в аппарате МВД, а затем в секретариате Берии, в Совете министров СССР, работала сотрудница Леонова, двадцати четырех лет. Начальник секретариата Берии Мамулов вступил в сожительство с Леоновой; с нею же сожествовал и Берия.

Обвиняемый Людвиг сожествовал со своей секретаршей Несмеловой, с которой одновременно сожествовал и Берия. В то же время Берия сожествовал с женой обвиняемого Людвигова. Обвиняемый Шария работал в ЦК Коммунистической партии Грузии и использовал для интимных связей с женщинами свой служебный кабинет в здании Центрального Комитета.

Хрущев поднял на Булганина глаза.

– А для чего ты меня припел? – недовольно спросил тот.

– Не хочу, чтобы тебя, Коля, в газетах приложили, не выставляй свою похоть напоказ.

– Какую похоть, Никита? Я влюбчивый, а ты – похоть, похоть!

– Ладно, я тебя предупредил.

Жуков засмеялся:

– Товарищ Булганин у нас рыцарь, а не насильник.

– Рыцарь, правильно! – подтвердил Николай Александрович. – Чуть что, сразу на меня! Позабыл уже, что некоторые известные военачальники во время войны в каждом городе по семье заводили?

– Это дело прошлое, война была, Бог весть что творилось. А сейчас, дорогой, мы за нравственность!

- Опять завел свою шарманку!
- Кобулова и всех прочих, кого позабыли, надо казнить. Никакой им пощады! – высказался Микоян.
- Правильно! – поддержал Николай Александрович.
- Я вам, товарищи, вопрос доложил. Вы высказались, и я того же мнения. Пусть ответят за злодеяния, – подытожил Хрущев. – Мы делаем это, чтобы наши дети и внуки жили в справедливом обществе, с мерзостью подобной не сталкивались. Вот вырастет мой Никитка и скажет спасибо всем нам за то, что свободу человеческую отстояли, проказу выскребли. А вон и Леша Аджубей, – завидел зятя Хрущев. – Алексей Иванович! Идите к нам!

24 апреля, воскресенье

Пасха, вот и Пасха! Как этот праздник ждали! У церкви с вечера толпился народ, и не только старики со старухами. Попадались женщины лет тридцати, и мужчины встречались не старые. Кое-кто приводил с собой ребятишек. Лица собравшихся были благодушные, настроение приподнятое. Множество людей толкалось подле храма, только вот школьников в толпе не отыскивалось, молодежи строго-настрого подходить к церкви запрещалось, так как церковь в СССР отделена от государства.

Святили в этот день куличи, куличики, пасхи, яйца. По случаю торжественного богослужения храмы украшали, прихожане вышагивали нарядные, готовили на утро мясные деликатесы, всякие лакомства и обязательно красили куриные яйца. При их окрашивании получались преимущественно охристые цвета, самое простое дело – отварить яички с луковой шелухой, именно луковая шелуха золотисто-коричневатый цвет скорлупе придавала, главное, чтобы не треснуло яйцо в кипятке, тогда внутренность, то есть белок, становился неряшлив, неопрятен. Положив яйца в кипящий свекольный отвар, добивались розоватых оттенков. Некоторые рвали веточки тополя или использовали для цвета крапиву – в обоих случаях светло-желтый окрас держался, а ежели крепко-накрепко привязать к яичку листочки петрушки, то листики эти, после варки, украшали скорлупу затейливым орнаментом.

Пасха на Руси – самый радостный православный праздник, к тому же весенний. Выстраивалась от оградки с распахнутыми воротами и дальше, к самому входу в церковь, живая очередь. Ожидали, когда из дверей появится батюшка в праздничной рясе и, читая молитвы, начнет обходить ряды с разложенными вдоль дорожки продуктами и кропить святой водой. Во время священной процедуры верующие старались придвинуться ближе, чтобы на одежду или на тело попала драгоценная влага. Кое-кто жмурился:

- С ног до головы окатил меня батюшка!

Радовались, ведь благостно было получить в лицо брызги не простой, а святой водицы. Батюшка специально макал кропило глубже, болтал им, а потом принимался с должным старанием разбрызгивать святую воду на умиленных прихожан:

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Вечером начиналась служба – долгая, торжественная, сложно без привычки такую продолжительную службу отстоять. В вечерний час в храме не протолкнуться. Стояли плотно, пели, крестились, повторяя за священником слова молитвы и хор небесными голосами звенел под куполом! Щемило сердце от такого, точно ангельского песнопения, а от зажженных повсюду свечей становилось жарко и благостно пахло ладаном.

По церковным канонам предшествует празднику Пасхи великий пост, символизирующий покорность и очищение. Не просто было на таком строжайшем посту долгие сорок семь дней продержаться. В пост этот ни мясо, ни птицу, ни яиц, ни молока, ни творога, ничего из животного происхождения употреблять не позволялось. А про спиртное и думать забудь! Кушали исключительно растительную пищу – каши, сухарики, грибы, варенье, мед. К рыбе разреша-

лось всего два раза притронуться: на Благовещение и в Вербное воскресенье. Главное в посте – молитва и воздержание. Особо строги первая и последняя, страстная, недели, когда даже подсолнечное масло из рациона исключается. Зато, как прозвонят колокола, как восславят голоса Светлое Христово Воскресение, как окончится литургия с положенными службами – ешь, пей, празднуй! – снова все становилось дозволено.

В полночь выходили люди из храма и шли за священнослужителями – благочинными отцами, дьяконами и служками, несущими высоко поднятые иконы и хоругви вокруг церкви Крестным ходом. Шли с пением, защищая ладонями от ветров игравшие веселыми огоньками свечи.

– Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ! – в едином порыве звучали голоса.

– Христос воскрес! – обойдя круг, восклицал батюшка, и восторженная паства отзывалась:

– Воистину воскрес!

– Христос воскрес! – еще громче повторял монах, и люди снова громко и ясно повторяли:

– Воистину воскрес!

– Христос воскрес! – торжественно радовался священник, и опять со всех сторон доносилось:

– Воистину воскрес!

Вокруг начинали троекратно целоваться, обращаясь друг к другу со словами: «Христос воскрес!» и отвечая: «Воистину воскрес!»

Радостным мелодичным перезвоном звонили колокола, возвещая об освобождении человека от рабства грехопадения, от бремени совершенного, прославляя бессмертие Иисуса Христа, принявшего на себя расплату за человеческие прегрешения – прошлые, настоящие и будущие.

Обойдя храм Крестным ходом, люди вновь устремлялись внутрь – служба продолжалась. Лишь под утро, вторично облобызав друг друга, прихожане торопились разговестись – кто спешил в трапезную к батюшке, кто – домой.

– Что ж это происходит? – нервничал Никита Сергеевич. – В церковь так и прут! Что там, медом намазано?! Сегодня каждому школьнику ясно, что Бога нет, что это выдумки, а народу на улице – пруд пруди!

Хотя люди и говорили, что в Бога не верят, на словах отреклись от него, продолжали ходить в церковь, осеяли себя крестным знаменем, шептали идущие от сердца молитвы, в которых просили у Всевышнего милости, ставили свечи за здоровье близких и за упокой – тех, кого уже не было среди живых, втихую крестили новорожденных. Во избежание конфликта с коммунистической властью, чаще приходилось делать это тайком. Строго следила партийная организация за теми, кто тянется к Богу. Церковь не просто отделили от государства, а изгнали из общества, очернили, поставили в один ряд с самым плохим, отобрали у верующих тысячи храмов, отдав их под склады, сельские клубы, ремонтные мастерские для вечно ломающиеся, пропахших несмываемым машинным маслом грузовиков, тракторов и комбайнов. Храмы закрывали, заколачивали досками. Так и стояли они безлюдные, заброшенные. Но это в лучшем случае: многие церкви снесли, не оставив камня на камне. Поручили искусные иконостасы, содрали со стен все сколь-нибудь ценное, разорили алтари, ризницы, церковные библиотеки, а после и кирпичи разобрали – строительный материал всегда в хозяйстве пригодится. Несколько зим подряд топили в советских учреждениях объемистыми библейскими фолиантами и иконами печки. Как-никак, а горит церковный хлам здорово!

И комсомол, яростно доказывая, что Бога не существует, что все это выдумки хитрых попов, выводил по ночам ребят бросать в сторону церкви комки земли, палки, а лучше – постараться угодить булыжником или ледышкой в икону, вделанную в стену над входом в право-

славную обитель. И бросали, и попадали в заданную цель, и доказывали комсорги доверчивой молодежи, что Бог – выдумка, потому что никакое наказание за вопиющее кощунство никого не постигло, и кто хотел, мог в любое время прийти сюда снова, и уже самостоятельно метнуть через ограду камень, чтобы лишний раз убедиться в библейских рассказах. Но как ни старались партийные активисты, верующих оставалось много.

Возмущался Никита Сергеевич человеческой близорукости, отсталости:

– Мы плохо ведем разъяснительную работу! В церквях жиреют, а народ вкалывает! Все, что попы умеют, это зубы заговаривать. Навыдумывали с три короба и ходят, бабкам безграмотным небылицы рассказывают, народ обирают!

Но еще больше огорчало Никиту Сергеевича поведение его престарелой матушки – Ксении Ивановны, которая вот уже двадцать лет как жила с сыном под одной крышей. Как молилась она совершенно открыто, никого не стесняясь, так и продолжала молиться, и еще на все собственное мнение имела. Сидя на лавочке перед домом, высказывала вслух всякие несуразные мысли таким же чудным недалеким старушкам, что ежедневно просиживали у парадного, а те разносили слова хрущевской мамы дальше. А кто знает, как эти наивные рассуждения малограмотной женщины могли истолковать чекисты? В тридцатые годы строго было. Очень нервничал Никита Сергеевич по этому поводу. Когда из «Дома Правительства», с набережной Серафимовича, переехали на улицу Грановского, стало легче, к престарелой бабуле на лавочку выходила лишь немощная мамаша маршала Судец. Однако Ксения Ивановна могла вступить разговор с кем угодно, хоть с дворником, хоть с консьержкой, круглосуточно находящейся в подъезде, хоть с водопроводчиком, да и просто могла заговорить со случайным человеком, идущим в гости или по делу, и говорить с незнакомцем о чем угодно. Повезло тогда, что не прислушались органы к хрущевской мамаше, не донесли ее нелепые рассуждения до товарища Сталина. Ворчал Никита Сергеевич на мать, но больше про себя, не мог на родительницу голос повысить, тем более что первым делом просила Ксения Ивановна у Господа для сына Никиты защиты. И сейчас Ксения Ивановна расставила в уголке своей комнаты иконы, и ни при каких обстоятельствах не желала их убирать. А еще каждый день подливала в лампадку масло, зажигала перед Николаем Угодником и Божьей Матерью Одигитрией огонек и послушно молилась, нестройно выговаривая звонким, хотя и старческим голосом:

– Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас! Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков! Аминь. Отче наш, иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого! – или еще что-то подобное, сердцу понятное, много раз повторяла.

Правильно Нина Петровна приставила к ней сухую как жердь немногословную уборщицу, которая держала рот на замке, а то как же – мама Первого Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии – верующая! Что скажут товарищи по Президиуму ЦК? Хотя ничего в этом предосудительного не было, многие пожилые люди оставались верующими, по-советски – неосознательными, продолжали посещать храмы, им это не воспрещалось. На пожилых людей косо за такие прегрешения не смотрели, а вот всех, кто помоложе, брали на заметку:

– Кто такие? Почему здесь?

По церковным праздникам у храмов выставлялись отряды добровольной народной дружины, а на Пасху так настоящее милицейское оцепление появлялось. Молодежи не то что ходить – смотреть в сторону церкви было опасно.

– Мам, ты бы хоть свечки не жгла, дом спалишь, а он казенный! – не смог сдержаться Никита Сергеевич.

– Ты лучше за своей Нинкой следи, я твой дом не сожгу! – отвечала мать и осеняла сына крестным знаменем.

– Не мой дом, мама, государственный! – уточнял Хрущев.

– Уйди, Фома неверующий! – хмурилась Ксения Ивановна.

Никита Сергеевич никогда с матерью не спорил, не перечил, уважение к родителям хранил с детства, хотя по натуре был человеком взрывным, вспыльчивым. Даже тогда, когда речь заходила о его супруге Нине Петровне, молча уходил, а речь о ней велась матерью постоянно. Лишь однажды он ответил:

– Мы как-нибудь без тебя разберемся!

– Да уж разберетесь, разберетесь! – охала мамаша. Не любила она властную Нину Петровну, хотя внуков, рожденных ею, обожала.

Облюбовав бревенчатый домик за садом, в стороне от Огаревского дворца, бабушка Ксения все прилежней читала молитвы, отбивала поклоны и просила Бога отвести напасти и болезни, заступиться за непутевого сына, за его непутевую жену, за их замечательных деток, и конечно за дочку, рожденную от первого брака, от милой Ефросиньи – за Леночку, которая не поехала в Москву, а так и жила в Киеве. Русоволосую Ефросинью Писареву Ксения Ивановна не забывала, поминала за душевность, безотказность, бесхитрость.

– Рано ее Бог забрал, но Ему с небес виднее! – вздыхала старушечка, а Нинку – ту терпеть не могла.

– Вон, жаба зеленая идет! – завидев невестку, шептали губы.

Внучата Сергей, Рада, Ириша и маленький Илюша регулярно заглядывали к бабуле, приносили пироги, пряники, баранки, конфеты. Подолгу сидели, гладили бабушкины ладони, им, естественно, она про маму плохого слова не говорила, но сама наверняка знала, что Никита Сергеевич с выбором жены не угадал.

26 мая, четверг

Булганин и Хрущев вернулись из Югославии. Иосип Броз Тито слышать не хотел о советской делегации, не желал принимать. Каким-то чудом растопили в нем лед. Безусловно, Хрущева заслуга. За два дня в Белграде со многими доверенными людьми югославского маршала Никита Сергеевич и Николай Александрович общались. Искренне, без прикрас говорили о Сталине, честно признались в перегибах, сказали о его лютой, не знающей границ мстительности. Сказанное передали президенту Югославии практически слово в слово и еще очень эмоционально, с хорошей стороны охарактеризовали Никиту Сергеевича. На Тито все в совокупности произвело впечатление, и он дал согласие на встречу.

Не разочаровал югослава Хрущев, и Булганин положительное впечатление произвел: интеллигентный, открытый человек, новый председатель Советского правительства. Конечно, президент наслышан был о его нескончаемых любовных историях, но это, как ни парадоксально, тоже на пользу сработало. Встреча состоялось на острове Брион, где в королевской роскоши проживал югославский маршал. Многие вопросы в разговоре затронули. Нельзя сказать, что сверхобстоятельно проблемы обсудили или о чем-то особенном договорились, нет, но то, что конфронтация двух стран окончилась, было понятно. На прощальном банкете маршал Тито по-доброму улыбался, похлопывал Хрущева по плечу, произнес тост за товарища Булганина, сам не одну рюмку выпил, а такое с маршалом случалось редко. Условились, что в ближайшее время государства обменяются послами, восстановят дипломатические отношения.

Докладывая на Пленуме Центрального Комитета о результатах поездки, Первый Секретарь сиял:

– На Балканах у нас снова надежный союзник!

В более узком кругу Никита Сергеевич поведал, как вместе с Тито ходили на охоту бить оленя, как доверительно говорили о перспективах советско-югославских отношений. Повторил, что президент высказывал в отношении политики Соединенных Штатов, ему так же не

нравилось нарастающее влияние американцев в Европе. Тито остался доволен ликвидацией Берии, который по поручению Сталина неоднократно готовил на него покушения, два раза с удовольствием прослушал историю об аресте Лаврентия, похвалил за начало масштабной реабилитации невинно осужденных, интересовался ближайшими планами Булганина и Хрущева, сказал, что и он в первую очередь озабочен положением народа, что хочет сделать так, чтобы простой человек стал жить лучше, заявил, что государство призвано служить гражданину.

– А олени у него на острове исключительные! – восторгался Никита Сергеевич. – Просто царская там охота! Нам бы подобное охотхозяйство не помешало, с редкими зверями, с богатыми покоем. Стали бы звать к себе разных деятелей поохотиться. Сидя в костюмах не всегда разговор клеится. А в лесу походили, постреляли, пообедали, по рюмочке выпили, снова постреляли, глядишь и сложилось!

7 июня, вторник

Вчера члены Президиума Центрального Комитета посетили Китайское Посольство. Там был дан прием по случаю приезда китайской делегации. В рамках подписанного в 1950 году «Договора о дружбе и сотрудничестве», между странами шел многосторонний обмен. Восемь раз в неделю из Москвы в Пекин отправлялся железнодорожный экспресс. Каждый месяц из Китая в СССР привозили художественные коллективы, которые гастролировали по Советскому Союзу. Танцуя, распевая песни, показывая невероятные акробатические номера, китайские артисты радовали советских людей. В ответ наши артисты ехали в Китай. Особым успехом пользовались выступления ансамбля «Березка», танцевального коллектива под управлением Игоря Моисеева, Кубанского казачьего хора. За шесть лет в СССР показали 86 фильмов китайских кинематографистов. Советский Союз привез в Китай более двухсот кинокартин. На учебу в СССР ежегодно приезжало несколько тысяч китайских студентов. Только московские вузы в этом году ожидали принять более полутора тысяч человек. Существовал обширный обмен учеными, врачами, активно развивалась торговля. Такой масштабный договор ставил СССР и Китай особняком, казалось, что две самые близкие по духу страны скоро будут неразделимы. В Китае день подписания Договора отмечался как государственный праздник. Вот и вчера на приеме не раз говорилось об историческом значении советско-китайского Договора о дружбе и сотрудничестве. От китайской стороны с речью выступил заместитель Председателя Государственного Совета товарищ Чжоу Энлай, от Советского Союза говорил Хрущев. Выпили, закусили, но раскрепощенности, которая царила на аналогичных приемах в посольствах Индии или у египтян, не получилось. Китай все круче поворачивал в сторону, отношения двух стран уже не казались безоблачными. Дружба с Китаем – как зеркало: вроде смотришь – нерушимая дружба, а протянул руку – оптический обман.

Больше трех часов товарищи Булганин, Хрущев, Молотов, Микоян и Жуков пробыли у китайцев. За Мао Цзэдуна бесконечно провозглашали тосты. Не обошлось и без торжественных слов в адрес советского руководства. Отдельно почтили память Иосифа Виссарионовича Сталина. На центральном месте в огромном холле посольства висела неимоверных размеров картина, запечатлевшая двух величайших гениев: учителя Сталина и преданного ученика Мао Цзэдуна. Напоследок гостей провели по внутренней территории, где поражали красотой клумбы с многочисленными цветущими растениями, отдельно были высажены пионы, любимые цветы председателя Мао. При посещении китайского посольства у Никиты Сергеевича родилась идея показать родным сталинский дом.

– Когда еще они «ближнюю» увидят, может, и никогда? – поделился он идеей с Микояном.

– Ну и мысли тебе в голову лезут! – удивился Анастас Иванович, но потом и сам изъявил желание ехать.

Никита Сергеевич не стал тянуть, тем же вечером объявил о намерении прокатиться в Волынское. Сергей тотчас согласился. Никита Сергеевич позвонил Раде, позвал и ее с мужем. Поразительно, что и Нина Петровна решила поехать, а вот Ашхен Лазаревна наотрез отказалась и детей не пустила. В 1950 году сын Микояна женился на дочери Секретаря ЦК Алексея Александровича Кузнецова, которого за день до свадьбы арестовали по «ленинградскому делу». Однако свадьба из-за этого печального события не расстроилась, хотя никакого празднования не получилось, выпили по рюмке, и разошлись – какой уж тут праздник, если отец невесты брошен за решетку и обвинен в государственной измене?

С тех пор Микояны, особенно Ашхен Лазаревна, очень настороженно относились ко всему, что было связано со Сталиным, и вообще старалась о вожде не вспоминать, ведь папа Нади вместе с остальными обвиняемыми был расстрелян. С утра вереница машин двинулась в направлении сталинской дачи. «ЗИС» Хрущева, как обычно, шел в сопровождении двух «ЗИМов», микояновский лимузин прикрывал всего один автомобиль охраны, а блестящая черным лаком «Победа» Алексея Аджубея, стараясь не отстать, замыкала колонну. День выдался теплый, солнечный, лишь на горизонте маячило небольшое облачко. Предусмотрительный комендант Кремля (ведь к его ведомству относилась сталинская дача) встречал посетителей у ворот.

На «ближней» так и не получилось сделать музей, как-то сама собой исчезла эта идея, и покинутый сталинский дом застыл среди темного леса, словно заколдованный, напоминая историю про принцессу, уколوشуюся веретеном, – жизнь в Волынском, как в сказке, остановилась. Не ходили по окрестностям хмурые автоматчики, не было вокруг свирепо гавкающих сторожевых собак, не стояли, глухо бубня моторами, громады тяжелых танков, увезли пушки, пулеметы, куда-то подевались бдительные глаза охранников. Дом казался заброшенным, навек забытым, лишь одинокий дворник, даже сейчас, знойным летом, расхаживающий в шапке-ушанке, как привидение, мел дорогу, по которой не ездила ни одна машина. Нарушая это бесконечное одиночество, автомобили «гаража особого назначения» один за другим подрулили к парадному.

Никита Сергеевич дождался Микояна и зятя с дочерью, которые подъехали следом, и, пропустив вперед Нину Петровну, принялся показывать сталинские владения.

– Смотрите и запоминайте. Может, снесут этот дом, кто знает? – Хрущев по-хозяйски вышагивал по дорожкам, обходя здание. Анастас Иванович был задумчив и держался поодаль.

– Вы на меня внимания не обращайте, – проговорил он и двинулся в противоположную сторону, хотел, видно, побыть один.

Никита Сергеевич сначала повел группу на пруд, но воды в пруду не оказалось – на зиму искусственный водоем с беседкой на южной стороне спускали, а с 1954 года уже не наполняли. Омываясь косыми дождями, весенним паводком и летними грозами, огромная чаша к середине июля безнадежно пересыхала, бетонное дно ее казалось грязным, замусоренным, в некоторых местах, там, где гнили прошлогодние листья, буйно подымалась трава, из трещин настойчиво рвались ввысь молодые побеги. Выше всех устремилась к небу тоненькая осинка. Обойдя место, где некогда сверкал живописный пруд, сразу за беседкой повернули налево и оказались у оранжереи. Здесь тоже царил запустень: и снаружи, и внутри – неумолимое буйство диких растений.

– Раньше тут был идеальный порядок, – цокал языком Хрущев.

– Власик службу задергал, – припомнив сварливого начальника сталинской охраны, вступил в разговор Анастас Иванович. Обойдя дом, он присоединился к компании.

– А сколько диковинных цветов росло? А плодовых деревьев сколько? Даже абрикосы вызревали. Из абрикоса у Валечки отличное варенье получалось. А груша какая!

– Точно, точно! – подтверждал Микоян.

– Цветов тут, Нина, была гибель! – не унимался Никита Сергеевич. – Когда у Сталина случалось хорошее настроение, он шел в оранжерею и бутоны нюхал. Иногда цветами одаривал. Соберет букетик и вдруг – «на»! Три раза мне букет доставался. А тебе, Анастас, сколько?

– Пять.

– Везучий! Это сейчас вспоминать просто, а раньше букетик милостью считался, выражением особого расположения, – определил Первый Секретарь.

– Ты сам не свой от радости возвращался, – подтвердила Нина Петровна. – Мы один такой букетик засушили. Он где-то до сих пор хранится.

– Теперь можно выбросить! – отмахнулся Никита Сергеевич.

– Нет, Никита, пусть лежит!

– Ну, пусть, пусть.

Дорожки, по которым ходили, были запущены, ветки лезли в лицо, цеплялись за одежду. Лишь дворник как неустанный маятник ходил по двору, замечая все подчистую, и если бы не он, сталинский дом, лишившись подступов, врос в землю – столько листвы, сучков, веточек, стебельков, соринки, перышек, чего угодно, падало вниз; так бы и пропал этот дом на веки вечные!

Входные двери отворились. Прихожая выглядела точно как в ту роковую ночь, ничто здесь не поменялось. Оказавшись в сталинских покоях, человек словно попадал в прошлое – те же вещи, те же запахи, то же настороженное настроение. Все осталось как при нем, при Хозяине. Сергей, Рада, Алексей Иванович и Нина Петровна послушно шли за отцом. Дом правителя наполняла предельно скромная обстановка, точно такая, как и в других местах его обитания. Мебельная фабрика «Люкс» Хозяйственного управления Совета министров скрупулезно тиражировала незатейливые гарнитуры из красного дерева, дуба и светлой карельской березы. В Бухаре ткали привычные красные ковры, в спеццехе на заводе Ильича собирали громоздкие, скудно наделенные хрусталем люстры, на стены клеили однотонные бесхитростные обои. Паркет на полу отличался добротностью и незамысловатостью рисунка. Все делалось скупое, без излишеств, чтобы не раздражать вождя, не отвлекать от непростых государственных дум. Территорию ограждал выкрашенный зеленой краской деревянный забор, парковые дорожки были присыпаны измельченным красноватым гравием.

Архитектура сталинских резиденций была на удивление однообразной, что на Валдае, что в Гаграх, что здесь, под Москвой. А может, однообразие подразумевало величие, создавало впечатление, что невозможно от товарища Сталина ускользнуть – ни времени, ни человеку? Никому не получится перенестись в другое измерение, что-то переменить, переиначить, – на любом конце света будет поджидать тебя родной вождь, его несокрушимые, прозорливые мысли, привычная аскетическая обстановка.

Генералиссимус селился в красивейших местах, занимая чудесные дворцы и замки, но вдруг отдавал распоряжение строить по соседству дом и собственноручно делал набросок, определяя каким ему быть. Чтобы довести детали до совершенства, улучшить функциональность, придать величие формам, к проектированию привлекались самые значительные корифеи, они предлагали многочисленные эскизы, делали скрупулезные проработки тех или иных архитектурных решений, но неизбежно все сводилось к односложному сталинскому варианту и строилось будто бы под копирку. Таким стал и Мао Цзэдун, допускавший разнообразие исключительно в диковинных цветах и женщинах. Великий Сталин и великий Мао, точно как на картине в Посольстве Китая, были близнецы-братья.

– Засыпал он здесь, на диване, – показал Никита Сергеевич.

– А тут, – комендант Кремля распахнул тайную дверцу, в точности повторяющую дубовую стеновую панель, – у товарища Сталина был гардероб.

Хрущев с интересом уставился в проем потайной двери:

– Заглянуть можно?

– Разумеется.

– Недурно, – осмотрев гардеробную, произнес Никита Сергеевич.

В спрятанном от посторонних глаз помещении, кроме пустых полок и множества вешалок, ничего не оказалось.

– Одежду забрали в Музей революции, – уточнил комендант Кремля.

– Каганович вопил: «У Сталина одна теплая шинель, одни зимние ботинки!» – усмехнулся Хрущев. – Все думали, что Иосиф не выносит мелкобуржуазного многообразия. Так, Анастас?

– Он больше на публику работал, специально в одном и том же появлялся.

– Тактик! Однажды про ботинки мне рассказывал. Ботинки, говорит, это часть меня. Старая обувь на ноге сидит как влитая, а с новой – всегда неразбериха: то велики ботинки, то жмут или одеваются трудно. Мол, люблю в стареньких ходить, других и не надо!

Когда ботинки вождя снашивались, с них снимали мерку и шили новые, при этом нужно было сохранить абсолютное сходство. Главное, чтобы новизна в глаза не бросалась. Пошьют, потом разнашивают. Иосиф Виссарионович имел в штате специального человека, примерно с такими же по размеру ногами. Как свое полезное дело этот уважаемый человек сделает, то есть походит денек-другой в новых ботинках, и, стало быть, разносит, выставляют пару в прихожей, рядом со старыми башмаками. Бывало, товарищ Сталин на новую пару никакого внимания не обратит, что-то в ней, значит, не то. Тогда ее прятали и делали обувь заново. Следующую пару сошьют, ноги эталонные в ней потопчутся, и опять у вешалки ставят.

«Надел товарищ Сталин!» – с радостью докладывают.

А если пришлось обувь в пору, значит, ходит в ней товарищ Сталин, не снимая. Через месяц старые туфли из прихожей убрали, ведь понятно, что Иосиф Виссарионович от них отказался, но ни в коем случае не выбрасывали, а начистив и набив упругой замшей, относили в специально отведенное место. С костюмами и пальто была та же история. Одежду шили на человека с фигурой, точно повторяющей сталинскую. Нашел его сам вождь. Вышло это так. Однажды проводил Каганович совещание в своем кремлевском кабинете. Лазарь Моисеевич возглавлял тогда Министерство промышленности строительных материалов. На это совещание неожиданно Сталин пришел, присел с краю и слушает. Каганович разошелся, никому спуска не дает, каждому вопрос, почти всех подчиненных с места поднял, покрикивает, а напоследок к одному заведующему отделом с вопросом обратился. Тот оробел, застыл как столб, ни бэ, ни мэ! Тут товарищ Сталин строго: «Раздевайся!» Завотделом: «Что?» – «Раздевайся, говорю!» Завотделом снял пиджак, рубашку, руки трясутся, не слушаются, а Сталин ему: «И штаны снимай!» И брюки снял. Иосиф Виссарионович забрал одежду и в соседнюю комнату удалился. В зале тишина, ждут, что дальше будет. Каганович сидит красный, не знает что думать, а мужик этот, начальник отдела, голый посреди зала торчит. Минут через пятнадцать Сталин возвратился, протянул одежду: «Одевай! Будешь вместо меня на примерки ездить. Мой размер у него, Лазарь, один в один, мой!» Лазарь Моисеевич расплылся в благодушной улыбке. Бывало, ведет Каганович коллегия министерства и тут правительственный телефон звонит. Лазарь Моисеевич трубку поднимает, а потом командует: «Манекен, на примерку!»

Так шили Сталину одежду, и немало шили, и летние вещи, и зимние, и демисезонные. Иосиф Виссарионович нет-нет, а что-нибудь новенькое возжелает. Вот Мао Цзэдун, тот не щеголял нарядами. Три халата для дома и два защитных френча полувоенного образца, на все времена, одно пальто и одна шинель. Вещи, как ни крути, приходили в негодность, портились, тогда отдавали их в починку. «Я не такой богатый, чтобы каждый раз покупать новую одежду!» – назидательно повторял Председатель. Одежду отправляли в одну из китайских провинций, где трудились самые искусные рукодельницы. Портнихи так виртуозно штопали дырочку за дырочкой, разыскивали еле уловимые потери на ткани, потертости, шероховатости, так заботливо, узорчато исправляли прорехи на платье, что поношенная вещь превращалась в

произведение искусства. Они не просто шили, они накладывали невообразимые по орнаменту аппликации, неброские, еле различимые, так как Председатель Мао, следуя примеру товарища Сталина, был человеком предельно скромным. Но стоило внимательней присмотреться к его одежде – от восторга невозможно было глаз оторвать!

Осмотр сталинской дачи занял полтора часа, после все поехали к Анастасу Ивановичу, где Ашхен Лазаревна угощала долмой, азербайджанским пловом, и, конечно же, съели кю-кю, совершенно простое блюдо из всевозможных трав, обжаренных с добавлением куриного яйца.

– Под такую закуску, Анастас, выпить полагается! – взглянув на аппетитную долму, подметил Никита Сергеевич.

Анастас Иванович выставил на стол тутовую настойку. Сергей не пил, а вот Алексей Иванович Аджубей, подсев ближе к тестю, поддержал компанию.

– Вот осмотрели мы Волынское, пропадает дом! – заговорил Хрущев. – Музея, ясно, там не будет, а если дом лет семь-восемь простоит – никакой ремонт его не спасет, развалится. В домах жить надо, нет жизни – дому конец.

– Что придумал? – заинтересовался Микоян.

– Пускай в Волынском наши помощники сидят, доклады пишут.

Докладов у Хрущева становилось больше и больше. Над их созданием корпел не один десяток эрудированных людей. С учетом особенностей его фразеологии, они готовили всевозможные выступления. Чтобы работа шла сосредоточенно, помощников размещали за городом, хотя было это неудобно, терялась оперативность: захочет Первый Секретарь по тексту переговорить, а ехать в Москву из Семеновского часа два с половиной.

– В Волынском помощники будут под боком. Кухня есть, накормят, и отдохнуть можно – целых пять спален в доме. Уж тише места на всем земном шаре не сыщешь!

– Пускай работают, – согласился Микоян.

– Ну, где твоя тутовая? Давай помянем ирода, что ли?

11 июня, суббота

Чаяк был жиденький, но все же чаяк. В этот раз Надя принесла сахарка, бубликов и меда и устроила настоящее чаепитие! Только уселись за стол – отец Василий пришел, принес вареных яичек и хлеба, его попадья замечательно хлеб пекла.

– Кушай, Марфуша, кушай! – приговаривал отец Василий. – Спина моя, Господи! – хватаясь за поясницу, причитал священник. – Так болит, так болит! Сил нет! Сорвал я спину в отрочестве.

– Не спина это болит, душа твоя кается! – разъяснила Марфа.

– Я уже и раскаялся во всем! – искренне признался батюшка.

– Боль, милый, за грехи поминание. С болью пронзительной человек в жизни лучше будет – так Господь рассудил. Терпи!

– Эх! – протянул поп. – Твоя, правда, матушка, грешны! – и потянулся целовать ее маленькую мягкую ладошку.

Надя допила чай и спросила:

– Скажи, матушка, как такое бывает, придем в церковь на службу, молимся, поклоны бьем, а ребеночек несмышленный сидит на лавочке один-одинешенек, не капризничает, на улицу не просится, и разговаривает с кем-то, что-то лопочет, а вокруг – ни души?

– С ангелами говорит! У деток души чистые, вот они с небесами и общаются, а мы... мы-то уже и не слышим ничего, уже глухие. И уши глухие, и сердца! Молись прилежней, милая, молись без хитрости, и Господь спасет!

27 июня, понедельник

– Допрыгались?! – зло проговорил Хрущев, глядя на первого комсомольца Александра Шелепина и его юркого зама Володю Семичастного.

Сборная Советского Союза по баскетболу проиграла финал чемпионата Европы. До этого, на всех международных соревнованиях советские баскетболисты получали исключительно золото.

– Комитет по физической культуре подвел, – вымолвил Семичастный.

– Кто, кто?! – уставился на него Никита Сергеевич.

– Комитет по спорту! – повторил Семичастный. На Украине при Хрущеве Володя Семичастный возглавлял республиканский комсомол, с приходом в Москву Никита Сергеевич перетаскивал его за собой, симпатичен был ему парень.

– А комсомол прохлаждался! В команде, небось, одни комсомольцы прыгают?! – расплялся руководитель партии.

– Не доработали, исправимся, – потупился Шелепин. Он был и член коллегии Госкомитета по физкультуре и спорту. – Наш провал, Никита Сергеевич!

Первый Секретарь сидел чернее тучи.

– Несознательный вы народ, только паясничать умеете! На носу Олимпийские игры, а у нас не спортсмены, а размазня! Кто будет честь страны защищать?! – сверкал глазами Первый Секретарь. – И Олимпиаду провалите! Партия для спорта все условия создает, а вы контролировать не можете, на что ж вы годитесь?!

– Приложим все силы! – жалостно выговорил Семичастный.

– Приложим! Горе-комсомольцы! Стоите, как две оглобли! – Никита Сергеевич раскраснелся. – Спорт – это гордость страны! Советские спортсмены должны демонстрировать миру только успехи, комсомолу в этом деле отводится решающая роль! Нет более отважных, более честных людей, чем советские юноши и девушки! А если нет у молодежи успехов, кто виноват? Шелепин с Семичастным виноваты! – Хрущев неприятно грозил пальцем. Он вышел из-за стола и встал перед комсомольцами.

– Приходите на заседания Президиума ЦК, слушайте, что говорят, набирайтесь опыта, я не возражаю. Учитесь руководить, политические события осмысливать.

– Спасибо за доверие, – пролепетал Семичастный.

Никита Сергеевич вернулся за свой стол и жестом показал, что им позволено сесть.

– Поляки в августе фестиваль молодежи проводят, знаете?

– Да, в Варшаве.

Хрущев уставился на комсомольских вожakov.

– Что, если в Москве подобный форум провести? Невиданный по размаху. Не фестиваль, а триумф молодежи! Такой праздник заткнуть, чтоб люди всю жизнь помнили. Нараспашку души раскроем, объединим в России весь мир: и Африку, и Азию, и Европу с Америкой! Петь будем, плясать, радоваться дружбе! Каждому докажем, что Москва против войны, против насилия. Эх, развернемся! Как думаете, осилим такое?

– Осилим!

– Мы должны всему свету продемонстрировать искренность Советского Союза, чтобы никто не сомневался, что коммунисты никакие не агрессоры.

Комсомольцы понимающе кивали.

– Московский фестиваль молодежи должен стать событием мирового масштаба. Хорошо бы к этому времени успеть стадион в Лужниках открыть.

– Если летом 1957 года фестиваль проводить, основательно подготовимся, – пообещал Шелепин.

- Солидно будет! – поддакнул Семичастный.
- Хорошее ты слово, Володя, применил – солидно! Емкое. Смотри не опростовололся! Тут простой баскетбол не смогли удержать, а уже на рекорды замахиваетесь!
- Мы на Олимпиаде докажем!
- Посмотрим. Идите, думайте!

28 июня, вторник

Гулять в лесу – одно удовольствие! Нога ступает мягко, по щиколотку проваливаясь в травы и мхи, лишь изредка под неловким движением треснет сломанный сучок. Смотри, не упали, земля влажная, скользкая!

Ничто так не восстанавливает силы, как прогулка по лесу. Вышагивая между высоченными стволами, разросшимися кустарниками, папоротниками, раздвигая непокорные ветки, устремляешься дальше, пробираешься, словно первопроходец по джунглям, в самую непролазную глушь. Сначала тропинка ведет среди высоких трав, кустов, потом деревья обступают теснее, лес становится темным, глухим, травы мельчают, тропка делается невидимой, путается меж кривыми корнями, выползшими точно змеи из подземелья на поверхность, теряется у истлевших стволов деревьев, давно упавших, покрытых скупыми лишайниками, но ты настойчиво пробираешься вперед, весь в паутине, в кусочках коры, в пыльце неведомых цветов, проникая в самые дебри!

Пролазав чашу, возвращаешься на еле различимую дорожку и торопишься обратно. Возле трухлявых пней попадают грибы и ягоды, правда, для благородных грибов время не подошло. Кое-где торчат бледные поганки на тоненьких ножках или ярко-красные осанистые мухоморы. А бывает, встретишь белесо-коричневый, вытянуто-округлый, точно лампочка гриб, с морщинистой кожурой. Проткнешь этакий гриб прутиком, а из него дым идет! Не знаю, что это за гриб такой удивительный, но всякий его в подмосковном лесу встречал. Изредка наткнешься на мясистую, наверняка червивую сыроежку, а из сыроежек, даже если насобирать с полведра, толкового супа не сварить. Когда выныриваешь из лесной тени на залитую ярким светом полянку, невольно жмуришься. Лес в любое время года хорош. Выйдешь на прогулку – и вся накипь с сердца долой! Ходишь по лесу, очищаешься, здоровеешь, и мысли дурные где-то далеко остаются.

- Никита Сергеевич! – послышался голос. – Ау!
- Ау! – недовольно отозвался Хрущев, ругнувшись про себя: «Кого черт несет?!»
- Это я, Серов! – прокричал Иван Александрович, выглядывая из-за куста бузины. – Ну и забрались вы в чашу, ей-богу!
- Тебе чего?
- Пришел по старту ракеты доложить.
- Председатель КГБ наконец добрался до Первого Секретаря.
- Запустили, Никита Сергеевич, без сбоя пошла! – во весь рот улыбался генерал. – С восьмого-то раза!
- Неполадки устранили, Королев прямо расцвел.
- Хрущев внимательно посмотрел на генерала.
- Не угодила в болото?
- Ни в коем случае. Теперь будем летать!
- Когда повторный запуск?
- Через две недели.
- Вот через две недели посмотрим, радоваться или нет.
- Хрущев отмахнулся от назойливого комара. Шляпа его была сплошь в паутине.

– Здорово вы вымазались, – помогая стряхнуть со спины хрущевской куртки налипшую дрянь, проговорил Иван Александрович.

– Отзынь! – Первый Секретарь резко развернулся к генералу. – Главное, Ваня, дальность. Нам Америку за хвост ухватить надо. Ну, что стоишь? Иди теперь со мной, гуляй!

– Пойдемте.

– Королеву передай привет. А Челомей что?

– Трудится.

– Значит, полетела! – Никита Сергеевич потряс длинной палкой.

Серов следовал по пятам.

– Как тебе Шелепин? – спросил Никита Сергеевич, отшвыривая палку, которая при очередном нажиме подломилась.

– Прыткий, по-моему.

– Не будешь прытким, все проспоришь. Не нравится тебе, значит?

– Ни он не нравится, ни ваш Семичастный.

– Комсомол! – проговорил Никита Сергеевич, – им после идти. Пока мы в своем уме, надо на смену лучших подобрать.

– Не уверен с лучшими! – буркнул Серов.

– На целине, Ваня, какое дело развернули! Гудит целина! А кто там впереди? Комсомол!

– Это вы, Никита Сергеевич, дело развернули. К Брежневу я лучше отношусь, а эти двое – молодозелено!

– Ладно, идем гулять, воздухом дышать, может, грибы хорошие попадутся. Я вчера лисичек набрал.

5 июля, вторник

Леся примеряла платье, привезенное отцом из Парижа. К платью прилагались и туфельки, которые на этот раз оказались совершенно впору, а то из бельгийской командировки ни одна пара обуви не подошла. А еще Павел Павлович подарил дочери магнитофон. Прелюбопытнейшая вещь! Леся прекрасно пела, теперь она сможет записывать и себя, и папочку, который совсем не умел петь, а лишь заунывно перечитывал свои доклады перед выступлениями. Папуле тоже магнитофон пригодится. И конечно, можно будет подучиться с друзьями, записав всякую белиберду. Одно плохо, что был он крайне велик и тяжел!

Сергей обещал появиться вечером. Надев новое красное платье, красные на высоком каблуке туфли, накинув на смуглые плечи воздушную полупрозрачную и тоже ярко-красную косынку, Леся задумала Сережу поразить. Жаль, что в такой великолепии нельзя показаться противной Ладке Кругловой! В этом году Круглова оставила институт – они с мужем уехали работать в Гаагу. Боль по несостоявшейся любви с Александром Прохиным у Лели окончательно прошла, она была рада, что все сложилось именно так: во-первых, разобралась в лучшей подруге, поняла, что у женщин преданных подруг не бывает; во-вторых, разочаровалась в Александре, убедилась, что он ветреный, пустой. Пусть наставляет рога смазливой Ладке! И потому еще удачно сложилось, что Сережа Хрущев ей все больше нравился. Он был не красавчик, но разве это в мужчине главное? Зато умный, искренний и добрый! Когда он прикасался к ней, то чуть не вздрагивал, без конца повторяя: «Моя ненаглядная! Мое сердечко!» С таким человеком и под венец не страшно, к тому же авторитет и положение его отца, Никиты Сергеевича, стремительно росли, и как был убежден Лелин папа, Хрущев становился центральной фигурой государства. Девушке было приятно, что она встречается с сыном первого человека в Советском Союзе.

Леся подвела помадой губки, подушилась и, напевая, стала любоваться своим неотразимым видом.

6 июля, среда

В невыносимо жаркие дни московского пыльного лета хорошо было оказаться на Черном море. Никита Сергеевич полной грудью вдыхал бодрящий морской бриз, завороженно глядя на синюю даль, всегда разного, гипнотизирующего человека безбрежного морского пространства. Откуда эта неудержимая тяга к воде, к морской стихии, может, и верно предполагают ученые, что жизнь вышла из океана?

Регулярно в шесть тридцать утра Первый Секретарь спускался к воде, опускал свое грузное тело в соленые волны и до завтрака плавал. Чудесное место Ореанда! Недаром облюбовали его русские цари, но при Советской власти Южный берег доступен каждому – бери профсоюзную путевку и приезжай.

Хрущевская дача стояла почти на берегу, бывший царский дворец располагался выше. В прошлом году во дворце сделали сердечный санаторий. Круглый год санаторий принимал отдыхающих. И знойным летом, и бесснежной зимой, в бархатную осень, и в мартовские туманы, приезжали сюда обыкновенные люди со всей страны.

Чтобы создать полноценные условия прибывающим на лечение, не обошлось во дворце без перепланировок. Фанерными перегородками разгородили громадные апартаменты, разделив их на множество комнат, повсюду втиснули кровати, шкафы, тумбочки. Никто из отдыхающих на тесноту не жаловался, наоборот, «Ливадия» значилась в Крыму лучшим лечебным учреждением. Первый Секретарь несколько раз побывал в санатории, посмотрел, как в бывших покоях императорской семьи и их многочисленных придворных создали места для проживания советских граждан. Но даже при активном вмешательстве в дворцовую планировку, полезного пространства катастрофически не хватало. Никита Сергеевич посоветовал построить рядом дополнительные корпуса – место ведь уникальное! Отдых советских граждан был одной из приоритетных задач социалистического строительства, а профсоюзы, по определению Ленина, являлись «школой коммунизма».

Никита Сергеевич вернулся с купания и уселся завтракать. Сегодня он пытался плавать без круга, крутился на месте подгребая под себя по собачьи – но плыть плохо получалось.

– Я, Нин, метра четыре сам проплыл, – хвастался он жене.

Она благосклонно кивнула.

– Волны сегодня большие и ветер приличный, чуть полотенце не унес, – рассказал супруг.

– Спас полотенце?

– Ребята спасли.

Перед Никитой Сергеевичем поставили тарелку с пюре и куриными котлетками.

– Сергей так и не приехал?

– У Лели день рожденья, – объяснила Нина Петровна.

– И Ладка кругловская небось будет? – нахмурил брови отец.

– Леля с ней не общается. Говорят, она с мужем за границу уехала.

– В дипломаты заделались! – скривился Хрущев. – Доберусь до них!

От порывов ветра шторы на террасе раздувались как паруса. Небо хмурилось, шквальный ветер цепкими белыми барашками пенил море.

– Штормит, – посмотрев вдаль, определила Нина Петровна.

– Мы с Булганиным сегодня в Севастополь рванем, на линкоре «Новороссийск» отобедаем, – сообщил Никита Сергеевич. – Жаль, Сережи нет, ему б на крейсере понравилось.

1 августа, понедельник

Однообразный бесконечный пейзаж Северного Казахстана преследовал, угнетал, начинал упрямо сниться по ночам, как бывшему узнику беспощадно снится тюрьма. Степи, степи, степи, бескрайние, неизменно повторяющие друг друга, ничем не примечательные, одноликие. Лишь времена года, прикасаясь к их растянутому на унылые километры телу, хоть как-то меняли тягостный облик: жарким летом, окунали в изумрудную зелень; окропив осенними дождями, обращали бесконечно длящееся пространство в цвета червонного золота, а после душили однообразной ноябрьской серостью, и, в конце концов, хоронили дни в скупых холодных снегах. Но и в этих закономерных превращениях не делался неумолимый край краше, не вдохновлял, разве весною, когда просыпаются от зимней стужи сердца, и губы ищут долгожданного поцелуя, становилось не так уныло, не так однообразно.

Скуластые лица здешних обитателей в точности походили на долгие безымянные степи и мало чем отличались друг от друга – с узкими острыми глазами, настороженные, малоприветливые. А может, это только казалось? Может, чувство тревоги было здесь сильно преувеличено, а съедала приезжего человека тоска по дому, по родному Днепру или Орлику, по зовущим улыбкам чернобровых украинских девушек или голубоглазых русских невест, доступных в своей девичьей радости, готовых беззаветно любить и быть любимыми. Нет, во всякое время натывались заезжие гости на смотрящие исподлобья недоверчивые лица местных обитателей. Так и ходили они из месяца в месяц, закутанные с головы до ног – то ли от лютых морозов, то ли от пронизывающих ветров, то ли от бездонности уходящего в бесконечность неба, которое хмуро и обреченно нависало над головой. От неумолимой, царившей повсюду грусти хотелось бежать, спастись. Однако они, рожденные на этой земле, пережившие суровые зимы, повзрослевшие в испепеляющем зное лета люди степей, не чувствовали своей неустроенности, обреченности на вечное однообразие. Может у кого-то глубоко в груди шевельнулось мимолетное ощущение одиночества? Скорее напротив: «Что пришлым надо? Что они задумали? Зачем здесь?» – повторяли пастухи и настороженно ждали, не застучат ли по рельсам вагоны, не привезут ли снова сюда обрусевших немцев, трудолюбивых крымских татар, выгрузят в чистом поле и бросят умирать, без пищи, без крова над головой, без божьего благословения! А может, в соседнем районе прогремит оглушительный взрыв, пригибающий к земле камни, и обрушится карающим мечом огненный смерч, испепеляющий и мертвое, и живое. Так секретные ученые испытывают очередную Царь-бомбу, еще более жуткую, чем прежняя. Опасались кочевники, что на месте пастбищ начнут строить железнодорожные развязки, устраивать бетонные бункеры, чтобы с отмеченного злым гением места покорять застывший над головой космос! А может, и еще что пострашнее бомб и ракет выдумают в Москве, и не найдут ничего более подходящего, чем отданный на растерзание ветрам длящийся на тысячи километров Казахстан.

Местные не хотели принимать ни озлобленных ссыльных, ни вдумчивых ученых, окрыленных гениальными замыслами, ни задиристых, беспробудно пьющих геологов, которые без усталости долбили землю молотками. Остерегались тут любых командировочных, не одобряли, вот уже как год, гремящих над родными просторами комсомольских призывов: «Поднимем целину! Дадим стране хлеб!» Уходили кочевники подальше от палаточных городков озорной молодежи, которая взад-вперед гоняла по степи изрыгающие чад трактора.

Отстраненный от работы первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Жумабай Шаяхметов был категорически против сельскохозяйственного эксперимента, против распашки веками покоящихся в мире земель. Казах утверждал, что климат республики не позволит получать стойкие урожаи, говорил, что огромен риск потерь, вспоминал про суровые ветра, перед весной дующие с удвоенной силой, способные разорить созревающие урожаи, выдрать из земли

семена, унести невесть куда тот самый черноземный слой, жизненно необходимый для сельхозрекордов.

– Не беспокойте землю, идите на Алтай, в Приморье! Сажайте там, где не бывает степных бурь! – умолял он.

Но его не слушали, лязгали гусеницы, сигналили грузовики. 250 тысяч квадратных километров плодородных земель, территория по размеру превышающая площадь Англии, днем и ночью распахивалась и засеивалась. Шаяхметов хотел сохранить степи, где испокон веков, выпасался скот. Как мог он, выросший в нетронutom крае, лишиться пастухов пастбищ, как мог разрушить вековой уклад? На все предложения Жумабай категорически отвечал «нет!» и, мало того, настраивал против воли Москвы население. Общего языка найти с ним не получалось.

Оставив пост казахского первого секретаря, с которого его, мягко говоря, подвинули, Шаяхметов не успокоился, не проходило дня, чтобы он не высказал своего негативного мнения. Обаятельному и обходительному Брежневу приходилось тяжело. Переубеждать и уговаривать он умел, и переубедил сотни, тысячи казахов. За долгие месяцы по несколько раз объехал он Кустанайскую, Целиноградскую, Северо-Казахстанскую, Кокчетавскую, Тургайскую и Павлодарскую области, простирающиеся с запада на восток на тысячу триста километров, а с севера на юг на девятьсот. Начальству сулил повышения по службе, жадным обещал деньги, кому-то пророчил славу. Многие верили Брежневу, но далеко не все.

Мудро Никита Сергеевич придумал послать в Казахстан городскую молодежь. Эшелоны с комсомольцами шли из Москвы, из Ленинграда, из Киева, Минска, из других европейских городов СССР. Вчерашние школьники жаждали романтики, рвались на подвиги, стремились доказать, что стали взрослыми, самостоятельными, что не боятся трудностей. Заботами партии, Родина стала для них не пустым звуком. Выпускники с энтузиазмом брались за дело, разворачивали между бригадами, колхозами и областями соревнования, влюблялись, женились, рожали детей, тем самым еще больше привязываясь к суровой стороне, однако, с течением времени задора поубавилось, степь подбиралась ближе, подползала к самому горлу и душила. Тяжко приходилось тут жить. Невзирая на необустроенность, с которой еще как-то мирились, пытались веселиться, не закипать. В воскресные дни ходили на танцы, в гости, но изо дня в день караулила чужаков монотонная безысходность. Пленники сливались с безликим однообразием, как будто их заворачивали в нервущуюся серую бумагу, они скучали, плакали, впадая в еще большее уныние. Работа тормозилась, захлебывалась, шла вкривь и вкось.

Новый первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Пантелеймон Пономаренко, избранный вместо Жумабая Шаяхметова, был до отвращения требователен, он не щадил никого, главным для него было любой ценой выполнить заданный план, доказать, что он стоящий руководитель и его место – в Президиуме Центрального Комитета. Брежнев, являлся его абсолютной противоположностью, чуткий, отзывчивый. Нелегко приходилось второму секретарю при таком безапелляционном первом.

Каждый день Леонида Ильича начинался с разъездов. На местах шли совещание за совещанием. Намечали где пахать, откуда и куда вести дороги, где возникнут новые колхозы, как эти колхозы назвать, где закладывать жилые поселки, где расположить ремзоны для механизации, где поставить элеватор, куда в первую очередь давать трактора, где удобней разместить склады горючего. Схемы обустройства предельно напоминали одна другую, за основу был взят принцип единообразия: поселок – детсад, школа; на пять колхозов – больница; в каждом колхозе – клуб, где для целинников в праздники споют и станцуют артисты, по выходным – покажут кинофильм, но все равно возникали тысячи вопросов.

В каждом поселении обязательно имелись промтоварный и продовольственный магазины с разнообразным ассортиментом. Государство исправно и богато снабжало целинников, тут можно было купить все от телевизора до китайской рубашки, и водку, понятно, регулярно под-

возили. Пили, к сожалению, и довольно крепко пили. Не выдерживали ребята тяжелой работы без градуса, но упрямо поля распахивались, засеивались, намеченная программа выполнялась.

Чтобы выглядеть более авторитетно в сравнении с новым первым секретарем, бесцеремонным Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко, второй секретарь Брежнев не жалел себя, стараясь доказать, что он – не хуже! – не до отдыха ему было. Несколько раз, прямо на совещании, Леонид Ильич падал, сраженный высоким давлением, однажды подхватил тяжелое воспаление легких, но так или иначе стал в Казахстане не чужим, нашел друзей, заслужил уважение. Симпатичным человеком оказался ученый Кунаев, которого Леонид Ильич настойчиво двигал в председатели Казахского Совмина. При всяком удобном случае, Леонид Ильич снимал телефонную трубку и просил соединить с Хрущевым. Не стеснялся даже через приемную передавать Никите Сергеевичу объективные, но исключительно позитивные сведения. Иногда рассказывал забавные истории, исправно звонил поздравить кого-нибудь из хрущевских родных с днем рождения или по другому торжественному поводу.

С собой в Алма-Ату Леонид Ильич прихватил двоих шоферов, охранника, повариху и безотказного помощника Костю Черненко, который приглянулся ему еще в Молдавии. Именно Костя Черненко разбудил ранним утром заспанного второго секретаря Компартии Казахстана и сообщил про беду.

Леонид Ильич трясущимися руками потянулся к аппарату ВЧ.

– Степь горит, тушить нечем, – жалобно простонал он. – Вагоны, бытовки, техника, все пылает. Не казните, Никита Сергеевич!

Хрущев тяжело дышал.

– Ты куда смотрел?

– Я предупреждал, что жара стоит адская, что опасно! Надо пожарные дружины выставить, водой запастись, оставлять на ночь дежурных, а Пономаренко отнекивался, на ЦК кивал, мол, в Москве не поймут, что вы будете недовольны, если людей с основной работы отвлечь. Вот и дождались, – жалко оправдывался Леонид Ильич.

– Провалили, бл...и! – выругался Хрущев и повесил трубку.

Брежнев сидел в задымленном Целинограде и плакал – вот и кончилась его скорая карьера, его слава. Вспыхнула и прогорела вместе с загубленным хлебом.

Пламя разрасталось, пожирало трактора, комбайны, на скорую руку построенные домишки, гудело в заваленных хламом домах культуры, бушевало в детских садах, библиотеках. Бескрайние, уходившие к горизонту поля пропадали под немилосердным безумством ревущего огня. Яркие всполохи озаряли хмурое от дыма небо, люди начинали задыхаться, целинников надо было срочно эвакуировать.

– Гибнет целина, гибнет! – прокричал вбежавший в кабинет чумазный секретарь Целиноградского обкома.

Он был мертвецки пьян. Воды, чтобы тушить огонь не было. Горючее, хранившееся в железных бочках, глухо взрывалось, подсвечивая огрубевший горизонт слепящими вихрями.

Леонид Ильич поднялся из-за стола и застыл перед окном, смотреть, как догорает бескрайняя засеянная отборной пшеницей степь, его детище, его оборванное счастье.

Поздним вечером, когда звезды взошли на темном небе, Никита Сергеевич зашел в калитку микояновского особняка.

– Спит Анастас Иванович? – спросил он охранника.

– Не спит, товарищ Хрущев!

– Скажите, я тут.

Через минуту появился Микоян.

– Что случилось, Никита? – вглядываясь в потерянное лицо соседа, спросил он.

Хрущев заплакал:

– Нету больше целины, Анастас! Сгорела. Дотла сгорела!

Никита Сергеевич опустил на лавочку под пушистыми туями.

– Ничего не осталось, один пепел! Хлеба не будет!

– Успокойся!

– Сожрут меня теперь волки, сожрут с потрохами! – причитал несчастный.

Микоян обнял товарища за плечи. Хрущев взвыл.

– Я сейчас! – Анастас Иванович скрылся в доме.

Никита Сергеевич сидел на лавке перед крыльцом и всхлипывал:

– Как же такое случилось? Как же могло?

Непоправима была потеря, и слишком сильна обида, обида – на весь белый свет!

Через минуту Микоян вернулся, в руках у него была бутылка тутовой, два стаканчика, лаваш и сыр. Все это он положил на скамью, поломал хлеб, сыр, откупорил бутылку.

Выпили молча. Тутовка была крепкая, градусов пятьдесят. От крепости напитка Хрущев зажмурился, утер рукавом рот и заплаканные красные глаза.

– Весь вечер плачу, успокоиться не могу, душа разрывается! – выговорил он.

– Держись, друг, держись! – обнимал Микоян. – Мы и не через такое проходили!

Анастас Иванович снова потянулся к бутылке.

Уютно было сидеть здесь, под туями, на незаметной постороннему глазу лавочке. После третьей рюмки Хрущев захмелел и немного успокоился.

– Не буду больше, – отстраняя рюмку, запротестовал он, – домой не дойду!

Микоян не настаивал. Убрал бутылку на землю, чтобы случайно не разбить.

Стояли последние дни лета. Вот-вот задышит неуютной прохладой осень, остановит соки жизни, укротит силы. А пока кругом разливалась торжествующая тишина певучего августа, густого, сладкого и неповторимого. Хотелось дышать полной грудью, радоваться неясно чему, но чему-то приятному, волнующему.

Никита Сергеевич утер непокорные слезы, распрямил плечи, откинулся на скамейке, запрокинув голову выше, и, вглядываясь куда-то вдаль, начал читать стихи:

Август – месяц лета уходящего,
Август – золотистые поля,
Притомилось солнце, лес палящее,
Утомилась расцветать земля.

День еще прозрачен, и душистый
Запах сена чуть щекочет нос.
До свиданья, август, месяц чистый,
Месяц солнца и твоих волос!

Озеро с хрустальной водою
Отражает с неба облака.
Лето-лето, ты еще со мною.
Лето-лето, ты со мной пока.

Вот уже летят с березы листья,
Вот уже дожди гулять пошли,
Налились рябиновые кисти,
Пролетают в стаях журавли.

И под вечер, в зареве заката,
Я шепчу прощальные слова:

До свиданья, август синеватый!
До свиданья, мягкая трава!

Хрущев всхлипнул. Микоян обнял друга за плечи.

– Тебе книжку издать надо.

– Засмеют! – отмахнулся Никита Сергеевич. – Знаешь, сколько у нас поэтов, а тут еще один, безграмотный.

Он глубоко вздохнул и устался ввысь. Анастас Иванович сидел рядом, откинувшись на спинку скамейки, и тоже разглядывал усыпанное звездами небо, которое, казалось, придвинулось ближе, наваливаясь на темные силуэты деревьев, припадая грудью к земле. Тысячи звезд, близких и далеких, мерцали в его нескончаемой высоте.

11 августа, четверг

В Свердловском зале Кремля открылся Пленум Центрального Комитета. Хрущев доложил членам ЦК о поездке в Германскую Демократическую Республику, рассказал, что они с товарищем Булганиным увидели.

– Удивительно, насколько рады были нам немцы! Встречали, словно родных, в глазах радость, кругом улыбки! – захлебывался восторгом Никита Сергеевич.

Радующие и гостеприимство немцев поразили Хрущева, он представить не мог, что люди, которые еще вчера стреляли в советского солдата, жгли русскую землю, впоследствии беспощадно поруганные, униженные и истерзанные армией победителей, смогли так искренне радоваться советской правительственной делегации.

– Очень радовались! – с места подтвердил Николай Александрович, – мы даже растерялись. Я уверен, что Германская Демократическая Республика – наш надежный друг.

Хрущев рассказал, что в ближайшее время в Советский Союз прибудет канцлер Федеративной Республики Германии Аденауэр, подтвердил, что международная обстановка теплеет, что наметился позитивный диалог с Западом.

– И Австрийский узел разрубили! – дополнил Булганин.

С участием США, Франции и Англии был подписан договор о нейтралитете Австрии, советские войска должны быть выведены с ее территории до конца года.

– При подписании договора, Никита Сергеевич обхватил одной рукой Рааба, другой Шерфа, – рассказывал Булганин. – Рааб – христианский демократ, а Шерф – социалист, и закричал: «Смотрите, я одной рукой обнимаю социализм, а другой – капитализм!»

Члены ЦК смеялись.

– Это успех дипломатии, разрядка международной напряженности!

На этом же Пленуме Никита Сергеевич подверг резкой критике Молотова:

– Мы все очень уважаем товарища Молотова, мы знаем его как верного ленинца, но товарищ Молотов в последнее время высказывает противоречивые суждения и не считает нужным обсуждать внешнеполитическую стратегию с членами Президиума, ссылаясь на то, что она была ранее утверждена. Как такое может быть?! – развел руками Никита Сергеевич. – После смерти товарища Сталина мы каждое дело обсасываем, а тут – множатся неизвестные! Школьнику понятно: одна голова хорошо, а две лучше, но во внешней политике этот принцип потерян, наш министр иностранных дел, точно провидец, вершит дела сам. Непонятна позиция СССР в отношении Турции, Ирана, Египта, Сирии, Индонезии. Слава Богу, что отношения с Китаем, Югославией и Австрией взяли под пристальное внимание мы с Булганиным, о чем постоянно говорим на Пленумах Центрального Комитета. По Югославии дошло до прямого раздора! Товарищ Молотов категорически не соглашался, чтобы правительственная делегация посетила Белград. У Сталина было особое отношение к Тито, мы это знаем. У Тито, товарищи,

была одна «беда», слишком он был самостоятельный, без Сталина обошелся, когда собственное государство строил и с закрытыми глазами слушать его не хотел. Тито задумывал создать Балкано-Адриатическую конфедерацию и Албанию туда тянул. Но это не означает, что Броз Тито не коммунист! У нас раньше как было – если кто-то не соответствовал линии Сталина, значит, враг! Товарищ Сталин был сильно упрямый человек. Но времена меняются, а товарищ Молотов, я извиняюсь за выражение – рогом уперся!

– Тито ставит национальные интересы Югославии выше ленинских принципов! – возмутился Вячеслав Михайлович. – Социализм есть единство, взаимовыручка, а где у Тито взаимовыручка, где единство? Если приглядеться, то и социализма нет! Сколько миллионов Тито от американцев получил? Немыслимо сколько! А люди ходят плохо одетые, голодные, а он во дворце на Брионах засел! Я это высказывал.

– У товарища Молотова через край накопилось! Он, как Сталин, на Тито взелся. А то, что Вячеслав Михайлович на дворцы кивает – нелепость! Позабыл, наверное, что дворец Тито не принадлежит. Мы с вами тоже во дворце царском сидим, в Кремле, и что? А, что жизнь у людей трудная, не есть аргумент, она и у нас не сахар, но это не значит, что у нас социализма нет! – яростно рубанул Хрущев. – Трудности и лишения есть последствия борьбы с империализмом, борьбы за великое царство народа! – под аплодисменты прокричал он.

– Мир сегодня разделен на два противоборствующих лагеря: капиталистический, который возглавили Соединенные Штаты, и социалистический, во главе с СССР. Сталин считал, что Советский Союз – всеми признанный лидер социализма, а тут Тито взбрыкнул, начал своевольничать. Сталина это раздражало, он даже приказывал убить Тито. Абакумову Сталин Тито припомнил, что тот югослава не достал. Даже военное вторжение в Югославию планировали. Но ведь товарищ Тито за народ воевал! Живут бедно люди, верно! Но в Югославии вы богачей не найдете! – выпалил Хрущев. – Мы с Булганиным стали выступать за диалог с Броз Тито, и это разумно, нельзя нам Америку к югославам подпустить, а Молотов – не будет с Югославией диалога, долдонит!

Товарищ Сталин верил, что во всем мире победит коммунизм, и мы в это свято верим. Иначе и быть не может, потому что трудовой человек везде один и тот же: что у нас, что во Франции, в Америке или Югославии, это наглядно видно. Сегодня по всему миру угнетенный класс голову поднимает! Победа коммунизма неизбежна! Но разве ж она неизбежна только в результате войны? Я так не считаю. И мирным путем, путем открытых выборов, можно власть взять. В этом наше с товарищем Молотовым принципиальное разногласие. Своей безапелляционностью Вячеслав Михайлович значительный вред наносит, поэтому и имеем со стороны Запада негативное отношение, уже не настороженное, а полувоенное, полубоевое! Ведь товарищ Молотов, чуть что, армией пугает! Почему против нас создан военный Атлантический блок? Потому что боятся нас хуже чумы и объединяются против нас. Мы, правда, тоже не сидим сложа руки! – распалялся Никита Сергеевич.

– Мы, товарищи, воевать ни с кем не хотим, у нас своих забот полон рот! Сегодня накал страстей спал, СССР выступает за мир, стремится наладить отношения с соседями, войти с ними в контакт. А как это сделать, если министр иностранных дел постоянно грозит? Мы хотим мира! – громогласно объявил Первый Секретарь. – Хотим отдать основное внимание человеку, советскому гражданину! Хотим, чтобы детишки на улицах бегали, чтобы женщины были женщинами, а не солдатами с винтовками наперевес! А Молотов, как заведенный, – кругом враги засели, заладил! Бодание надо прекращать! Президиум Центрального Комитета должен работать во благо народа, а не в угоду чьим-то амбициям! Посмотрите на календарь, товарищ Молотов, сейчас не сорок восьмой год, и не тридцать девятый, сейчас на дворе тысяча девятьсот пятьдесят пятый год сияет! Почему мы должны испортить отношения с соседями? Почему беремся разговаривать исключительно с позиции силы? Где потеряли принцип мирного сосуществования? В Президиуме подготовлен документ о значительном сокращении

Вооруженных Сил. Война закончилась десять лет назад, а армия у нас до сих пор грандиозная! На ее содержание миллиарды идут, и, главное, бессмысленна такая армия в современных условиях. А мы эту громаду тронуть пальцем боимся, потому что товарищ Молотов заявляет, что армия наша должна оставаться огромной затем, чтобы в любой момент выступить против врага! Пять миллионов солдат под ружьем, вдумайтесь? Перебарщиваем! – закрутил головой Хрущев.

Мир стоит на пороге новейших технологий и открытий! Современное атомное оружие страшнее любого количества солдат, хоть пяти миллионов, хоть десяти! Бабахнет и уничтожит пол-армии, а пока мы будем в панике бегать, остальную часть в клочья разнесет. Сегодня не удастся превосходством живой силы побеждать. Мои слова вам может маршал Жуков подтвердить, мы с ним часто мнениями обмениваемся. А товарищ Молотов, я опять к нему возвращаюсь, он у нас сам по себе, будто из другого теста – нет, и все! Ракеты и водородные бомбы – вот оружие сегодняшнего дня. Так зачем держать под ружьем несметные полчища? Деньги, что тратим на армию, можно в народное хозяйство пустить. У нас без конца телевизоры просят, а мы телевизоры дать в достатке не можем – денег не хватает! За два-три года сократим численность Вооруженных Сил до двух миллионов человек! – выкрикнул Хрущев. – А потом и милицию сократим, и органы государственной безопасности. Ни к чему такую карательную машину иметь, будто наш народ закоренелый разбойник! Когда сознание станет у всех социалистическое, выкинем наручники, позакрываем тюрьмы и заживем! Это очень скоро будет, если постараемся.

Люди у нас отличные. Я не знаю, где таких хороших людей еще найти, безотказные люди! Добровольцами шли на фронт, никто в шею не гнал. По зову сердца винтовку брали Родину защищать. Ребята-школьники на фронт бежали и сражались наравне со взрослыми, не боялись грудью под пули лечь. Герои наши люди! Так на черта нам столько карательных органов, кого караулить?! Оставим, разумеется, небольшое количество следить за общественным порядком, так как человек, я извиняюсь, он и в Африке человек. Выпить и погулять у нас с огоньком получается, да так – чтобы душа сначала развернулась, а потом, как говорится, свернулась! И мы точно такие. А если известно человеку, что присмотра за ним нет, тогда хлопот не оберешься. Для этого нам милиционер пригодится, но не двадцать два милиционера!

И снова Хрущева прервали аплодисменты.

– Так вот, армию, милицию и органы госбезопасности – под сокращение! Пусть идут в народное хозяйство, там места хватит.

Вы меня спросите: почему, товарищ Хрущев, раньше это не делали, раньше не сокращали? И правильно спросите. А я вам честно отвечу, потому не делали, что не сегодня-завтра товарищ Молотов опять кашу заварит и придется нам воевать!

Спрашиваю, Вячеслав Михайлович, почему не договариваться, почему не дружить? Плохой мир лучше хорошей ссоры! Не хочет товарищ Молотов слушать, на каждой международной встрече ругается, кулаком по столу бьет, не идет ни на какие уступки. Разве так можно?

Мы неоднократно пытались ему высказывать, и я, и Булганин, и Микоян, даже товарищ Шепилов не сдержался, хотя он человек исключительно деликатный. Нет! – фыркает Вячеслав Михайлович. Поэтому я сегодня обращаюсь к членам Центрального Комитета: давайте рассудим по совести, по партийному решим, что делать. Правильно товарищ Молотов поступает, противопоставляя себя мнению Центрального Комитета или нет?

Пленум целиком поддержал Первого Секретаря. Высказывались предложения освободить Молотова от обязанностей министра иностранных дел, некоторые намекали, что надо его и из состава Президиума попросить. Ни Каганович, ни Ворошилов, ни Маленков не подняли голоса в защиту. Критика получилась резкой.

На этом же Пленуме приняли решение провести в феврале будущего года очередной Съезд Коммунистической партии Советского Союза.

На заключительном заседании председатель Совета министров Булганин предложил освободить Молотова от должности министра иностранных дел и рекомендовал на этот ответственный пост Дмитрия Трофимовича Шепилова. Молотов сидел чернее тучи.

После Пленума в кабинете председателя Совета министров, Никита Сергеевич и Николай Александрович облегченно вздохнули и выпили по рюмке. Никита Сергеевич с ходу пропустил и вторую, он был необыкновенно взволнован, но доволен решениями, а вот на Николае Александровиче лица не было.

– С Машкой поссорился или с Беллой? – глядя на расстроенного друга, предположил Хрущев.

– Жуткий сон, Никита, приснился, – отозвался Булганин. – До сих пор отойти не могу!

– Какой сон?

– Какой, какой! – Николай Александрович плюхнулся на диван. – И ведь вчера много не пил. Проснулся не то что в холодном поту, а будто в жаркой бане побывал! Кровать мокрая.

– Может, ты обоссался случайно? – хихикнул Никита Сергеевич.

– Сам дурак!

– Да, ладно, шучу, шучу! Расскажи сон свой, если не позабыл.

– Такое разве забудешь!

– Что там было-то?

– Самое страшное, – загробным голосом начал Николай Александрович, – что я оказался бабой!

– Ты... бабой?

– Да. И меня е...т.

– Да ладно! – ошалело присвистнул Хрущев.

– Е...т! – подтвердил Николай Александрович. – Представляешь?

– Не представляю! – ужаснулся Никита Сергеевич.

– А во сне – было! – грустно подтвердил председатель Совета министров.

– Кто ж, Коля, тебя ...? – ухмыляясь во весь рот, осведомился Хрущев.

– Мужик ..., кто еще? Я же тебе объясняю, что бабой стал! – Булганин невесело хмурился. – Навалился он на меня, значит, а потом смотрю – сдох.

– Как сдох?

– Так. Издох прямо на мне, схватил ручищами, как краб, и не двигается. Я его трясую – уйди, слезь! А он не шевелится. Ох, мамочки, как я испугалась! – продолжал Булганин. – Это я от имени своего сна тебе рассказываю, не как я, а как баба! – уточнил он.

Никита Сергеевич понимающе кивнул.

– Люди прибежали, трясут его: «Умер, умер!», а он меня-бабу не отпускает. Попробовали оторвать – не отывается! «Как же он так, наш Егор Тимофеевич? – вокруг народ перешептывается. – Получается, в сиськах ее здоровенных задохнулся!» – подсказывает знающий старикашка.

– У тебя, значит, и сиськи здоровенные были? – не удержался от восклицания Хрущев.

– Иди в жопу, дай доскажу!

– Рассказывай, рассказывай!

– Фельдшер подошел, на старичка цыкнул, и заявляет: «Сердце не выдержало, теперь руки его ни за что не разожем. Придется их вместе хоронить, и эту – на меня кивает, – с ним тоже!» Тут я и проснулся.

– Ну сны тебе снятся!

– Какие есть.

– От твоего рассказа я тоже пропотел.

– Весь день хожу сам не свой! – тяжело вздохнул Булганин.

– Брось!

– Да не брось! – отмахнулся Николай Александрович. – Как на Пленум собрался ехать, еще одно известие пришло, – совсем заунывно добавил он.

– Какое? – насторожился Никита Сергеевич, гадая, что за известие могло расстроить председателя Совета министров.

– Белла беременна!

– Как Пленум прошел? – перед сном спросила Нина Петровна.

– Съезд на февраль назначили.

– А по Молотову что?

– И по Молотову единогласно. Сняли! МИД Шепилову отдали. Дима парень головастый, справится.

– Ох, Никита, как бы эта тактика боком не вышла! Теперь вместе с Маленковым и Молотов против тебя.

– Мы, Нина, его не на улицу выставили, он министром Государственного контроля идет. Министерство важнейшее, чего обижаться? К тому же он первый заместитель председателя Совета министров, мало, что ль?

– Оттого и беспокоюсь.

– За него не надо беспокоиться, ишь, второй Сталин выискался! И я за то, чтоб мощное государство строить, но не на горбу собственного народа! У людей только-только огонек в конце тоннеля забрезжил, а он их – взашей! Я доказываю – мы не имеем права народ мучить! Не хочет понимать. Разве можно такое? Карательными мерами людей не удержать, а Вячеслав – «удержим»! В войне мы потеряли треть национального богатства, шестую часть населения. Десятки миллионов людей живут в нищете, ишачат с утра до вечера! Рабочий день больше десяти часов с одним выходным в неделю! Завтра Молотов захочет, чтобы и в воскресенье работали!

Нина Петровна молчала. Хрущев неожиданно заулыбался:

– За такие разговоры меня б раньше к стенке поставили, а сегодня открыто говорю!

13 августа, суббота

Суббота предполагалась насыщенной, с утра должен приехать Лысенко, собирались говорить по целине. Академик все время предлагал всякие нововведения, на любые предложения Никиты Сергеевича откликался с энтузиазмом. Удивительно, но седовласый ученый сдружился и с маленьким Илюшей, у них был запланирован поход на реку, где они собрались ловить бабочек и стрекоз. Дядя Трофим приготовил для этой цели и сачки, и коробочки для крылатых пленников. Хрущев пообещал идти на реку с ними. Лысенко, как пацан, наперегонки с мальчиком носился по полям, отлавливая крылатую живность. В начале лета Трофим Денисович стал собирать с Илюшей гербарий Подмосковья. К ужину Хрущев ожидал Брежнева, которого, после пожара на целине, вместо провалившего дело Пантелеймона Пономаренко, он сделал первым секретарем Компартии Казахстана.

15 августа, понедельник

Понуриив голову, Вячеслав Михайлович Молотов сидел напротив Хрущева в Центральном Комитете на Старой площади.

– Хочу сказать тебе, Никита Сергеевич, недопонял я твоей идеи по Югославии, не сориентировался.

Хрущев не отвечал, исподлобья глядя на посетителя.

– Наверное, стар стал, – упавшим голосом продолжал Молотов, – ведь нелегкую жизнь прожили, сам знаешь.

– А зачем статью в «Правде» написали, что вы единственный человек, который работал с Лениным? Что ваше заявление означает? Может, то, что, кроме товарища Молотова, достойных людей нет? – уставился на визитера Хрущев. – Может, вас пора на место председателя Совета министров ставить или, может, членам Президиума ваши распоряжения надо под козырек брать?!

– Написал, потому что считаю Ленина первым патриотом социализма, гением и предтечей революции!

– Раньше у вас Сталин предтечей был, – медленно выговорил Хрущев.

– Вождем всех времен и народов, – поправил Молотов. – Но тогда он и для тебя им был, Никита Сергеевич!

– Скажите честно, что вы нашего задора не выдержали, нового темпа испугались и решили всем место указать!

– В мыслях подобного не было! Признаюсь, в восторге от ваших заявлений не прыгал, считал и считаю их поспешными. Но я свое мнение не скрывал, в глаза высказывал. По Югославии был не согласен, потом по дружбе с американцами не соглашался. Считал и считаю, что невозможно с врагом подружиться. Притвориться можно, а дружить – нельзя! Как может настоящая дружба сложиться, если мы совершенно разные, какой между нами может быть толк? Ленин мечтал о мировой революции, и мы мечтаем, а американцы разве хотят мировую революцию? Рабочие их хотят, а буржуй ни за что не хочет! Не понимаю, чем я навредил, может, ты разъяснишь? Но, как большинство решало, так я и принимал, отдельное мнение тогда уже не важно, любое решение выполняю, как коммунист. За что меня крушить?

– Министр иностранных дел – голос страны! А вы на все с собственной позиции смотрите, с молотовской.

– Я же Молотов, а ты – Хрущев. И мне не все, что ты говоришь, нравится, но я тебя слушаю, и это нормально.

– В отличие от вас, я с Президиумом в разногласия никогда не вступал!

– Давай, Никита Сергеевич, не ссориться, – миролюбиво проговорил Вячеслав Михайлович. – Мы с тобой хорошо начинали, и продолжать нужно хорошо. Я против тебя ничего не имею, считаю, что ты в партии на своем месте, а я, если вдруг и выскажу что, то по делу. Вот и сегодня пришел, чтобы напряжение снять. Тебя я знаю давно, ты меня давно знаешь. Чего бодаться? Тем более я уже не министр иностранных дел. Я, Никита, в прошлом году два раза в больнице лежал, сердце прихватывало. Вроде Сталина нет, а оно, сволочь, ноет.

– Я вас, Вячеслав Михайлович, уважаю, вы для меня один из учителей, и обижаться на меня не нужно. Сегодня требуется усилить Министерство государственного контроля, крепко усилить. Сосредоточьте внимание на этом участке.

– Принято! – вздохнул Вячеслав Михайлович.

Он смирился, но как больно было оставлять Министерство иностранных дел! И главное, на кого оставлять – на мальчишку! Шепилов во внешней политике ничегошеньки не смыслил, одна в нем была отличительная особенность – на цыпочках ходил за Хрущевым. Хрущев подбирал на ключевые посты людей не по способностям, а по личной ему преданности.

«С такой политикой любое дело можно загубить!» – думал Молотов, но вид сделал, что полностью согласен с «Хрущевым», даже подыгрывал: то кивнет покорно, то жалко улыбнется.

Никита Сергеевич общением с Молотовым остался доволен, на прощанье обнял и пригласил с Полиной Семеновной в гости, хотя наверняка знал, что Молотовы к нему не придут.

18 августа, четверг

Выпроводив очередного посетителя, Никита Сергеевич набрал жену.

- Нинула, звонила?
- Звонила. Ты скоро будешь?
- Министр образования ждет, отпущу и – домой.
- Я грибной суп сделала, из подберезовиков! – проговорила Нина Петровна.
- Из подберезовиков! – у Никиты Сергеевича потекли слюнки.
- С Илюшей по лесу ходили и целое лукошко набрали. Он так радовался! Про тебя спрашивал. Мы соскучились, приезжай скорей!
- Прямо еду! – отозвался супруг.
- Целую! – Нина Петровна положила трубку.

Никита Сергеевич нажал кнопку звонка. В дверях появился референт.

- Уезжаем! – скомандовал Первый Секретарь.
- Елютин подъехал, в приемной ожидает.
- С ним по ходу поговорим, пускай в мою машину садится!

26 августа, пятница

- Ну что, Ваня, работаешь?
- Так точно, работаю, – ответил Серов.

Никита Сергеевич достал носовой платок и принялся утирать нос.

- В поликлинике был, насморк лечил, чего только в мой нос не заткнули.
- Поправитесь, насморк – это не страшно.
- После поездки на Алтай никак оклематься не могу, нос не дышит, и постоянно потею. Продуло сильно. А сегодня положили меня на кушетку, и я куковал: ку-ку, ку-ку! – а мне в нос лекарство лили. Целую банку вылили. Теперь два часа ни чаю попить, ни пожрать!
- Надо было раньше к врачу идти, не стоило запускать.

Хрущев отмахнулся:

- Затуркали! То туда несусь, то сюда. Все на ногах, вот и доходился, нос не дышит, голос как труба, а вчера ухо стреляло. С утра Нина в поликлинику погнала.
- Правильно.
- Ну, да ладно, у тебя-то чего?

Председатель КГБ потянулся за папкой.

- Покажу вам кое-что, – доставая конверт с фотографиями, проговорил Иван Александрович.

Хрущев замотал головой:

- Ты мне на словах скажи, не хочу смотреть! Глаза устали, – и опять начал сморкаться.

Серов отложил папку.

- Разработан ряд мини-передатчиков. Под видом разных предметов записывающие устройства, прямо под нос будем давать.
- Неплохо!
- С большого расстояния, пока ясного звука нет, а вот когда близко слушаем – четкость великолепная. Решили сосредоточиться на миниатюрной технике. Чтобы нужную личность записать, приходится к разным уловкам прибегать. Например, английский посол каждое воскресенье в «Метрополе» обедает, а израильский полюбил ресторан «Пекин». Они, хитрецы, на одном месте не сидят, понимают, что под стол технику вмонтировать можно. То здесь сядут, то там, летом на открытую террасу идут, страхуются. Американский военный атташе ходил в

«Прагу». В «Праге» мы каждый стол стационарно оборудовали, а как оборудовали, так он в «Прагу» ходить перестал.

– Кто-то сдал! – наморщил лоб Хрущев.

– Не исключено. Сейчас с персоналом «Праги» работаем, ищем утечку.

– Деньги на ветер выкинули!

– Не выбросили, Никита Сергеевич! В «Праге» уйма приемов, и дипломатических и государственных, банкеты идут разнообразные. «Прага» наш форпост, там много чего узнаешь. Тут не прогадали. Но во все рестораны подобную аппаратуру ставить накладно. Вот и решили миниатюрные приборы в серию запустить. Официант хлебницу принесет или тарелку с фруктами, или пепельницу, а там – техника! – заулыбался генерал.

– В тарелку из-под первого приборы ставите?

– Когда в глубокую тарелку жидкость нальют, передачи звука почти нет. Не умеем мы пока первыми блюдами слушать, да и скребут все время ложкой по дну, неудобно. Зато хлебницы на столе стоят и пепельницы тоже – все аккуратненько! Над вазами для цветов бьемся, их в спальне ставить можно, туда и камеру пытаемся вставить.

– Все у тебя, Ваня, просто, садятся обедать и тут же секреты выбалтывают!

– Не так, конечно, но человек есть человек. Когда-то он и похвалиться должен. Вроде внимательный, рот на замке, а взял и сболтнул. Особенно, когда выпьет, разоткровенничается или, если на веранде, на свежем воздухе сидит, думает, никто не услышит. Говорят, Никита Сергеевич, говорят, уж вы поверьте! Еще девушек используем.

– Девушки во все времена сладкой приманкой были, – согласился Никита Сергеевич. – Хорошо, я к женскому полу спокойно, а вот у товарища Булганина можно все секреты выведать.

– Мы за его подружками приглядываем, – доложил Серов.

– Неужто разведчики такие недалекие, на баб клюют? Разве их не инструктируют, не предупреждают?

– Инструктируй не инструктируй, а природа свое берет. И еще – девушки наши неотразимы! – разоткровенничался Иван Александрович.

– По тебе видно, сам на этот же крючок попался! – выпалил Хрущев.

– Я по любви!

– Ты-то по любви, а многие на удочку клюют, и тоже думают – по любви! Эх, из меня б крупный разведчик получился!

– У вас другие обязанности.

– Ладно, ладно! Расскажи лучше, как дело с агентурой обстоит?

– Агентура требует денег, я вам уже напоминал.

При слове «деньги» настроение у Хрущева испортилось.

– Я не про деньги спрашиваю, а про то, как агентура работает.

– Работает неплохо.

– Неплохо – значит, херово!

– Разные есть агенты, – не согласился председатель КГБ.

– Агент – это, прежде всего, преданный делу партии человек, а у вас всякая шантрапа попадает: судимые, пьяницы, не пойми кто! Сцапали за воровство человека – давай стучи! И он вам черт знает что лепит! Это, по-твоему, агентура? Ну и что он вам расскажет, пьяница, кто у кого бутылку украл? Нам, Ваня, замаскированного врага изловить надо, того, кто на вражескую разведку работает, за государственными секретами охотится, а вы девками парней щупаете! Что, атташе твой, за титьки бабенку тиская, будет ей новинками оружия хвастаться?!

– Здесь с вами не соглашусь. Бывает, так влюбляются – голову теряют. Девушки к ним жить переезжают. А на квартире, в отсутствие хозяина, можно многое узнать, да и когда хозяин с работы усталый пришел, подсмотреть кое-что удается. Здесь плюсы очевидны.

– Ну, может, спорить не стану, главное, чтобы работа шла.

– Каждый второй выезжающий в долгосрочную загранкомандировку является нашим сотрудником. Задача таких сотрудников – сбор информации и вербовка иностранных граждан, работающих в правительственных, военных и научных учреждениях. Где только можно, мы своих людей рассовали: по разным странам, по разным организациям. Информационный поток огромен, его надо обрабатывать, а возможности невелики, численность в этом деле маловата. Увеличивать надо, – осторожно сказал Серов. – И контрразведка работает. Вы вот требовали сокращения, однако задач при этом меньше не стало.

– Сокращение необходимо. Это очищение, без очищения нельзя. Такому приему нас великий вождь обучил, – припомнил Сталина Никита Сергеевич.

Хрущев имел в виду последнюю капитальную чистку в МГБ при Сталине, когда головой поплатился не только министр Абакумов, но и большинство руководящих работников центрального аппарата. Были арестованы генералы Питовранов, Судоплатов, Никифоров, Утехин, Селивановский, Королев, Шубняков, Чернов и многие другие. С 1 июля 1951 по 1 июля 1952 года, как не справившихся с работой, освободили от должностей 1583 человека, в их числе 287 входивших в номенклатуру ЦК. За нарушения советской законности, злоупотребление служебным положением, морально-бытовое разложение уволили из органов свыше 3 тысяч человек, из них 500 работников центрального аппарата. К началу 1953 года штаты МГБ сократили на 35 165 человек, в их числе 5 187 человек начальствующего состава, что составило 17 % от всей численности Министерства государственной безопасности. Под нож попал практически каждый пятый. Структура МГБ была полностью реорганизована.

Хрущев и перед Серовым поставил задачу полностью освободиться от бериевского наследия, он хотел иметь верный только себе Комитет государственной безопасности. С марта 1954 по июнь 1955 Серов уволил из КГБ 17 тысяч человек, 210 генералов лишились званий. На их место приходили исключительно хрущевские кадры. Никита Сергеевич не изменил проторенному сталинскому пути, вводил в госбезопасность верных людей. И хотя прежнее силовое ведомство разделили надвое, КГБ имело огромный вес. За Комитетом госбезопасности осталось: обеспечение государственной безопасности, включая разведку и контрразведку, борьба с антисоветскими националистическими и враждебными элементами внутри СССР, предварительное следствие по государственным преступлениям (делам по измене родине, терроризму, контрабанде, нарушению валютных операций в особо крупных размерах), охрана государственной тайны, охрана госграницы, охрана руководителей Коммунистической партии и правительства, правительственная связь, комендатура Московского Кремля, технические службы и пограничные войска.

Первый Секретарь постоянно требовал отчетов, но постоянно оставался недовольным. КГБ, по его мнению, работал не на всю мощь.

– Я, Никита Сергеевич, больше численность сокращать не могу, я дополнительные штаты хотел просить, – заговорил Серов.

– Ты на периферии численность подсократи, а Москву не трогай. Городские и районные отделы можно в несколько раз урезать. И областные управления ополовинь, ничего страшного не случится. Потом, зачем нужны отделы, курирующие отрасли промышленности? Образование проверять зачем? Медицину, легкую промышленность? Атомное оружие, ракеты, авиацию, химию – здесь согласен, здесь присутствие органов необходимо. А за Министерством мясомолочной промышленности следить для чего? С целлюлозно-бумажной промышленностью что будет? Чего там надзирать? А ведь целые организации созданы! Вот где разобраться стоит.

– Понял, Никита Сергеевич!

– Раз понял, хорошо! И по агентуре задумайся. Нам нужна грамотная агентура, мыслящая. Как твой пьяница или карманник законспирированного врага распознает? Сегодня требуется осмысленные агенты, интеллигентные, образованные, сознающие свое полезное дело.

Надо, чтобы человек, которого вы подбираете как агента, был культурнее того, кого вы хотите разработать. Не может человек малокультурный, малоопытный разрабатывать более образованного, более умного, ничего у него не получится. Он сможет хорошо подсматривать, подслушивать, а разрабатывать – не сможет. Надо с умом вербовать. Ты, безусловно, прав – если не будешь вербовать, то заведомо проиграл. А у нас как зачастую? Или отписки, или случайные люди к работе привлечены. Твои лоботрясы для галочки последнего дурака завербуют! Нам разве требуется по базарам ходить и слушать, как Советскую власть ругают? Ерунда! Базары, рынки – милицейское дело. Для того чтобы разработать врага, агент должен суметь подчинить его морально. Если он не подчинит его морально, он не сможет его разработать. А подчинить морально – это значит заставить себя уважать. Поэтому вопрос подбора агентуры – очень серьезный вопрос.

– Учту, Никита Сергеевич! Большую сеть осведомителей в иностранных посольствах мы в виде услуги имеем.

– А иностранцы не знают, кого вы им на работу подсовываете?! Дураки они? – всплеснул руками Хрущев. – Глупость! Пусть сами себе работников подбирают, а не так, чтоб на веревочке вели. Раз мы привели, значит точно из госбезопасности. Прямо завтра распорядись, чтобы самостоятельный подбор кадров иностранцам разрешили, и об этом посольства уведоми. Двойная польза будет. Во-первых, мы еще раз покажем себя вставшими на демократический путь, а, во-вторых, не все дипломаты себе работников найдут, по-любому будут за помощью обращаться. Тут МИД твоих архаровцев и предложит. Вот если вы завербуете человека, которого дипломат сам разыскал, сам место предложил, тогда честь вам и хвала! А так – стоит дворник с метлой, а толком не метет, потому что в тетрадку фиксирует: кто пришел, когда, с кем ушел. Смеются над нами!

– Это, Никита Сергеевич, тоже работа.

– Ну, дворников и мусорщиков, электриков там, и кого еще не знаю, оставь, а вот в дом, на квартиру, пусть самолично ищут. Если обратятся за подсказкой, другое дело. Непременное отношение к нам сделается лучше, раз мы выбирать разрешили.

– Сделаем, Никита Сергеевич!

– Пойми, Ваня, стукачи – это стукачи! А агент в высоком понимании слова – совсем иное. Ты копай глубже, ты близкого друга в разведчики завербуй! Не каждый агент может быть допущен к любому лицу, – продолжал рассуждать Хрущев. – Допустим, к лицу «икс» может подойти только агент «игрек», а другой уже не может, потому что он не годится, дурак потому что. А у нас, бывает, без разбора делается – к умному дурака подсылают, а к дураку – академика, и проваливаются агенты, и скандалы возникают. Никудышный агент часто для плана, в угоду собственной значимости оговаривает человека, сообщает о нем всякую муть, чтобы работу показать. Если агент не знает человека и не может к нему дорожку найти, а должен о нем доносить, то, чтобы оправдать себя как агента, он начинает выдумывать. Таким образом, создаются липовые дела, и потому многоя информация – липа. А на все уходит время, а время – деньги, которые ты постоянно клянчишь.

– С подобными явлениями боремся.

– Получается, есть такие явления?

– Есть.

– В госбезопасности, Ваня, превыше всего должна быть партийная дисциплина, а у вас ведомственная давит, чтобы ведомство красиво выглядело. Все тот же план на уме, как его, по каким показателям перескочить, а тут не перевыполнение плана требуется, тут достоверность нужна, как на исповеди! Да и какой может быть план в подобном деле? Милиционеры тоже подобным пороком страдают, в этом году преступников поймали больше, рапортуют. По кражам, докладывают, на 20 % больше переловили; по хулиганству – на 15; по хищениям госсобственности на 22 % показатели улучшили. А на самом деле никакого улучшения нет,

получается больше в стране стали воровать, преступность выросла, и значит, милиция плохо работает. А они – показатели! Круглов совсем сдурел, для красоты приписывать старается! За всем нужен неустанный контроль! – тяжело вздохнул Никита Сергеевич. – Неустанный! Контроль дисциплинирует. Я контролирую тебя, ты – своих заместителей, они – подчиненных, те – дальше, а иначе толку нет. Понимаешь?

– Понимаю.

– Я столько чепухи в ваших донесениях начитался, что иной раз противно! Не хочу больше белиберду читать! Извольте трудиться, как положено.

– Сделаем выводы, и, как требуете, на местах численность сократим.

– Не я требую, партия требует!

– Оговорился, партия. Извините.

Хрущев поднялся и поманил Ивана Александровича в комнату отдыха.

– Теперь давай я тебя чаем угощу, с клюквой!

Серов поспешил за Первым Секретарем.

– Садись! – выставя на столик вазочку с клюквой, проговорил Первый Секретарь. – Угощайся!

– Давно я клюквы не ел. Откуда взяли?

– Лысенко привез. Самовар в розетку воткни!

Иван Александрович включил штепсель в розетку.

– Видишь, какое удобство? С виду самовар как самовар, а никаких дров не надо! Это я электрический самовар придумал! – похвастался Никита Сергеевич.

Самовар стал чуть слышно пыть. Хрущев устроился напротив гостя.

– Ты давай клюкву наворачивай, сахарок возьми! Мне пока нельзя, лекарство еще не сработало.

Хрущев снова пробовал сморкаться.

– Как по охотхозяйству, Ваня, движется?

– Зверя разного завезли, даже зубров из Беловежской пуши. Ох, и намудохались с этими зубрами!

– Зубры – это позиция! – оценил Хрущев. – Приедет шах Ирана в гости и ох...еет. Шах первейший охотник, в Африке слонов бьет, тигров – в Индии, а мы ему такого огромного быка – хоп! Произведем впечатление.

– Произведем.

– Главное, чтобы в грязь лицом не ударить. Комфарту надо больше, чтоб пыль в глаза!

– По высшему разряду строим. Терема будут как в сказке. Две бани делаем: традиционную русскую и по-черному. А когда шах приезжает?

– Весной. Мохаммед Реза Пехлеви! – без запинки выговорил Хрущев.

– Как вы все помните! – удивился Серов.

Первый Секретарь усердно размешивал в чашке с чаем клюквенное варенье.

– Есть нельзя, так я его выпью!

– Так и пить вам нельзя, два часа еще не прошло.

– Не учи ученых! – Хрущев залпом выпил чай с клюквой. – За-ви-до-во! – нараспев пропел он. – И название подходящее, значит, завидовать нам будут!

– Булганин просит обслугу посимпатичней подобрать.

– Уже дед седой, а все козликотом скачет!

– Такой неуемный человек.

– И ты у нас на молодку нацелился! – Хрущев игриво посмотрел на председателя Комитета госбезопасности: – И Жуков. Омолаживаеетесь, значит? Хотите до ста лет прожить?

Серов растерялся.

– Ладно, ступай, и смотри – посерьезней, а то, невзирая на молодость жены, на пенсию спишем!

Ужиная дома, Никита Сергеевич все время смотрел на хлебницу. На симпатичном дулевском блюде, позолоченном, с выпуклыми красными цветами, под белоснежной салфеткой лежал порезанный батон и четыре кусочка бородинского. Хрущев выложил хлеб на стол, убрал салфетку, а хлебницу взял в руки и стал внимательно разглядывать.

– Тарелка как тарелка!

Он прислонил к ней ухо и прислушался – ничего. Тогда Никита Сергеевич прошел в туалет, коленом переломил хлебницу пополам, потом еще раз, и внимательно обследовал обломки – ни проводов, ни приборов.

– Береженого Бог бережет! – проворчал Никита Сергеевич и выбросил поломанную посуду в помойное ведро.

2 сентября, пятница

По Лужникам ходили долго. Хрущев обо всем спрашивал, окликал рабочих и задавал им вопросы. Отсчитав ногами расстояние от одной предполагаемой стены до другой, наглядно представлял размеры будущих зданий. Уточнив количество зрителей, предлагал делать аллеи шире, ругал за грязь и беспорядок.

– Стройка, Никита Сергеевич! – не отставая от Первого Секретаря, оправдывалась Екатерина Алексеевна. – Сейчас мы стоим на месте Малой спортивной арены, а главный стадион – Большая спортивная арена, где будет футбольное поле, дальше, – объясняла она, – уже фундаменты начали лить.

– За качеством бетона следите?

– Обязательно следим, – за Фурцеву ответил Промыслов. Больше всех сегодня потел начальник Главмосстроя.

Стройплощадка оказалась невиданно большая, площадь застройки – двадцать одна тысяча квадратных метров, а ведь надо было еще провести дороги, протянуть инженерные коммуникации, благоустроить парковую зону, организовать автостоянки. Хрущев третий час ходил взад-вперед. В конце концов, процессия направилась к одноэтажному сооружению, где в просторном зале можно было обменяться мнениями.

– К столу проходите, Никита Сергеевич! – подсказывала Екатерина Алексеевна.

В центре зала на столе был размещен макет будущего стадиона.

– Каков размах! – оценил Первый Секретарь. – Надо, чтоб и в жизни так получилось!

Народа в помещение набилось, хоть отбавляй: и непосредственные руководители стройки, и архитекторы, и поставщики, и партийное начальство, и советское. Понаехали руководители центральных ведомств, присутствовало руководство Российской Федерации и города Москвы.

Хрущев требовал ответа на вопрос: успеют ли до морозов закончить рыть котлованы и бетонировать фундаменты? Строители обещали успеть. На совещании досконально разобрали устройство спорткомплекса, спорили, как лучше организовать заезд: сделать основным въезд со стороны строящегося Комсомольского проспекта или же – с Саввинской набережной? Решили – с Саввинской набережной. Министр путей сообщения Бещев доложил, что весной рядом откроется станция метро, которую здесь же нарекли «Спортивная». По итогу согласились, что работы идут удовлетворительно. Но и без эксцессов не обошлось: котлован под Большую спортивную арену начали рыть на сорок метров левее – на месте, где планировали каскад фонтанов; потом гранит для причала на Москве-реке по цвету перепутали, а причал должен

был заработать еще в прошлом месяце; не хватало самосвалов, и энергетики опаздывали. Словом, все в точности, как на любой стройке.

– Глаза разуйте! – нервничал Первый Секретарь, но впечатление у него сложилось хорошее.

– Здесь так много ответственных за строительство лиц, что хочу я немного отвлечься от Лужников.

Никита Сергеевич встал, чтобы его лучше видели.

– Еще раз напоминаю, что программа по строительству жилья у нас ключевая. Товарищ Фурцева знает, как я наставлял московское руководство – строить, строить и строить! Сегодня Москва подает пример. Но жилищная программа на Москве не ограничивается. В каждом городе, в каждом сельском районе, должны не мешкая возводить типовые дома. Мы, товарищи, обязаны улучшать жилищные условия граждан и не просто улучшать, а кардинально. Задача грандиозная, это вам не стадион построить, хоть и не обычный стадион, а стадион-великан. Чтобы решить поставленную партией задачу, чтобы каждая семья к 1970 году получила собственную квартиру, надо постараться. Дома построить, это полдела. А школы? А детские сады? А больницы? А магазины? Ничего из вида упускать нельзя. В новых районах надо каждую мелочь предусмотреть, чтобы человек чувствовал себя комфортно.

Говорят, на Западе люди живут лучше. Я не соглашусь, не совсем это верно. Где-то лучше живут, где-то – хуже, а где-то, извиняюсь, еле ноги волочат. Только за границей перспектив нет, там человек на жилье жизнь должен положить, скопит ли за целую жизнь необходимую сумму, чтобы собственное жилье заполучить – неизвестно. Хорошо, если скопит, а пока не скопил, огромные деньги за квартиру частнику отдает! Может, и детям его придется за родителей расплачиваться, может, я этих тонкостей не знаю, знаю только, что за границей жилье бесплатно не дают, а у нас – будем давать!

В каждом регионе должны развернуть заводы по производству строительных материалов. Раньше дома лепили из чего попало. Зайдешь, бывало, в переулок, а там не дома, а лачуги стоят, в лачугах люди живут! А мы – наш паровоз вперед летит! Летел паровоз да не туда, кругом караул! И вроде бы для человека старались. Почему, спросите, так получилось? А потому, что единой линии в строительстве не имели, кто на что способен, тот так и строил. Один лес раздобыл, из дерева строит, другой кирпичи, и выходило – лебедь, рак да щука! Визуально отвратительно, и жить в таких домах неудобно, но так как вообще жить негде, то на подобное уродство соглашались. Строить абы как нам сегодня стыдно! Будем строить нехитрые дома, пятиэтажные, но аккуратные. Почему пятиэтажные? Потому что экономно, быстро и функционально. В пятиэтажке лифт не нужен, не так высоко на пятый этаж добежать. Пусть простоят эти дома двадцать лет, пусть потом его снесут к чертовой бабушке и поставят на месте пятиэтажки красивейшее здание, но пока за эти неказистые с виду дома миллионы людей спасибо скажут. В пятиэтажках скорость, тут любованием заниматься нечего! Наша перспектива – железобетонное, сборно-каркасное строительство. Будем лить панели и гнать на полную катушку! Но здесь должна быть точность в проектировании, точность в расчете и точность в исполнении. А у нас инженер-строитель шестьдесят деталей рассчитать не может, расчет сделать так, чтобы дыры в заборе, где собака пролезет, не оказалось! Если бы часовой завод продал вам часы, которые отставали бы на пять минут в сутки, это вроде очень маленький допуск на точность, и мы вроде бы должны были смириться, так нет! У нас часы на минуту отстанут, а мы уже кричим – ни к черту часы! Так неужели шестьдесят деталей сборного железобетона на типовой дом рассчитать невозможно?! На сборке подобного дома нужно молоток выбросить, зубило не давать, надо делать так, чтобы каждая деталь села на свое место, – тогда это сборка! А если рабочий тащит за собой зубило и молоток, чтобы доработать конструкцию, тогда эта сборка будет неинтересна, она будет слишком дорого обходиться, и жить в доме с дырами придется заставлять. Строителей в наказание туда заселим, потому что кругом будут жуткие

сквозняки и адские условия. Но я убежден, если крепко возьмемся, до такого не дойдет! За успехи я хвалю, но основное внимание на недостатки обращаю. То, чего мы достигли, это уже в кармане лежит, это у нас никто не отберет.

– Правильно! – не удержалась Фурцева.

– Мы запустили строительство на круглогодичную основу, ушли от сезонности, хорошо! Теперь надо активней внедрять современные материалы, не бояться нового. Мы сейчас запускаем целый ряд заводов по сухой штукатурке. Надо использовать щитовой паркет, краски по бетону, лаки. Надо наладить выпуск цементной плитки, чтобы дорожки во дворах мостить, пользоваться трубчатыми лесами для отделки фасадов. Тогда мы получим не только хорошую скорость, но и хорошее качество. Эти новшества решают и еще один главный вопрос – снижения себестоимости. За счет экономии мы сможем потратить лишние деньги на обустройство квартир. Обязательно надо предусмотреть в современных домах встроенную мебель. Приедут жильцы, а у них в прихожей уже есть шкафы, над головой антресоль. Удобно? И удобно, и радостно!

Следующее предложение. Зачем нам чердаки, эти пустые никчемные пространства? Считаю целесообразным отказаться от чердаков или если без чердака уж никак не обойтись, делать и там жилье, хотя жилье на чердаке получится второсортное.

– Без чердаков стройка быстрее пойдет! – раздался голос Ясного.

– И денег потратим меньше, – поддакнул Промыслов.

– Рад, что понимаете! Имеет смысл применять кирпичи с примесью опилок, они более теплые и более легкие. Потом – по высоте потолков. Высота потолков не должна превышать два с половиной метра. За счет этого получим ощутимую экономию в эксплуатации. Поди обогрей квартиру с потолком в три или в четыре метра!

Недавно я смотрел новый проект дома. Все вроде бы продумано и даже современно с точки зрения архитектуры, только есть одно «но», в квартире имеются затемненные места, куда солнечный свет не попадает. Это неправильно. Что получится, если мы настроим красивые дома, но там будут никудашные условия проживания? Это будет очень плохим украшением. Жильцы должны любить свои квартиры, радоваться, чтобы было в них хорошо, чтобы семьи росли. Мы тем, кто третьего ребенка заводит, по всем вопросам навстречу пойдем, потому что только третий ребенок дает прирост общества. Нам бы миллионов сто детей нарожать, тогда б горя не знали, на все бы рук хватило! Рожайте – кусок хлеба найдется, и место найдется на нашей советской земле!

– Будем рожать! – раздалось из зала.

Никита Сергеевич довольно заулыбался.

– Видите, какой я вам доклад учинил, что уже рожать хочется!

Зал радостно загудел.

– Нам надо быть рачительными хозяевами, надо деньги считать! Может быть, удобнее было не метро строить, как мы сейчас делаем, а каждому личный автомобиль дать, на автомобиле и скорость больше, и подъедешь куда надо, может и так. Но если бы мы дали каждому по автомобилю, лишились бы возможности ездить по городу, потому что все улицы стали бы забиты машинами, а подземное метро никому не мешает. Словом, во всем должна быть логика, удобство и смысл.

В зале зааплодировали. Никита Сергеевич поднял руку. Зал успокоился.

– Вчера мы общались с Екатериной Алексеевной, и она мне говорит: «Сколько же лет нам строить, всю жизнь, что ли?» А я отвечаю: «Вечно будем строить, безостановочно!» Вот я и подумал, что строитель – это очень полезный в обществе человек, человек, от которого зависит будущее, а своего профессионального праздника у творца-строителя нет. У моряков праздник есть, у железнодорожников тоже. 18 августа справляли День авиации, и строителю свой праздник необходим. Сегодня какое число?

- Второе сентября.
- Не возражаете, если праздник строителя будем праздновать шестого?
- Не возражаем!
- Видите, не зря мы собрание провели! – взмахнул рукой Никита Сергеевич.

11 октября, вторник

В Москве опадала листва, все отчетливей проступала неприветливая серость, в ветре сквозило одиночество и какая-то обездоленная пустота. Птицы огромными долгими стаями улетали на юг, одни хрипло каркающие вороны да суетливые городские голуби на зимовку остались. Голуби набивались по чердакам, где зимовали нахохлившейся гурьбой, а вот вороны, одинокие странники, хоронились от холода, где придется. Сильные птицы, неприхотливые, но зловещие. Ночами на дорогах подмерзала вода, оттаивая лишь днем, когда из-за туч ненадолго появлялось подслеповатое осеннее солнце, а со вчерашнего дня лужи так и не отмерзли, с неба срывались крупинки снега. Еще не мело, но присутствие холодов пробиравало насквозь, хотя синоптики обещали к концу недели резкое потепление. Вечно они ошибаются, эти синоптики!

Никита Сергеевич перелистывал «Правду». Не нравилось ему, что в центральной газете мало места уделяется целине. После пожара приходилось многое выстраивать заново. Брежнев в Казахстане старался. Нина Петровна симпатизировала ему и его жене Виктории. Когда Брежнев появлялись в Москве, непременно приглашала Викторию Петровну в театры, а домой – так обязательно.

Просмотрев газету, Первый Секретарь потянулся за корреспонденцией, которую в специальной папке с золотым тиснением «Почта», каждое утро подавали помощники. Самым первым лежало письмо из Академии наук.

– Шо ученые мужи накалякали? – Никита Сергеевич поднес бумагу к глазам.

С первых же строк он оказался точно под ледяным душем. Речь шла о президенте Академии сельскохозяйственных наук Лысенко. Академики писали, что Трофим Денисович никакой не ученый, а фальсификатор. Что своими лженаучными теориями наносит непоправимый ущерб экономике, а его защитник и сподвижник, министр сельского хозяйства Лобанов, мошенника целиком покрывает, потому и сам стал сельхозакадемиком, да к тому же вице-президентом ВАСХНИЛ. Так называемые «лысенковские открытия», писалось в этом крамольном письме, высосаны из пальца и, говоря начистоту, – авантюра. Высмеивали и то, что Лысенко и Лобанов выдавали себя за последователей Мичурина, которого, в свою очередь, характеризовали как неуча и самодура.

Хрущев похолодел от возмущения – еще при Сталине мичуринскую агробиологию подняли на высоту, а Лысенко, при том же Сталине, стал Героем Социалистического Труда! Методы предложенных им посадок применялись с 1937 года. На протяжении почти двадцати лет Лысенко являлся флагманом сельского хозяйства, выступал на международных симпозиумах, всесоюзных семинарах, а в письме его выставили жуликом и мистификатором! Лобанов и Лысенко первыми поддержали идею освоения целины, а эти хитроумные гении притаились, как мыши, ни да тебе, ни нет! У Хрущева по спине ползали мурашки – вопиющая бумага! Подписей под письмом была уйма. Встречались и хорошо знакомые фамилии, и совершенно незнакомые. Среди прочих Никита Сергеевич разглядел автографы атомщиков Зельдовича, Тамма, Сахарова, Леонтовича, математика Келдыша – это особо смутило Первого Секретаря.

– Как же так? – вглядываясь в фамилии, шептал он. – Невозможно!

Триста человек подписало обращение в Центральный Комитет. Хрущев стал с пристрастием изучать подписи и должности.

– Академик Немчинов куда лезет, он же философ! А Орлов из Института палеонтологии почему здесь? А лесник Сукачев?! Ну не бред ли? Это возмутительно! И Харитон подписал,

и Капица. Стыдоба, стыдоба! Постеснялись бы! Если какой-нибудь литератор или лесник в физику нос сунет и начнет советы давать, небось зашикают! Как образованные люди могли поставить подпись под подобной возмутительной бумагой? Тут очевидно сговор!

В негодовании Никита Сергеевич сорвал телефонную трубку и приказал соединить с Брежневым.

– Леонид! – прокричал Хрущев. – Академики на Лысенко пасквиль накатали. Пишут, что он шарлатан! И Лобанова к нему пристроили!

– Поклеп, – спокойно отозвался Брежнев. – Я не верю.

– И я не верю, – тяжело дышал Первый Секретарь. – Но ведь триста человек подписали, разве ж такое возможно?!

– У нас, Никита Сергеевич, всякое возможно, – отозвался Леонид Ильич. – При желании и тысяча человек подпишется, и десять тысяч, вы же знаете.

– Знаю! – уныло согласился руководитель компартии.

– Трофим Денисович великий практик, – продолжал Брежнев, – трудоголик и фанат своего дела. Пусть в чем-то ошибся, ложным путем шел, но наука и есть поиск, метод проб и ошибок. Известно, что количество неизбежно переходит в качество, – заключил целинник. – И Пал Палыч дельный министр. Я не могу с мнением авторов согласиться.

– Правильно говоришь!

– Кроме Лысенко и Лобанова, кого можно в агрономической науке выделить? Полевода Мальцева, профессоров Чижевского, Лорху, Лесниченко? Пустовойт еще есть. Другие на ум не приходят.

– Терентий Семенович Мальцев от Лысенко в восторге и огромное уважение к Лобанову испытывает! – закивал Первый Секретарь.

– Есть перечисленные фамилии в списке подписавших бумагу? – поинтересовался Брежнев.

– Таких нет.

– Непрофильные мыслители с чего взяли, что Лобанов профан, а Лысенко фальсификатор? Они, что, ботаники?!

– Геолог про картошку рассуждает, физик про свеклу! – прохрипел в трубку Никита Сергеевич.

– У нас с вами одно мнение, заврались! – констатировал Брежнев.

– Мичурина вспомнили, что он неуч, три класса окончил, что пьяница! – негодовал Первый Секретарь.

– В руководстве государства людей без образования хватает, а разве они не на своем месте? На своем. Кто с упорством трудится, любого теоретика за пояс заткнет, по одним книгам сути не нащупать, тут с головой окунуться надо. Практик всегда на переднем краю, а выпуск заумных умников – не уверен, что дело вперед побежит! – продолжал Брежнев. – А про Мичурина и Лысенко давно анекдоты ходят.

– Знаешь, что ли?

– Послушайте. – Леонид Ильич кашлянул. – У академика Лысенко спрашивают: «Скажите, как умер Мичурин?»

– Ну?

– Упал с ветки арбуза!

– Бестолочи! Ладно, Леня, работай! – попрощался Первый Секретарь. На сердце у него отлегло.

Из приемной доложили, что подъехал Шепилов. Хрущев встретил нового министра иностранных дел хмуро.

– Вот сию, Дмитрий Трофимович, писанину академическую разбираю. Лысенко ругают. – Никита Сергеевич протянул бумагу.

Шепилов надел очки, и внимательно прочитал текст.

– Что думаешь?

– В сельском хозяйстве вы – высший авторитет, – осторожно начал министр иностранных дел. Он-то знал, что в научных кругах давно ходят разговоры, осуждающие Лысенко. И отношение к министру сельского хозяйства Лобанову было резко негативное. Но принимая во внимание симпатии Первого Секретаря, предусмотрительно выговорил: – Торопятся!

– И Брежнев сказал – поклеп! – просиял Никита Сергеевич.

Шепилов утвердительно кивнул головой.

– В ЦК обратиться не постеснялись! Прямо мне в руки пасквиль подсунули, минуя сельхозотдел. С этим еще разобраться надо!

– Трофим Денисович в науке не новичок, его работы вся страна знает, – поддакивал Шепилов.

– Ты, Дима, сам ученый, а ведь не лезешь не в свое дело! Если врач в ракетостроении начнет советы давать, а биолог – в металлургии, что получится? Бардак получится. Мы выскочим зад надерем!

Хрущев вызвал Демичева.

– Возьми-ка это письмо и составь по авторам справку, кто какой наукой занимается, какие имеет основные труды, открытия какие. Понятно?

– Понятно.

Помощник ушел.

– Посмотришь, Дмитрий Трофимович, что большинство из них, – Хрущев постучал указательным пальцем по крамольной бумаге, – к сельскому хозяйству касательства не имеют. Ох, вы у меня попляшете! Хорошо, у президента Академии наук ума хватило этот пасквиль не подписать. Давай Алпатова ко мне! – сняв телефонную трубку, выкрикнул Хрущев.

Шепилов с одобрением смотрел на руководителя.

– Т-а-а-а-к! – потирал руки Первый Секретарь.

– Я, Никита Сергеевич, пришел по Америке посоветоваться.

– Говори!

– Американцы хотят в Москве выставку провести, показать успехи техники, промышленности, словом, свои достижения продемонстрировать, американский образ жизни, так сказать. Разрешим?

– С Америкой надо налаживать живые, неформальные отношения. У меня возражений нет, самому интересно поглядеть, хотя, пожалуй, сплошное очковитительство будет, иначе зачем выставки нужны? Хорошо б и нашу выставку в Америку послать, предлагай им в форме обмена делать. У нас тоже успехи грандиозные. Подумаем, чем блеснуть. И начини, Дима, разговор о моей поездке в Соединенные Штаты. Хочу глазами Америку оглядеть.

– Правильная идея!

– Американцы, небось, думают, что по Москве медведи разгуливают, и люди в звериные шкуры одеты?

– Обыватели так думают.

– Значит, советская выставка в США необходима! Ну, вы меня поняли, товарищ министр!

Шепилов ушел. Никита Сергеевич еще раз накрутил помощника по наглым академикам и начал пересматривать многочисленные бумаги. Он работал быстро, четко, еще при Сталине научился сразу улавливать суть, отбрасывать шелуху, поэтому работа шла скоро, секретари и помощники удивлялись его работоспособности. Хрущев действительно был на подъеме. Кто знает, может он перерос Сталина? Именно так хотелось ему думать. Он чувствовал в себе силу, нечеловеческую силу, силу вершителя судеб. Хотелось сделать что-то необъятное, великое, чтобы его помнили, долго помнили. Нет, не долго, вечно помнили и вечно благодарили!

12 октября, среда

Екатерина Алексеевна Фурцева и председатель Комитета советских женщин Нина Васильевна Попова торжественно открыли в Москве фабрику по пошиву фасонного женского белья. Екатерина Алексеевна была несказанно довольна, опытные образцы, которые ей показали, оказались удобными, и главное, расцветки получились игривые, а не бело-серое однообразие.

– Цвет – это не пустяк, это настоящий праздник для женщин! – не уставала повторять секретарь горкома. Образцами она поделилась с подругой, молодой, подающей большие надежды певицей Людмилой Зыкиной, которая, пока не побывала за границей, и про заморские изыски знала понаслышке. Дары Екатерины Алексеевны привели артистку в восторг. Певица распеловала благодетельницу, приговаривая:

– Такое вам спасибо, Екатериночка Алексеевна, ну прямо не знаю какое!

– Придется тебе на открытии фабрики спеть. Что-нибудь душевное, чтоб сердце обмерло!

– Это обязательно! – пообещала Люда.

И спела. Голос у Зыкиной мощный, красивый, как полноводная река, льется, завораживает, до корешков волос пробирает. Исполнила она три песни и все про любовь. Присутствующие (а это в основном были женщины) слушали как зачарованные, с полтыщи человек на торжественный митинг собралось.

– Ты, Людочка, так спела, будто весна пришла! – благодарила Екатерина Алексеевна.

После Зыкиной популярнейшая актриса кино Любовь Орлова сказала теплые слова, за ней еще две женщины выступили, благодарили руководство города за такое нужное дело. Лишь летчица Легкоступова, член оргсовета Комитета советских женщин, отреагировала странно:

– Дурачество! Зачем в полете на истребителе о сиськах думать?! Нашли глупое развлечение и радуются! Простая и надежная одежда: трусы да майка. Мужик, когда на бабу лезет, он с нее последнюю тряпочку стаскивает, ему тот лифчик даром не сдался! – тараторила летчица. – Да еще название придумали, не выговорить: бюст-гал-тер! Язык сломаешь!

Екатерине Алексеевне было неприятно слушать подобные заявления – зачем дуру позвали? В заключительном слове Нина Васильевна Попова попыталась сгладить острые углы, но осадок все равно остался нехороший. Фурцева отказалась от чаепития и поехала домой. Хотелось побыть в тишине, не видеть вечно заискивающих, елейных лиц, не слышать бесконечных просьб, жалоб. Попад на дачу, она два раза обошла дом, но так и не обнаружила своего Валеру.

– Где Валерий Андреевич? – спросила хозяйка.

– В тринадцать часов уехал, – ответил дежурный.

«Может, к матери?» – предположила Екатерина Алексеевна и пошла переодеваться. Часы показывали половину восьмого.

В полночь ее разбудил громогласный выкрик:

– Вставать! – и чьи-то руки бесцеремонно стиснули спящее тело.

Кротов был пьян.

– Отстань! Иди в гостевую! – она безуспешно пыталась освободиться.

– Х...! – грубо искривился его рот. Кротов хищно схватил еще не проснувшуюся подругу.

– Да отстань!

Женщина, изловчившись, освободилась от пьяных объятий и включила свет. Валерий был всклокочен, рубашка неряшливо торчала из брюк, галстук на боку. За версту несло перегаром.

– Ты где шатался?!

Он повалился лицом на кровать и через секунду захрапел.

– Нажрался, сволочь! – Екатерина Алексеевна одернула ночнушку, ушла в гостевую комнату и заперлась на ключ.

Заснуть не получалось, оскорбленная и разъяренная, она встала, накинула халат и пошла вниз, за коньяком. Проходя мимо главной спальни, дверь в которую так и осталась открытой, увидела пьяного друга, который храпел, лежа в одежде и ботинках, поперек огромной кровати.

– Гад неблагодарный! – чуть не плача выговорила Екатерина Алексеевна. Валерий был омерзителен, от него воротило.

Женщина залпом выпила рюмку коньяка – завтра предстоял тяжелый день, бюро горкома, ей необходимо было успокоиться и заснуть.

Вернувшись в гостевую, Фурцева умылась и только тут заметила под глазом лиловый след.

– Синяк! – оторопела она. Вырываясь из навязчивых объятий, ее холеное личико наткнулось на тяжелую руку сожителя. Видно, так произошло. Не мог же Валера специально ее ударить? Или мог?!

«Заснуть, главное – заснуть!» – натянув одеяло до подбородка, повторяла секретарь горкома.

Глаза слипались, коньяк действовал. Екатерина Алексеевна уже провалилась в небытие, уже полетела по сумеречным коридорам ночи, ее уже баюкали неясные тени, дурманили сны, она уже стала забывать про своего распущенного любовника, как вдруг дверь ее спальни содрогнулась, в нее разъяренно дубасили. Бум! Бум! Бум! Бум! – сыпались удары.

– Впусти! – послышался истошный вопль, и снова дверь содрогнулась от натиска. – Все равно достану!

Екатерина Алексеевна заткнула уши.

– Какой подлец! Подлец, подлец! – укрывшись с головой, с негодованием шептала хозяйка.

Кротов ломился к ней в спальню, бил кулаками, лупил по двери ногой.

– А ну, бл..., открывай! – дубасил он, дубовая дверь не поддавалась. – Принесу топор, в щепки разнесу!

Она решила, что Валерий шутит, но скоро по дереву ухнул топор.

– Ну, бля, сезам, откройся!

Фурцева в ужасе зажмурилась: «Прибьет меня!»

В коридоре раздался истошный вопль:

– А-а-а-а-а!!! Не бей, не бей! Палец отдал! – заскулил кротовский голос.

За дверью слышалась глухая возня.

– Мы его схватили, Екатерина Алексеевна, что дальше делать? – это был голос ее прикрепленного. – Топорик отобрали, он его с кухни взял. Топорик, мясо рубить, – уточнил капитан.

– Заприте, но не в доме! – подходя вплотную к покалеченной двери, распорядилась хозяйка. – «Хорошо пьяного мудака охрана услышала, а то бы убил меня, сукин сын!»

Она слышала, как Валерку потащили к выходу.

– Шевелись! – подгоняли хулигана плечистые офицеры.

– Че вам, я вас не звал! – упирался никак не трезвеющий Кротов. – Ща как дам!

Наутро Екатерина Алексеевна долго закрашивала, маскировала расплывшийся под глазом лиловый след. Получалось неважно. И в таком ужасном виде она должна показаться на работе! Секретарь горкома спустилась в столовую, где ей подали завтрак. Екатерина Алексеевна взглянула на стол, напротив ее прибора был приготовлен прибор для сожителя. Безусловно, прислуга уже знала о ночном происшествии. Фурцева съела овсянку и выпила чай с молоком.

– Второй прибор больше не ставьте! – сухо распорядилась начальница.
Когда садилась в машину, вопросительно взглянула на прикрепленного.
– В бане заперли, еще дрыхнет, – объяснил капитан.
– Видеть его не желаю, – одними губами произнесла хозяйка. – Как проспится, сразу за ворота, пусть пешком до Москвы чешет!

18 октября, вторник

Миновав массивный кирпичный забор замка фабриканта Зубалова, в котором жил теперь Анастас Иванович Микоян, «ЗИС» первого секретаря Московского городского комитета партии свернул с Успенского шоссе и по узенькой дорожке через сосновый бор устремился в сторону фурцевской дачи. Три плавных изгиба дороги, дальше – вытянутая полянка, горбатый мостик через ручей, слева непроходимые заросли орешника, и перед машиной окажутся ворота. Вот и мостик, серый, унылый, осенний, с выцветшей краской. Его покатая спина, через которую, неизменно с покачиванием, переваливалась правительственная машина, как бы предупреждает – приехали! «ЗИС» притормозил, тихонько взобрался на мостик и плавно съехал вниз, и тут на середине дороги, прямо напротив орешника, возникла фигура. Шофер остановился. Повинуясь инерции, пассажиры, невольно подались вперед.

– Кротов! – указывая рукой на человека, который преградил проезд, произнес прикрепленный.

Валера стоял без головного убора, волосы его были растрепаны, как-то несуразно сидел на нем короткий серенький плащ. Он умоляюще сложил на груди руки и жалко смотрел на автомобиль.

– Чего с ним делать-то, товарищ Фурцева? – растерявшись, спросил капитан.

Екатерина Алексеевна взглянула вперед, на когда-то столь дорогого юношу, повзрослевшего в ее роковых объятьях: «Какой он был трогательный, милый!»

Раскаявшийся любовник приблизился, и еще печальней сделалось выражение его серых, невообразимо больших глаз, еще жалостливее скривился рот, еще беспомощнее прижались к груди несуразные руки. Она во все глаза смотрела на бесконечно раскаявшегося молодого человека, которого приблизила, приголубила, полюбила. Глаза, полные непреодолимой печали, не позволяли больше сердиться, носить обиду. Заплаканные, красные от слез Валерины глаза перебили ход ее суровых мыслей, растрогали. Екатерина Алексеевна открыла окно, и тогда несчастный бросился к машине, и, упав на колени, зарыдал:

– Прости, меня, прости!

Милый, родимый голос! Фурцева не выдержала, открыла дверь:

– Садись!

Кротов беззвучно замер на мягком бархате сиденья. Он снова очутился в мире власти и могущества.

– Прости! – вымолвил раскаявшийся обидчик.

Высоченный, крупноплечий Валера словно превратился в лилипута. Фурцевой стало так жаль его, безмозглого, вздорного, совсем еще юного. Машина двинулась дальше. Глухо прогнав, автомобиль въехал на охраняемую территорию и подрулил к дому.

– Затмение! – шептал Валерий. – Напился, ничего не помню! Ничего!

– Будешь спать в гостевой! – распорядилась хозяйка.

Вечером, задернув в спальне шторы, Екатерина Алексеевна не стала запирасть на ключ дверь, и он пришел, обнаружил в темноте ночи ее истосковавшееся тело! Содрав все, что на ней было, лютым зверем набросился на жертву, и – растерзал, управляя женщиной грубо, повелительно, так, как может управлять ею только мужчина, как задумала мать-природа. Она пробовала сопротивляться, но сдалась, отдаваясь его жадным движениям, заражаясь таким же перво-

бытным животным огнем. И вот они – одно целое, нераздельное. Не распутать, не разомкнуть всепроникающий клубок рук, ног, тел, сомкнувшийся в обреченной близости.

Екатерина Алексеевна не помнила, как заснула, как провалилась в бездонность темноты, но снов сегодня ей не хотелось, потому что все ее заветные желания свершились!

24 октября, понедельник

История с Лысенко, а соответственно, и с Лобановым не закончилась. И хотя за видных мичуринцев до пены у рта вступились ученые Презент, Глушенко, Бошнян и Лепешинская, а Отдел науки Центрального Комитета немилосердно разогнал редакцию журнала «Успехи современной биологии», которая осмелилась опубликовать возмутительное письмо, все пошло не по хрущевскому сценарию и вовсе не гладко. Не успел Никита Сергеевич собрать нелицеприятные материалы на ученых, подписавших обличающий документ, как «письмо трехсот» (так стали именовать гадкое послание) попало в газеты. С подачи Молотова полный текст появился в «Труде», его перепечатала «Советская Россия», единодушно поддержали практически все академические издания. По поводу Лысенко, который, как утверждалось, «на корню задушил отечественную генетику, выдвинув в противовес сомнительную теорию эволюции растений», развернулась яростная полемика, и даже не полемика, а настоящее наступление. Коснулось оно и вице-президента Сельхозакадемии, министра сельского хозяйства Лобанова, которого обвиняли в бездейственности, пособничестве Трофиму Денисовичу и, соответственно, в катастрофических провалах по сбору пшеницы. Чего только им ни приписывали, научные подходы громили, умудрились приплести Лысенко к аресту академика Вавилова, чье кресло в Институте генетики, а впоследствии и в Академии сельхознаук тот занял. Сельхозакадемия была у всякого на устах, невозможно было унять крикунов властным окриком из кабинета со Старой площади. С таким множеством авторитетных недовольных приходилось считаться.

Первый Секретарь сделал выволочку президенту Академии наук: «не пойми кто суется не в свое дело!» Досталось и министру сельского хозяйства России Бенедиктову, который в противовес мнению Никиты Сергеевича стал высказываться о Лысенко и Лобанове неуважительно.

Как ни пытались остановить поднявшуюся истерию работники ЦК, не получалось. Хрущев с невеселым видом дал согласие на создание специальной комиссии по проверке деятельности академика Лысенко и министра Лобанова. Комиссии предстояло обстоятельно проверить работу Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, дать заключение о деятельности Института генетики и оценить на соответствие должности министра Лобанова. И, хотя председателем созданной комиссии был назначен Брежнев, в секретариате Булганина уже заготовили постановление о возврате в Союзное министерство Ивана Бенедиктова, а Пал Палыча предполагалось услатить заместителем в Совет Министров Российской Федерации.

- Ты плачешь?
- Плачу! – всхлипывала Леля.
- Не плачь! – утешал Сергей.
- Па-пу о-би-жа-ют! – нараспев проскулила девушка. – Что он плохого сделал?!
- На Лобанова, казалось, ополчился весь свет!
- Лелечка, моя хорошая! – Сергей сел рядом, обнял за плечи.
- Леля сотрясалась в рыданиях.
- Они его погубят! У папы больное сердце!
- Не позволим! – прошептал Хрущев-младший. – Отец не даст!
- У-у-у-у! Вечером к папе приезжали врачи...
- Сережа несмело придвинулся и поцеловал ее в щеку.

– Лелечка, родная моя!

Он осторожно гладил темные волосы и, наконец еще раз, уже смелее, поцеловал:

– Я... Я... Я люблю тебя!

Леля вскинула голову и заглянула своими большими карими глазами ему в лицо. Сережа смутился. Он смотрелся забавным, с тонкой шеей, выглядывающей из-под ворота слишком свободной рубашки.

– Повтори? – попросила она.

Сергей часто задышал:

– Люблю тебя!

Леля перестала плакать и улыбнулась:

– Ах ты, мой профессор! – и нежно прижалась к юноше.

Сергей замер, не смея пошевелиться.

– Обними крепче!

Он обнял. Она подняла лицо, и ее алые губы прильнули к его губам. Поцелуй был долгий, страстный, первый настоящий сержин поцелуй. Хрущев-младший захлебнулся в нем, захмелел.

– Защитите нас! – просила Леля. – Не отдавайте на растерзание!

– Не отдадим, ни за что не отдадим! – отозвался юноша. Голос его стал твердым, а губы, губы вновь слились с ее зовущими губами...

29 октября суббота

Было два часа дня. Над Севастопольской бухтой парили белоснежные чайки, сотни катеров, яхт и лодочек, бороздили пространство из конца в конец, шныряя между кораблями. На песчаных отмелях, где берег был пологим и доступным, в надежде последний раз понежиться на припеке, появились люди. Осенний день выдался на удивление солнечным и теплым. Пионеры шестого класса 12-й школы на тихоходном ботике прошли вдоль ряда военных кораблей, стоящих друг за другом. Папа Миши Шершова, служивший замполитом полка торпедных катеров, заручившись согласием своего непосредственного начальника, устроил для школьников эту увлекательную экскурсию. Дети совершили длинный круг по бухте и уже поворачивали в сторону пристани, как что-то утробно ухнуло, море под катерком точно споткнулось, просело, суденышко наскочило носом на тяжелую, непонятно откуда взявшуюся волну, подпрыгнуло, да так, что двое учеников не удержались на ногах, а Петя Иванов чудом не вывалился за борт.

Моторист сбавил скорость, и тут все заметили, как самый большой, самый красивый, самый быстроходный корабль, пришвартованный у третьей бочки, напротив Графской пристани, точно в замедленном кино, начал крениться на бок. С корабля слышались беспорядочные крики, истошные вопли, внутри него что-то алчно чавкало, заваливая судно, которое опрокидывалось круче и круче, пока рывком не перевернулось, оказавшись вверх дном. В нелепом, беспомощном положении огромный корабль продержался, может, пять, а может, целых двадцать минут, которые, затормаживая время, растянулись, словно на века, и все длились и длились. Вдруг линкор вздрогнул и пошел ко дну, выпуская тысячи тысяч мелких пузырьков и грозди непомерных пузырей, таких огромных, что в пузырях этих, рвущихся на волю из пучины, можно было вместить рейсовый автобус. Проваливаясь на дно, линкор чудовищным водоворотом утянул за собой все, что было вокруг: морскую соленую воду, старавшуюся удерживать флагман на плаву; бурые пятна машинного масла и переливчатые остатки топлива, которое неизбежно проливалось за борт; втянул в шипящую утробу горелые спички, окурки, клочья тряпок, обрывки бумаг, газет, словом, весь несуразный мусор, что обычно плавает за бортом стоящих на причале кораблей. Немыслимая воронка водоворота проглотила выводок шустрых бакланов, которые почему-то оказались рядом, они так и не смогли добраться до поверхности,

так как никакой поверхности больше не существовало. И быстроходный катер командующего линкором, пришвартованный с левого борта, который привозил командиру семью и собирался отчаливать, алчный водоворот всосал, словно игрушку. Он утянул за собой даже кусок синего неба, распластанного над раненым кораблем, окрасив пустое пространство в отгаливающие мутные тона. Никто из пропавших не появился на поверхности, одни гигантские глухо булькающие пузыри были предсмертными вздохами потерпевшего крушение судна.

– Спасите! Они тонут! – истерично закричал веснушчатый Вова, его папа служил на линкоре радистом.

– Тонут, тонут! – подхватили дети и взрослые.

– Жми туда! – заорал мотористу молоденький капитан катерка, а сам, распахивая детвору, устремился к носу.

– Убери детей, детей убери! – кричал он долговязой учительнице, которая, закрыв лицо руками, застыла в оцепенении.

Не только катерок со школьниками, но и с десятков находившихся поблизости суденышек стали очевидцами происходящему, и теперь мчались к месту катастрофы. А на берегу еще никто ничего не понял. В кафе, расположенном с тыльной стороны дома офицеров, играла медленная музыка, посетители распивали пиво и вино, молодцеватый старшина первой статьи приглашал на танец светло-русую практикантку из районной поликлиники, которая накануне проверяла у него зрение. Полнеющий официант заправски подавал горячее и слащаво улыбался расфуфыренной даме, рассчитывая на хорошие чаевые. Ветер чуть дрогнул, что-то вдалеке громынуло.

– Учения, – наклонившись к ушку девушки, разъяснил обходительный старшина, а на пирсе у воды уже забегали, засуетились, указывая на то место, где какую-нибудь минуту назад красовался несокрушимый линкор. И вместо испуганного слова «тонут!» – говорили уже другое, трагическое слово «утонул».

Страх, скорбь и боль леденили души. Трагедия свершилась, линкора «Новороссийск» больше не существовало. На его месте нелепо плавали малюсенькие катерки, пытаясь подобрать уцелевших, все-таки выхваченных изнутри гигантскими, воскрешающими пузырями.

– ЧП, Никита Сергеевич! – звонил маршал Жуков. – В Севастопольской бухте линкор «Новороссийск» утонул. Много жертв.

– Как утонул? Как прямо в бухте?!

– Диверсия.

– Да как же так, товарищ министр?! – приблизив трубку ко рту, закричал Хрущев.

– Я докладывал о бездеятельности главкома флота! Мои приказы там не работают.

– Виновных под суд! – прохрипел Хрущев.

Разговор был окончен.

– Соедините с Серовым! – велел Первый Секретарь.

– Знаешь? – спросил он председателя КГБ.

– Знаю.

– Сколько людей погибло?

– Около тысячи человек. Корабль подорвали.

– Ты по существу говори!

– Похоже, в Севастополе работала вражеская диверсионная группа. Действия КГБ там ограничены, безопасность города и места дислокации флота, отданы спецслужбам моряков. В Севастополе процветает праздность, разболтанность, офицеры пьянствуют, порядка мало. Курорт, одним словом.

– Слишком поздно ты про курорт заговорил. Не уберегли линкор!

– Адмирал Кузнецов никого не слушает, а на Черноморском флоте его любимчик Пархоменко сидит, по нему у меня целое неприглядное досье.

– Тащи досье сюда!

– КГБ не раз обращало внимание Генерального штаба на негативные явления во флоте, в особенности на Черноморском. И Генштаб адмирал Кузнецов игнорировал. В начале года из наших источников поступала информация о возможных диверсиях в Севастополе, мы проинформировали военных.

– Почему раньше не говорил о состоянии дел на флоте?

– Зная ваши особые отношения с товарищем Булганиным... – начал генерал.

– Что ты на Булганина киваешь! – возмутился Никита Сергеевич. – Что он мне, брат, сват?!

– Говорю, как есть, его дочь замужем за сыном Кузнецова.

– Не путай дело с личными отношениями!

– Булганин – председатель Совета министров! – отозвался Иван Александрович, – А Комитет государственной безопасности создан при Совете министров, – на слове «при» генерал армии сделал ударение.

– Ты зубы не заговаривай – «при», «на»! Булганину Кузнецов до сраки! – Хрущев тяжело дышал в трубку.

– Установлено, что заградительную сеть, защищающую бухту от подводного вторжения, поднимали нерегулярно, буксир, заводивший ограждение, долгое время стоял на ремонте. Два судна, в задачу которых входила радиолокационная защита, обнаружение подводных плавсредств противника, службу несли безответственно, капитаны что ни день ходили по гостям. Предположительно группа подводников, из бывшего подразделения «Децима МАС» 10-й флотилии штурмовых средств Италии, на малой подлодке, проникла в Севастопольскую бухту и заминировала линкор. Во время оккупации Крыма фашистами 10-я флотилия базировалась в Севастополе и Балаклаве.

– Кому сейчас служат итальянские подводники?

– Их начальник, князь Боргезе, работает на ЦРУ. После окончания войны князь и его подчиненные были замечены на Мальте, где в то время стоял линкор.

– Князя недобитые!

– Прежнее название «Новороссийска» – «Джулио Цезаре» в честь Юлия Цезаря. Линкор был главным военным кораблем Италии. Думаю, именно эти причины легли в основу теракта. Диверсантам корабль был до мелочей понятен. Уже на Мальте было известно, что по репарации он отойдет СССР. Еще тогда могли задуматься о взрыве.

– Получается, итальянские водолазы к американцам пристроились?

– Или к американцам, или к англичанам. МИ-6 плотно связана с ЦРУ.

– Одна шайка-лейка! Видать, радуются сейчас.

– Линкор накануне вернулся из похода, где отрабатывались стрельбы из орудий 320-миллиметрового калибра. Новые снаряды главного калибра являлись носителями ядерного заряда. Об этом, думаю, было известно разведслужбам США и Англии.

– Ты так рассказываешь, будто сам с ними сидел!

– Работа.

– Работа! – прокричал Хрущев. – А линкор просрали!

– Разрешите направить в Крым бригаду Комитета государственной безопасности?

– Посылай. Мы и правительственную комиссию туда пошлем. В Крыму сейчас Ворошилов. Он должен завтра на праздновании 100-летия обороны Севастополя выступать, говорить о героизме русских воинов в Крымской войне 1855 года. А какой нынче праздник? На руках сотни гробов, а многие в пучине морской канули, в лабиринтах этого злосчастного крейсера! –

Никита Сергеевич тяжело вздохнул. – Ничем, ребята, вам не помочь, вот ведь беда какая! Проспали мы, Ваня, врага!

– В основе всего, Никита Сергеевич, лежит человеческий фактор.

– Ты мне лекцию не читай! – вспыхнул Хрущев. – Кого на место Кузнецова?

– Горшкова Сергея Георгиевича можно. Во время войны он Азовской флотилией командовал, потом Дунайской. Был замом у командующего Новороссийским оборонительным районом. После капитуляции немцев от командира эскадры до командующего Черноморским Флотом дорос. Сейчас заместитель у Кузнецова. Думаю, и Георгий Константинович по кандидатуре Горшкова возражать не станет.

– И я Горшкова-моряка помню.

После разговора с Серовым Хрущев снова соединился с министром обороны.

– Считаю целесообразным на время проверки причин катастрофы отстранить адмирала Кузнецова от должности главнокомандующего Военно-Морскими силами. Исполняющим обязанности главнокома предлагаю Горшкова.

– Пусть будет, – ответил Жуков. – На Северном флоте Чабаненко – неполноценный человек, и Пантелеева надо с флота снимать, совсем дисциплину распустили! – выговорил Георгий Константинович.

– Согласен. Чтобы расследование шло объективно и без проволочек, председателем правительственной комиссии буду рекомендовать вас, – договорил Хрущев.

4 ноября, пятница

Закрытым Указом Президиума Верховного Совета Адмирал Флотов Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов был разжалован в вице-адмиралы, освобожден от должностей заместителя министра обороны и главнокомандующего Военно-Морским Флотом. Его заменил сорокапятiletний Горшков.

Взрыв, приведший «Новороссийск» к гибели, сделал в корпусе судна пробоину размером 150 квадратных метров. Если бы заряд был установлен под пороховыми погребами и бомба оказалась в задуманном месте (а не произошло этого только потому, что, швартуясь ночью, штурман не рассчитал и продвинул судно на сорок метров вперед), на воздух бы взлетели соседние корабли, и потери бы были колоссальные.

Ряд старших офицеров Черноморского Флота отстранили от исполнения должностных обязанностей. Командир шумопеленгаторной станции, контролирующей вход в гавань, и командир соединения кораблей, отвечающих за охрану рейдов главной базы флота в Севастополе, были арестованы. В Главную военную прокуратуру был доставлен бывший командующий флотом, разжалованный Виктор Пархоменко.

Председатель КГБ сообщил Хрущеву, что в самом конце октября в акватории Черноморского флота находились несколько итальянских торговых судов, которые покинули территориальные воды СССР лишь 29 октября.

Со дня отставки адмирала Кузнецова Георгий Константинович Жуков стал непререкаемым командиром в армии, каждый солдат, каждый матрос, офицер, генерал слушали и признавали только его.

10 ноября, четверг

Екатерина Алексеевна лично выбирала цветы. Она делала такое в исключительных случаях, например, когда шла в гости к Никите Сергеевичу, и цветы предназначались для Нины Петровны. Фурцева всякий раз приносила ей восхитительные букеты, нет, не торжественные розы, которые прихватывал с собою всякий хрущевский гость, и не фальшивые в абсолютной

доступности, как две капли воды похожие одна на другую гвоздики – ими обычно отделяются на официальных празднованиях. Екатерина Алексеевна старалась преподнести что-то особенное, например, трогательные незабудки, чье голубое великолепие подчеркивали вкрапления в букетик соцветий белой кашки, или радовала только-только сорванными, начинающими распускаться пионами, или лесными ландышами, впитавшими чарующий аромат лета. Иногда вручала сноп полевых ромашек, да такой, что его трудно было удержать, а еще труднее – подыскать соответствующую вазу. Как-то привезла первые тюльпаны, вобравшие красоту с юной, весенней силой, словом, выбирала те цветы, которые наверняка отличались от повседневных. Но Нина Петровна словно не замечала внимания столичной начальницы, автоматически протягивала руку, скупно кивала, говорила что-то односложное, недолюбливала приветливую Екатерину Алексеевну. Может, завидовала ее привлекательной внешности, молоджавости, живости, открытости, неукротимому блеску глаз? Может, и так.

Однако сегодня Екатерина Алексеевна шла не к Хрущевым, ей поручили провести приехавшую в Советский Союз на лечение жену Председателя Китайской Народной Республики госпожу Цзян Цин, которая уже неделю находилась в кремлевской больнице. Екатерина Алексеевна обратилась за помощью к Лобанову, постаралась объяснить, какие именно нужны цветы, хотелось, чтобы букет вышел не формальным и не лукавым, а тронул знатную гостью, поднял ей настроение. С его помощью в Московском ботаническом саду можно было выбрать что-нибудь особенное. Хозяйка города знала, что Председатель Мао повсюду разбивал сады. Выбор остановился на небольшом, приятно пахнущем букетике крокусов. В подарок жене правителя Китая секретарь горкома приготовила янтарное ожерелье с браслетом и сережками. Специально для таких ответственных случаев подобные украшения заказывали в Прибалтике, а еще взяла расписную шкатулку. Цековские работники рекомендовали с видом Московского Кремля. Шкатулка «Кремль» была большая, торжественная; остроконечные башни с чешуйчатыми зеленоватыми крышами прописаны до мелочей, на стенах каждый кирпичик различим, рубиновые звезды сияют, но трепета нет! Фурцева распорядилась принести разных, чтобы было из чего выбирать. Секретарь горкома внимательно их пересмотрела, сначала хотела взять Палех, но потом решила остановиться на федоскинской технике, и выбрала вовсе не с Московским Кремлем, а с сюжетом русского народного гулянья, написанным в манере художника Кустодиева: со снегом, с санками, с пляшущими под гармошку залихватскими мужиками и румяными бабами в цветастых платках. Федоскино отличалось от Палеха искрящейся радостью, точно шампанское с шипящими пузырьками, которое пьянит и дразнит, а не обычное вино. В технике изготовления федоскинских миниатюр использовался перламутр, именно он создавал в работах объемную переливчатость, как будто сиял изнутри яркий солнечный свет. Палех, безусловно, был сказочен, но уж больно близок к иконописи. Строгое, православно-каноническое письмо придавало Палеху необратимую серьезность. В таком подходе ничего волшебного не ощущалось, многие годы в Палехе создавались исключительно православные сюжеты.

«Официальщина!» – разглядывая многочисленные миниатюры, решила Екатерина Алексеевна. А ведь подарок предназначался не послу, не министру, а женщине, китаянке, пусть и жене самого Председателя Мао. Сотрудники Отдела внешней политики Центрального Комитета передали для товарища Мао Цзэдуна авторскую копию картины «Ходоки у Ленина» художника Владимира Серова. Екатерина Алексеевна связалась с Сусловым, который отвечал в ЦК за общение с братскими коммунистическими партиями, и он со свойственным волжским акцентом, часто окая, предупредил:

– Учтите, товарищ Цзян Цин не по годам сообразительна. Она может напустить на себя неприступный вид или вспылить, но вы не тушуйтесь, помните, она актриса. Повстречав ее, Председатель был так очарован, что развелся с женой.

Цзян Цин стала четвертой женой Мао Цзэдуна.

– Погуляйте с ней по Москве, сходите в Третьяковскую галерею, – советовал Суслов.

– Для прогулок время неподходящее, ноябрь, – ответила Фурцева, – Я приглашу ее на обед в «Метрополь».

– Пообедайте, – не возражал Михаил Андреевич.

Когда «ЗИС» первого секретаря Московского городского комитета Партии въехал в ворота больницы на улице Грановского, сыпал мелкий снег, дорога обледенела и хлесткий ветер пробирал до костей. Екатерина Алексеевна оделась легко и, не мешкая, прошла в помещение. Главный врач Арцыбашев на всякий случай дал команду накрыть в одном из люксов клиники стол – коньячок, вина, легкие закуски, часто бывало, что подобные встречи заканчивались застольем. Люкс этот находился на том же этаже, где лежала иностранная гостья, только в противоположном конце коридора. Пользуясь крайней лестницей, в нем было удобно принять доставленные из Столовой лечебного питания угощения и своевременно менять сервировку.

Второй этаж здания состоял из апартаментов для самого высокого руководства. Здесь, когда обострялась язва, лежал Климент Ефремович Ворошилов, два раза проходил обследование товарищ Маленков, проверял сердце Молотов. Трехкомнатный номер, с окнами во двор, из которого позавчера выписался подхвативший воспаление легких Анастас Иванович Микоян, со следующего месяца закрепили за президентом Польской республики Болеславом Берутом, а самый большой, четырехкомнатный (среди медработников он именовался «отсек») был предоставлен супруге Председателя Коммунистической партии Китая. На спецэтаже посторонние никогда не появлялись, проходы сюда стерегли сотрудники Главного управления охраны. В палатах, этажом выше, разместились служанка-переводчица, массажистка-парикмахерша, и, разумеется, китайский лечащий врач супруги Мао Цзэдуна, который неотлучно находился при пациентке.

Советская медицина считалась в Китае передовой. Много лет Мао Цзэдуна лечили два русских доктора. Вдоль и поперек изучив недуги, они стали для Председателя КПК спасителями, панацеей, ведь веры в соотечественников у правителя Поднебесной не было. Семьи советских эскулапов не спешили перебираться в Пекин, жены приезжали к мужьям реже и реже, письма были короткими, медики тосковали. Товарищ Мао оказывал светилам медицины повышенное внимание, они жили в роскоши, как подобает приближенным владыки, ни в чем не нуждались, не хватало им в далекой стороне лишь душевной близости, а по существу – трогательной женской ласки, которая окрыляет всякого мужчину, вселяя уверенность и веру в счастливое будущее. Товарищ Мао нашел способ поправить дело – в качестве официанток и горничных он присылал к докторам таких очаровательных дев, что русские доктора уже не торопились на Родину. Один влюбился всерьез – улыбчивая Веики родила ему двоих деток-крепышей, и он от всего сердца радовался, воспитывая шустрых, звонкоголосых ребятишек. А второй не мог остановиться, меняя очаровательную службу каждые три месяца и повадками начинал походить на своего могущественного пациента. В результате товарищ Мао Цзэдун остался при надежных лекарях, которые способствовали драгоценному долголетию.

В «отсеке» Фурцеву пригласили в гостиную. Вид из окна был печальный – огрубевшая, беспросветная безликость осени. Покинутая деревянная беседка с резными столбами, к которой вел узкий мосток, перекинутый над декоративным прудом, где летом зацветали кувшинки, не делали вид лучше. Заскорузлые голые кусты и несчастные деревца, не могли придать вытянутому пространству признаки умиротворения. Наверное, когда земля зацветала, смотреть на засаженный липами, каштанами и жасмином внутренний дворик больницы было куда приятней.

«В любое время года болеть плохо!» – глядя на печальную улицу, решила Екатерина Алексеевна.

– Товарищ Цзян Цин сейчас будет, – растягивая слова, тоненько пропела узкоглазая переводчица, поклонилась и выскользнула за дверь.

Нескольких минут совершенно хватило, чтобы внимательно осмотреть комнату: в углу витал сизый дымок, невидимо тлевшая палочка, по размеру чуть толще соломинки, испускала терпкое благовоние, которое перебивало остальные запахи, и даже стойкий дух лекарств, считавшейся неистребимым в любом лечебном учреждении, исчезал, уступая место чужеродной свежести. В центре круглого обеденного стола стояла китайская ваза – вытянутый фарфоровый квадрат с рельефными листьями и журавлями в сиренево-синих тонах. На резной костяной подставке с подоконника в комнату смотрел палисандровый Председатель Китайской Народной Республики товарищ Мао Цзэдун, одетый, наподобие Сталина, в полувоенный френч без знаков отличия и наград.

Дверь скрипнула, Екатерина Алексеевна обернулась и увидела красивую, очень прямо державшуюся женщину. Секретарь горкома встала. Супруга Великого Кормчего слепила улыбкой. На ней было длинное, предельно обтягивающее фигуру черное платье, соответствующее цвету ее миндалевидных глаз и волос, прямо над сердцем была приколотая рубиновая брошь в виде пятиугольной звезды. На безымянном пальце сверкало кольцо с прозрачным, крупным камнем.

– Здравствуйте, товарищ Цзян Цин! Я Екатерина Фурцева, первый секретарь Московского городского комитета партии, – представилась гостья.

Миниатюрная переводчица, кланяясь при каждом слове, переводила. Чарующая китаянка была подобна царице, она еще ослепительней улыбнулась и протянула руку:

– Я благодарна за ваш визит. Присаживайтесь. Разрешите угостить вас чаем?

Фигура и черты ее лица были безупречны, с нее можно было копировать образ эталонной женщины, и одета она была с большим вкусом. Туфельки на каблук делали женщину еще изящней. Шелковое платье имело короткие, не доходившие до локтя рукава. Фурцева первый раз встречала столь ослепительную красавицу.

Товарищ Цзян Цин держала себя непринужденно, но вместе с тем с большим достоинством, подчеркивая свое непререкаемое превосходство. Готовясь к встрече, Екатерина Алексеевна прочитала присланную из Комитета государственной безопасности справку, где говорилось, что последняя жена Мао Цзэдуна происходила из самой простой семьи, отец пил, мать с утра до ночи трудилась, не гнушаясь никакой работы. В пятнадцать лет Цзян Цин сбежала из дома, жила то с одним мужчиной, то с другим, в двадцать вышла замуж, но через полгода, в поисках красивой и обеспеченной жизни, бросив несуразного мужа, поступила в шанхайскую театральную труппу, которая часто гастролировала. В одну из таких поездок юная Цзян Цин попала на глаза главнокомандующего Мао Цзэдуна. Полководца не смутило, что пылкая актриса нечасто играла для высшего общества, а плясала и пела даже для моряков многоликого Шанхая, неумных, грубых, безудержно пьющих, способных на любую непристойную выходку. Актриса развлекала торговцев, солдат, мелких клерков, но даже в таком суровом мире смогла выжить и преуспеть.

Китаянка угостила гостью чаем «Колодец дракона», который предпочитал ее разборчивый муж. Екатерина Алексеевна произнесла заранее заготовленные приветствия, получая в ответ благожелательные кивки головы, затем приступила к вручению подарков. Первым делом в комнату внесли картину «Ходоки у Ленина» – подарок Центрального Комитета Председателю Мао. При виде ленинского изображения товарищ Цзян Цин встала и в восторге прижала руки к груди.

– Ленин самый большой человек на земле! – с неподдельным волнением произнесла она и, подойдя вплотную к полотну, которое почти равнялось ее росту, поцеловала Владимира Ильича. – Я так люблю великого Ленина! – член Китайской Коммунистической партии не смогла удержать слез умиления.

Когда Цзян Цин, подавшись вперед, целовала основоположника коммунизма, шелковое платье ее чуть распахнулось, обнажая холеное плечико с татуировкой золотой рыбки. Может,

таков был расчет модельера, чтобы вот так, неожиданно, приоткрыть прелести молодой женщины, но, возможно, он и не подозревал о существовании на плече заказчицы столь удивительного рисунка, только ни у одного мужчины, увидевшего татуировку, не оставалось сомнения, что перед ним – золотая рыбка!

Когда Цзян Цин появилась в комнате, благовонья и фимиамы, испускающие терпкие ароматы, отступили, все вокруг заполнил теперь ее неподражаемый запах, запах то ли ее совершенного тела, а может, ее удивительных духов.

– Разрешите в память о нашей встрече подарить вам кое-что от себя, – Фурцева вынула картонный футляр, выстланный внутри ватой, где лежала федоскинская шкатулка, открыла его и пододвинула Цзян Цин.

– Чудесно! – восхитилась жена вождя.

– И это вам, – Екатерина Алексеевна достала янтарное ожерелье с браслетом и сережками.

– Чудо! – залюбовалась китайка, ее миндалевидные глаза потеплели. – Это янтарь?

– Да.

– У меня никогда не было янтаря! – Она приложила ожерелье к груди и посмотрелась в зеркало над сервантом. На черном шелке янтарь выглядел по-царски.

По всему было видно, что жена Председателя Китая довольна. Цзян Цин с нескрываемым любопытством смотрела на сидящую напротив женщину, также очень привлекательную. Китайка сразу обратила внимание на ее безупречную внешность. Накануне ей сказали, что ее хочет посетить член Президиума Центрального Комитета, а пришла эта интересная особа.

– Вы член Президиума ЦК?

– Кандидат в члены Президиума и Секретарь Центрального Комитета, – уточнила Екатерина Алексеевна.

– Но вы представились как первый секретарь Московского горкома?

– К тому же я первый секретарь Московского городского комитета Коммунистической партии, – подтвердила Фурцева.

«Чья она любовница? – пыталась угадать китайка. – Хрущева или Булганина? Не может же такая картинка быть столь разумна?»

Глаза актрисы смотрели с нескрываемым интересом.

– Как проходит лечение?

– Обследование.

– Да, обследование, извините! – поправилась Екатерина Алексеевна.

– Я плохо сплю, мучает бессонница. Врачи считают, что у меня чрезмерное нервное напряжение, а как снять его, не говорят, – нахмурилась больная. – Когда меняю обстановку, начинаю лучше спать. Москва мне на пользу. Очень люблю ваш Крым, Черное море.

Со времен Сталина в Мисхоре за Председателем КПК был закреплен Юсуповский дворец, несколько раз, под фамилией Юсупова, там гостила его жена.

– Не желаете глоток коньяка? – предложила Цзян Цин.

Фурцева кивнула. По бокалам разлили коньяк.

– За революцию во всем мире! – произнесла супруга китайского вождя.

– За революцию! – отозвалась Екатерина Алексеевна.

По глотку выпили за Ленина и за Мао Цзэдуна.

– Приятно пить за таких выдающихся людей! – высказалась китайка и неожиданно добавила: – Коньяк помогает спать.

– И для меня коньяк лекарство, – призналась Фурцева. – Я бы хотела пригласить вас в Музей изобразительных искусств, а потом на обед.

– Лучше пойдем в Музей революции, – став очень серьезной, ответила обворожительная товарищ Цзян Цин.

Кто бы мог подумать, что она, с виду сущий ангел, за любую, даже самую незначительную провинность немилосердно колотит своих слуг?

– Знаешь, какая она красивая? – лежа в кровати, сказала Екатерина Алексеевна Валере.

– Кто? – не понял Кротов.

– Она, жена товарища Мао Цзэдуна.

– По мне, китайцы все на одно лицо, – зевая, проговорил молодой человек и перевернулся на другой бок.

«Какая загадочная женщина. Властная, умная, обворожительная! А я? Так и истлею на работе, засохну – не вздохнуть, не продохнуть! Хорошо, что раз в неделю играю в теннис. Надо хотя бы два раза играть, и надо массаж делать, и еще бросить курить! Да, да, курить! Обязательно брошу! Не буду за собой следить, обаблюсь, превращусь в гиппопотама с умными глазами, а мне жить хочется! – Фурцева с грустью посмотрела на своего незатейливого любовника, который сладко посапывал рядом. – У Валеры бессонницы не бывает, прислонил голову к подушке и – спит!»

18 ноября, пятница

На этот раз к поездке в Дели готовились основательно. Последние три месяца на связи чуть ли не каждый день было посольство Индии, от Министерства иностранных дел туда бесконечно поступали новые и новые вводные. Недавний визит Джавахарлала Неру еще более сблизил Москву и Дели. Николай Александрович Булганин и Никита Сергеевич Хрущев откликнулись на предложение индийского руководителя совершить ответный визит, а заодно решили посетить Бирму и Афганистан. Время для поездки выбрали хорошее, не жаркое и без дождей. Такой обстоятельной поездкой по Азии Никита Сергеевич хотел продемонстрировать Мао Цзэдуну нарастающее влияние Советского Союза, сместить международную векторность в сторону Москвы. В последнее время Председатель Мао все громче подавал голос, пытаясь выставить себя благодетелем для многих миллионов людей.

После победы над гитлеровской Германией и Японией международный авторитет Советского Союза невероятно возрос, однако могущество это надо было поддерживать, постоянно напоминая о значимости и силе советской державы. Если скромно отмалчиваться, чувство восхищения притуплялось, а Мао Цзэдун с помощью беспринципных пропагандистов повсюду восхвалял и превозносил красный Китай. В регионах Индокитая, Среднего Востока и Океании СССР рисковал скатиться на второстепенные роли. Делегацию в Индию собрали внушительную.

– Покажем китайцу, кто есть кто! – высказался Первый Секретарь.

Члены советской делегации приехали во Внуково заранее и послушно ожидали появления первых лиц – Булганина и Хрущева. В законченной пристройке к зданию аэропорта, предназначенной специально для приемов и проводов правительства, царила суматоха. Ответственные за организацию поездки сбились с ног, количество членов делегации все время увеличивалось, а вчера сообщили, что полетит еще и булганинский повар, которому требовалось целых два места, он вез с собою кастрюли, ножи и кое-что из продуктов и ни при каких обстоятельствах не соглашался сдать груз в багаж. Николай Александрович начал худеть, а лучше, чем у его Игорька паровые котлетки ни у кого не получались. И еще началась чехарда с подарками, которые везли с большим запасом: ведь куда бы ни отправились председатель Совета министров и Первый Секретарь, требовалось вручать памятные сувениры. Оттого-то, от этих порою громоздких сувениров, все свободные места во втором салоне были забиты коробками, а теперь требовалось усадить туда повара. Взад-вперед ходили начальники и командовали. При министре Шепилове в МИДе не стало элементарного порядка, по его воле понабрали на руко-

водящие должности новых людей, чуждых строгой мидовской дисциплины и эрудиции. Внешнеполитическое ведомство наполнилось выходцами из редакций газеты «Правда», журналов «Коммунист» и «Крокодил», научными сотрудниками, вот и пожинали плоды кадровой неразберихи в неразберихе натуральной.

– Посольства подстрахуют! – с раздражением высказался первый заместитель министра иностранных дел Громыко. Работая при Молотове и Вышинском, он не мог предположить неточности, недобросовестности, а тут – ляп за ляпом!

– Летим! – вылезая из машины и посмотрев в безоблачное небо, благодушно проговорил Булганин.

Николай Александрович был в белом костюме и держал в руках шляпу.

– Надо сфотографироваться, а то пресса ждет! Вылезай, Никита!

Первый Секретарь появился из салона автомобиля сразу за председателем Совета министров. Провожать Булганина и Хрущева приехали Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян, Пospelов, Первухин, Сабуров, Суслов, Жуков, Серов, Косыгин, Малиновский, Горшков и Шелепин. В окружении провожающих Булганин с Хрущевым сфотографировались, снимки эти к вечеру появятся во всех советских газетах, облетят мир. В числе менее именитых провожающих оказался и зять Никиты Сергеевича, Алексей Иванович Аджубей. Заметив молодого человека, маршал Малиновский сразу направился к нему поинтересоваться, как растет сынок.

Дмитрий Трофимович Шепилов и Екатерина Алексеевна Фурцева вошли в состав делегации.

– Красавец! – любуясь истребителем, застывшим на летном поле, проговорил Николай Александрович.

Боевые «МИГи» обязательно сопровождали правительственные перелеты.

– Брат Степан сделал! – похвастался Микоян. – По летным и боевым качествам «МИГу-21» равных нет!

Булганин взял рюмку.

– За славных авиационных зодчих! – провозгласил председатель правительства. – Держись, враг!

– А где оракул? – имея в виду Хрущева, спросил маршал Жуков.

– Вещает! – улыбнулся Микоян.

У Никиты Сергеевича стало традицией давать обстоятельные интервью по любому поводу. «Надо разъяснять народу, что происходит, – доказывал он. – А то люди скажут – мы работаем, а наши начальники непонятно чем занимаются. А мы трудящимся отчет – так мол, и так!»

Первый Секретарь говорил не переставая. Его речи без сокращений публиковались в печати и иногда занимали полностью газету.

– Чего его Катька без настроения? – кивнув на Фурцеву Жуков.

– Хахаль гонял. Говорят, хотел топором зарубить, – усмехнулся Булганин.

– Она юркая! – с издевкой подметил маршал.

– Чего ржете? – спросил подошедший Хрущев.

– За Катьку переживаем. Достают ее мужики! – лыбился Георгий Константинович.

– Вы лучше об Индии думайте! – отрезал Хрущев.

– Николай Александрович, Никита Сергеевич! – позвал замуправделами Смиртюков. – Приглашаем на посадку!

– Иди первый, – уступил Хрущев. – Ты как-никак руководитель делегации.

Булганин надел шляпу, поправил на груди пиджака золотую звезду Героя Социалистического Труда, которую ему вручили в начале лета в связи с шестидесятилетием, и направился к выходу.

8 декабря, четверг

Анюта была беременна. Она не то чтобы пополнилась, нет, скорее округлилась, более отчетливо выступил живот, груди стали большие и тяжелые, в движениях появилась размеренность, плавность, даже голос сделался мелодичен, певуч. Вся ее суть теперь подчинилась заветному таинству материнства, которым, как наградой, жалует женщину природа. И когда свершилось чудо зачатия, женщина преображалась, становилась иной, необычной, необъяснимой, недосягнутой, заключенная, как в крепости, в себе самой. И крепость эта – ее тело – должна вынашивать, оберегать во чреве драгоценное дитя. И лишь тому, чей ребенок шевельнулся под сердцем, счастливо покорялась супруга, лишь один, избранный, был необходим, желанен и дорог, и потому еще он был желанен и дорог, что только самому близкому человеку женщина отдавала себя без остатка, погружаясь в безумства любви – ведь возлюбленный есть часть заветного плода, вселенского таинства. Оттого Ванечкины голубые глаза, улыбочивые губы, бережные прикосновения были бесконечно желанны, и было ему все позволено и разрешено, даже то, о чем неловко говорить. Лишь долгожданный ребеночек и милый возлюбленный делали мир бесценным, а все остальное не имело никакого значения!

«Жду дитя, жду дитя! Жду, жду, жду!» – радостно отзывалось сердечко.

В комнату постучали.

– Анна Витальевна!

Она запахнула халат и выглянула за дверь. За дверью стояла горничная.

– Елки приехали, куда выгружать?

– Елки? – нахмурила лобик Аня. – Ну, конечно, ведь Новый год на носу! Сейчас иду.

Не торопясь, она сошла вниз.

– Одну в столовую поставим, а другую оставим на улице, перед входом. Большие они?

– Агромные! – отозвалась горничная.

Анна Витальевна выглянула в окно, но стекло было сплошь исчерчено непроглядным узором мороза. Пришлось накинуть шубу и выйти на крыльцо. Из грузовика выгружали елки.

– Самую высокую сюда, перед входом поставим, – указала хозяйка, – а меньшую – в дом!

Из «Победы», которая стояла, поравнявшись с грузовиком, проворно выскочил лысоватый мужчина, в суматохе он забыл надеть шапку.

– Какую в дом нести, Анна Витальевна?

Аня сразу узнала в сутулой фигуре усовского директора. Он так суетился, помогая с выгрузкой, что шарф его, зацепившись за колючие ветки, слетел на землю и был бы обязательно затоптан неуклюжими рабочими, если бы прыщавый водитель не спас его, подобрав.

– Шарф потеряли! – услужливо промямлил он.

– Да какой шарф, погоди!

Директор руководил разгрузкой и краем глаза косился на Аню. Жена Серова развернулась и ушла в дом.

– Черт его принес! – в сердцах ругнулась она.

За это время девушка ни разу не вспомнила обидчика, а тут он сам заявился.

«Развратник! Что ему надо?!»

Не удостоенный хозяйского внимания, директор поклонился около машины и уехал. Испортил он настроение Анечке, здорово испортил!

Когда елки установили на места, Анна Витальевна с работницами принялась за их украшательство – четыре ящика замечательных немецких игрушек прислал на дачу заботливый муж. Провозились часа полтора, но зато какие елки стали нарядные – любо-дорого смотреть! Под одной, той, что в доме, стоял Дед Мороз, раскрашенный в красный цвет, вернее, шуба

у него была красная. Широкая седая борода с усами, за плечами фиолетовый с золотистыми звездочками мешок с подарками, рядом Снегурочка – ну прелесть какая!

Умаялась Аня, наряжая, но зато какое удовольствие получила! Жили они с матерью небогато, по-деревенски, как жили тысячи крестьянских семей, и поэтому к игрушкам, которых никогда раньше не было, относилась с трепетом. Деревенские дети сами мастерили себе игрушки, девочки делали тряпичных кукол, а мальчишки вырезали из дерева ружья и солдат. И вот теперь, столкнувшись с настоящими куклами в нарядных платьицах, с плюшевыми мишками, лошадками-качалками, дивными елочными украшениями, Анюта замирала от счастья! Ей хотелось взять каждую игрушку в руки, прижаться к ней щекой и радоваться детской искренней радостью. У ее мальчика (Аня почему-то была убеждена, что у них с Ваней родится мальчик) непременно будет много игрушек!

Отдохнув, последнее время Анюта стала здорово уставать, она вызвала машину, чтобы поехать в Жуковку, к подруге, которая заведовала библиотекой в сельском клубе. После визита Ильина на душе остался тяжелый осадок. В гостиную зазвонил телефон.

– Алло! – ответила Аня.

– Как ты, зайка? Скучаешь без папы?

Ванечка звонил! Аня несказанно радовалась, когда слышала его ласковый голос.

– Очень скучаю!

– Сегодня жди не раньше восьми.

– Жаль!

– Игрушек хватило?

– И игрушек хватило, и огоньков. Огоньки так сказочно светятся!

Голос жены показался мужу озабоченным.

– У тебя все в порядке?

Анечка вздохнула.

– Представляешь, к нам елки привез мой мучитель.

– Какой мучитель? – не понял Серов.

– Усовский директор!

– Шутишь?! – обомлел Иван Александрович.

– Нет! – Аня всхлипнула. – Я расстроилась!

– Вот мерзавец!

– Не ругайся, Ванечка, тебе плохие слова не идут.

– Да как он посмел! Я ему яйца оторву! – рассвирепел муж.

– Ванечка!

На хищном лице генерала ходили желваки, он обожал свою ласковую жену, обожествлял ее. Ни с одной женщиной ему не было так хорошо, так умиротворенно, легко и спокойно, как с ней, а ведь женщин у Ивана Александровича было предостаточно. С Анютой он не чувствовал лет, он будто становился моложе, хотелось жить, радоваться, летать от счастья, которое наконец улыбнулось. Точно как и она, он мечтал о ребенке. Почти каждый день, с первой встречи, они были близки. Когда супруг касался жены, когда плавно притягивал родную ближе, сердце начинало бешено колотиться, кровь вскипала, он проваливался в блаженство, а после, затаив дыхание, долго не мог на нее налюбоваться. Каждую минуту муж желал быть рядом, разговаривать, целовать, ласкать, получая ласку в ответ, и вот какая-то мразь вторгалась в его личную жизнь, оскверняя самое святое, самое чистое!

– Не делай ничего нехорошего, Ванечка! – умоляла Анюта.

– Люблю тебя! – отозвался муж и повесил трубку.

Серов с каменным лицом сидел в кабинете.

– Негодяй, негодяй! – повторял Иван Александрович.

Он вызвал помощника. Подполковник вытянулся по стойке смирно.

– Поедешь в цековский поселок Усово, возьмешь за шкуру ихнего директора и притащишь ко мне! – хмуро распорядился генерал.

– Слушаюсь! – по суровому виду начальника офицер понял, что действовать надо без проволочек.

Запихивая в машину Михаила Аркадьевича, подполковник крепко пихнул его плечом, лысый директор с размаха врезался в автомобильную стойку между дверьми, набив на лбу шишку. Рослый подполковник сделал вид, что толкнул его так как поскользнулся, и набросился на усовского начальника:

– Чего снег не чистишь?!

Когда директора привезли на Лубянку, пленник сделался бледный, как смерть. Находясь в мрачном здании, он многое передумал, перед глазами пронеслась целая жизнь. Михаил Аркадьевич осознал, какой он подлец, какая дрянь, понял, что ему пришел конец, и что он заслужил этот бесславный конец по справедливости, и нет ему снисхождения! Он раскаялся. Ему было жалко своих очаровательных, изумительно похожих на папу мальчиков, он понял, как мало уделял им внимания, каким плохим отцом был. Работая на ответственной должности в хозяйственном аппарате ЦК, месяцами не показывался дома, детишек воспитывала раздраженная, до предела озлобленная жена, которой со всех сторон нашептывали о его похождениях, и если бы не суровая директорская мама, всегда выгораживающая сына и забиравшая внуков по выходным, детишкам пришлось бы совсем худо. Михаил Аркадьевич начал всхлипывать, в спину его подталкивали грубые руки, подгоняли резкие окрики:

– Шевелись! Быстро! Быстро! – он на ватных ногах шагал по коридорам.

Наконец на шестом этаже, открылись тяжелые двери, и он вступил в огромный кабинет.

– Выйди! – приказал помощнику властный голос.

Подполковник удалился. Михаил Аркадьевич грохнулся на колени и заревел.

– Боишься, сука! – вставая из-за стола, выдавил Серов и, подойдя ближе, с размаха врезал директору справа. Удар вышел смазанным. Директор брякнулся на ковер и от страха захрипел. Хрип и рыдания наполняли кабинет. Серов склонился над ним: – Прибыю здесь! – и еще раз ударил, но уже не сильно, скорее для острастки.

Давно он не бил людей, разучился, не получалось, как надо, а раньше бил сразу на убой.

С тех пор как Иван Александрович стал жить с Анютой, в нем многое переменялось. С какой радостью жена встречала мужа на пороге, как лучились ее глаза! И несокрушимый железный человек, участвовавший в самых гадких деяниях, не верящий ни в дружбу, ни в правду, ни в Бога, ни в дьявола, стал оттаивать. Его огрубевшее, точно у Кая, сердце, очнувшееся после поцелуя Герды, начинало вбирать силу горячих признаний, неподдельных искрящихся чувств. Все вокруг – люди, природа, оживало, наполнялось искренностью и солнцем.

Генерал склонился над поверженным. Человек на полу рыдал.

«Хватит с него!» – решил Серов и вернулся за письменный стол.

– Вставай!

Михаил Аркадьевич с трудом поднялся, он был жалок, унижен, от страха он намочил штаны.

– Чего приперся ко мне?

– Я, я... – заикался директор и вдруг выпалил: – Я на Анну Витальевну хотел посмотреть.

– Чего?! – взревел Серов, кровь в нем снова заклокотала.

– Не верил, что она жена ваша, думал, врут. Я искал ее!

– Кого, мою Аню?! Зачем искал?! – Иван Александрович был готов вырвать из обидчика душу!

– Не мог поверить, что она навсегда убежала, думал, уехала в деревню к родственникам, – Михаил Аркадьевич вскинул голову. – Влюбился я в Аню, вот и хотел проверить, не врут ли люди, что она с вами.

Серов не мог поверить ушам. Этот тип влюблен в его жену?!

Усовский директор всхлипывал:

– Я больше вас не побеспокою... – заикался мужчина. – Простите!

– Тебя прибить? – хмуро спросил Серов.

– Я рад за вас, – шмыгал носом директор. Отек от удара сполз с глаза на щеку и сделался лиловым.

Иван Александрович нажал кнопку скрытого звонка, в дверях появился подполковник.

– Вези обратно, – велел генерал. – Чтоб я про тебя забыл! – напоследок проговорил он.

Когда директора увели, Серов долго тер виски.

«Надо ж, втюрился в Аню!»

Он больше не злился, ему было даже приятно, что его жена так гипнотически действует на мужчин, даже на таких прожженных. Не случайно Нина Петровна удалила ее с дачи. Иван Александрович самодовольно заулыбался:

– Она у меня клад! Моя и только моя девочка!

Генерал набрал дачу. Анюта уже вернулась от подруги.

– Не будет гусь лапчатый больше тебе надоедать.

– Ты ему плохо не сделал?

– Ничего я не сделал, хотел врезать промеж рогов, но сдержался, – соврал Иван Александрович. – Поговорили по-мужски. Он объяснил, что из Управления делами велели елки везти, ну, он и привез, подхалим засратый!

– Бог с ним, я его давно простила. Не было бы его, я бы тебя не встретила! Ты домой едешь?

– Лечу!

13 декабря, четверг

У Хрущева разболелась голова, Президиум ЦК прошел на повышенных тонах. Шепилов доложил, что в Организацию Объединенных Наций приняты 18 государств: Албания, Финляндия, Монголия, Трансиордания, Ирландия, Португалия, Венгрия, Италия, Австрия, Румыния, Болгария, Цейлон, Непал, Ливия, Камбоджа, Лаос, Испания, Япония. Из них всего пять социалистических, хотя Цейлон, Непал, Ливию, Камбоджу, Лаос и Финляндию можно постепенно перетянуть на свою сторону, но ведь это целое дело, и перетянешь ли всех? Молотов задавал Шепилову каверзные вопросы, давил, стремясь доказать, что Дмитрий Трофимович абсолютно некомпетентен на посту министра иностранных дел.

На сто миллионов долларов утвердили кредит Афганистану. Колоссальные деньги, но Афганистан, бесспорно, станет надежным союзником, к тому же он – сосед. Коммунистическую Россию, как независимое государство, афганцы признали первыми. А какой теплый прием был в Кабуле, точно как в Индии, машину Булганина и Хрущева чуть ли не тянули на руках! Хорошие отношения сложились с Суданом, там СССР готовился добывать уран. В Судан также условились послать деньги.

Булганин внес предложение сократить 31 декабря рабочий день на два часа.

– Да как сокращать, если траты кругом! – завопил Каганович. – Нельзя сокращать!

– Не время расхолаживаться! – прорицательно бросил Маленков. – Я без лимита часов работаю, сижу на работе с утра до ночи.

– Народу надо идти навстречу! – высказался Микоян.

– Потом никого работать не заставишь! – не уступал Молотов.

– Давайте сократим, Вячеслав Михайлович, ведь праздник! – настаивал Николай Александрович.

– Ты еще скажи субботу выходным сделать!

– Это нет, нет!

– Торопимся, по-моему, – высказался Ворошилов. – Может, на следующий год так поступим.

– И субботу надо делать выходным! – буркнул Булганин.

– Нарушаем регламент, в повестке дня эти вопросы не заявлены! – оборвал полемику Молотов.

После бурного обсуждения приняли решение отменить плату за обучение в старших классах школ, а также в высших учебных заведениях и профтехучилищах. Плата эта была установлена при Сталине. Также о новогоднем приеме в Кремле переговорили, решили позвать на прием иностранных послов с женами, чтобы лишний раз продемонстрировать открытость и лояльность.

– А иностранных корреспондентов не звать! – прорычал Молотов. – Нечего им в Кремле делать, все равно наш праздник очернят!

– Поддерживаю! – кивал Ворошилов.

– А как в Индии было, что особо запомнилось? – поинтересовался Каганович, который без конца колесил по стране, а вот за границу за год так и не выбрался.

– Есть там чудеса, Лазарь Моисеевич, много чудес. Посмотрели великолепный дворец в Агре. Оказывается, он построен узбекскими мастерами во время четвертой династии Моголов, – блеснул знаниями Никита Сергеевич. – Еще магараджу видели. Индусы к прежним хозяевам гуманно относятся, не пустили в расход, как мы.

– Что магараджа?

– Прощелыга! – заключил Хрущев. – В целом поездка стоящая, к социализму индусы тянутся. И послы наши на месте, я нашими послами в Индии, Бирме и Афганистане доволен, четко работу ведут. За эти двадцать дней мы с Николаем Александровичем 29 тысяч километров пролетели, думаю справедливо летчиков и чекистов наградить и выдать по премии.

Отчет Булганина и Хрущева по итогам поездки в Индию, Бирму и Афганистан признали положительным. Постановили, что с новогодним обращением к гражданам по радио обратится Климент Ефремович Ворошилов.

По дороге домой Хрущев с Булганиным как всегда ехали вместе.

– Ты видал, как Молотов круто поворачивает: это так, а тут – так! Сошел с рельс!

– Да, закусил удила. Злитесь, что мы его никуда не берем, – определил Николай Александрович.

– И хер с ним!

Николай Александрович покорно пожимал плечами.

– Мне б, Коля, про украинские рубахи не позабыть, завтра Косыгину про них скажу.

– Про какие рубахи? – не понял Булганин.

– В Бирме пообещал. Отошлем туда штук пятьсот, может они станут подобные шить. Ведь удобные какие! Я в украинской вышиванке все лето проходил, одно удовольствие!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.